

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.6

МОСКВА 2023

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор,
Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук, заместитель главного редактора,
Е.В. Майорова – ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* –
акад. РАН, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* –
д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* –
д-р филологии, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, *В.Г. Кузнецов* –
д-р филол. наук, *Е.М. Миронско-Белова* – д-р филологии,
А.В. Нагорная – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол.
наук, *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р
филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* –
канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук,
К.Я. Сигал – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

ISSN 2219-8776

DOI 10.31249/ling/2023.04.00

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

Лингвистика // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов: Литература, идентичность и история в немецкоязычном пространстве: Материалы XVIII съезда Российского союза германистов. (Реферат) 6

Сравнительно-историческое языкознание. История языка

Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII – первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков. (Реферат) 11

Психолингвистика

Сиганова П.А. Лингвистические аспекты нейминга в системе формирования и продвижения бренда. (Обзор) 17

Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение

Россия в переводе: к юбилею профессора Биргит Менцель. (Реферат) 33

Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры

Гойчета Л.И., Климова Д.А., Мазурова Д.А., Семенова А.Р., Позднякова А.А., Пономаренко А.С. Дискриминационная коммуникация или дискриминирующее речевое поведение. (Обзор) 41

Опарина Е.О. Концептуальная метафора в дискурсах и регистрах языка. (Обзор) 52

Лингвокультурология

- Куссе Х., Чернявская В.Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике. (Реферат) 63
Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга. (Реферат) ... 68
Садова Т.С. Сногадания и рассказы о снах в русском речевом обиходе: лингвистические заметки. (Реферат) 74

УРОВНИ ЯЗЫКА

Синтаксис

- Русские острова в свете экспериментальных данных. (Реферат) ... 81

Стилистика

- Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. (Реферат) 89

Диалектология

- Григорьева Н.Е. Диалектный этнонимикон псковского пограничья. (Реферат) 94
Королева И.А. Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья. (Реферат) 101
Ровнова О.Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. (Реферат) 108

Семиотика

- Голубева Ю.В., Трубаева Е.И., Перелыгина Т.А. Прямая и метафорическая репрезентация концепта-фрейма «кинесика» английскими глаголами и глагольными сочетаниями. (Реферат) 113

Лингводидактика

- Яковлева Э.Б. Билингвизм: разноуровневая интерференция. (Обзор) 116

Язык пандемии

Бушев А.Б. Язык и пандемия. (Обзор) 128

Графолингвистика

Мелетис Д., Дуршид К. Системы письменности и их применение: обзор графолингвистики. (Реферат) 149

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

ЛИНГВИСТИКА // РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА : ЕЖЕГОДНИК РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ = Germanic Philology in Russia : Yearbook of the Russian Unit of Germanists / Российский союз германистов, Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова (19–21 ноября 2020). – Тверь, 2020. – Т. 18 : Литература, идентичность и история в немецкоязычном пространстве : материалы XVIII съезда Российского союза германистов. – С. 283–489¹. (Реферат)

Ключевые слова: публицистический дискурс; дискурсивный лексикон /вокабуляр; концепт; концептуальная интеграция; концептосфера; речевой акт; прецедентность; вариативность текста; метатекстовые выражения; идентичность.

Статьи раздела «Лингвистика» посвящены наиболее актуальным проблемам современной дискурсивной и антропологической лингвистики.

Вербальная специфика различных типов публичного дискурса рассматривается в статье Е.А. Кондаковой и Г.М. Засевой, а также в статьях Ж.В. Никоновой, Л.И. Гришаевой и Н.А. Голубевой. В статье первых двух авторов «Лексико-семантические особенности немецкого дискурса о политкорректности» базовым по-

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/napravleniia-nauchnykh-issledovaniy/temy-ir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorechii/>

нятием является понятие дискурсивного лексикона, который не только отражает актуальные представления общества об определенном объекте внеязыковой действительности, но и формирует их. Авторы разделяют концепцию Х. Кемпер о том, что дискурсивный вокабуляр обладает собственной семантической структурой, соотносящейся с темой, участниками дискурса, его функциями, временными рамками и отдельными фрагментами¹. Вокабуляр данного дискурса анализируется в сопоставлении с недискурсивным словоупотреблением, для чего проводится инвентаризация лексики политкорректного дискурса, представленного в медийной дискуссии на тему политкорректности. Выявляется лексическое ядро данного дискурса, т.е. единицы, относящиеся, как правило, к общеупотребительной лексике (например, *Flüchtling* «беженец», *Behinderter* «человек с особенностями здоровья»). Любое общеупотребительное слово получает в дискурсе специфические «обертоны прагматического характера» (с. 406), которые со временем отражаются в словарях общеупотребительной лексики. Анализируется также периферия данного дискурса, т.е. выявляются единицы, которые «так и не стали языковыми факторами» (с. 408), например, *Passdeutscher* «немец по паспорту», *Mensch mit selektiver Teilnahme* «человек выборочного участия». Подробно рассматривается лексема *Biodeutscher* «биологический, т.е. настоящий немец», вербализующая концепт «Мы» и «Другие». Эта лексема может использоваться как в нейтральном контексте, так и в контексте, отражающем ультраправую идеологию.

Исследование Ж.В. Никоновой «Особенности реализации речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе» выполнено на материале немецких газетных статей и объявлений (2015–2016). Констатируется, что самым частотным иллокутивным актом в структуре этого речевого акта является выражение эмоций. Приводятся данные по частотности реализации исследуемого речевого акта.

К дискурсивно обусловленным феноменам относятся также феномены национально-культурной прецедентности, реализуемые в дискурсах с определенной культурной спецификой. Для анализа

¹ Kämper H. Opfer, Täter, Nichttäter: Ein Wörterbuch zum Schulddiskurs 1945–1955. – Berlin : de Gruyter. 2015. – 337 S.

таких феноменов Л.И. Гришаева считает предпочтительным не атомистический, а единый холистический и динамический подход, поскольку он позволяет описывать вариативность текста («Закономерное и случайное при варьировании текстов с прецедентными феноменами»). В качестве одной из наиболее заметных тенденций в вариативности семантической и синтаксической структур текстов и, соответственно, в организации дискурса отмечается тенденция к «уплотнению интертекстуальных связей и возрастанию вклада прецедентных феноменов... в достижение когерентности текста и в структурирование информационных потоков в культурном пространстве» (с. 342). Подчеркивается, что тексты, содержанием стержнем которых является прецедентный феномен, обеспечивают варьирование текста как в семантическом и формальном, так и в функциональном отношениях. Эти особенности прецедентных феноменов характеризуются в статье как закономерные. Относительно же случайным автор статьи считает «выбор конкретного ПФ (прецедентного феномена – *H. T.*) как средства реализации определенной коммуникативной задачи... потому, что одна и та же стратегия в культуре может реализовываться разными способами и с помощью разных средств, в том числе, однако, не обязательно через апелляцию к ПФ» (с. 361).

В статье Н.А. Голубевой «Категория неопределенности как объект прецедентной лингвистики» характеризуются метатекстовые выражения типа: 1) *X-und-x* (*Ich habe meiner Tochter alles gut erklärt: "Zur Party musst du dich **soundso** kleiden. Dann kannst du nicht auffallen"* «На вечеринку ты должна одеться **так-то и так-то**. Тогда ты не будешь выделяться»); 2) словами *ein bestimmter / gewisser* «определенный / некий»: *Als wir an der Haltestelle standen, da sagte mein Mann zu mir: Wenn der Bus zu einer **bestimmten** Zeit nicht kommt, da nehmen wir ein Taxi* «Когда мы стояли на остановке, мой муж сказал мне: «Если автобус не придет к определенному времени, то мы возьмем такси») и т.д. Различаются два вида прецедентов – языковые и коммуникативные: «Они являются первичными семиотическими логико-содержательными прототипами прецедентного знака. Прецедентный языковой знак получает, таким образом, две дейктические проекции: системно-языковую и дистрибутивную» (с. 327).

В ряде статей рассматривается проблема культурно-этнической идентичности. П.Н. Донец («Концепт IDENTITÄT и его актуализация в немецком публицистическом дискурсе (на материале еженедельника “Die Zeit”) определяет ядро этого концепта как «факт отнесения себя некоторым индивидом к тому или иному (гендерному, этническому, культурному и т.п.) сообществу и вытекающие отсюда для него права (прежде всего, на сохранение сложившихся в данном сообществе ценностей и образа жизни) и обязанности» (с. 367). Результаты проведенного исследования показали, что слово *Identität* имеет в современном немецком языке три основных значения: «тождество», «паспортные (анкетные) данные» и «самосознание». Автор подчеркивает, что полученные данные должны отражаться в лексикографической практике и служить основой для определения понятия «идентичность» в социопсихологии и политологии.

Краткое и емкое определение идентичности предлагает В.Б. Меркурьева в статье «Создание идентичности российских немцев в художественном дискурсе»: «Идентичность – это есть ответ на вопрос ‘Кто я такой?’» (с. 431). Вопрос об идентичности российских немцев осложняется тем, что они переехали в Россию в XVIII в., т.е. до того, как Германия стала единым государством. В.Б. Меркурьева присоединяется к точке зрения В.В. Веревкиной¹, что предки современных российских немцев переселялись как гессенцы, пруссаки, саксонцы, лотарингцы и баварцы, а не как немцы. Единую общность они образовали уже в России, в чем особую роль сыграла их депортация. В.Б. Меркурьева различает три группы переселенцев: 1) ранние переселенцы, отлично владеющие немецким языком и считающие себя настоящими немцами; 2) поздние переселенцы, осознающие свою бикультурность (немецко-русскую); 3) поздние переселенцы, испытывающие кризис самоидентификации². В.Б. Меркурьева уделяет основное внимание языку художественного дискурса, сформированного жанром

¹ Веревкина В.В. Об этнической идентичности российских немцев. – 2013. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2287>

² См. также: Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг – Эрланген) // Демоскоп. – 2006. – № 243–244. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>

эссе сначала в СССР в середине и в конце XX в., а затем в ФРГ в начале XXI в. Можно отметить, что российские немцы всегда использовали возможности своего двуязычия не только в повседневном общении, но и в художественном дискурсе: русизмы становятся редкими, но продуманными маркерами в этом дискурсе.

Е.В. Беспалова («Урбанистический ландшафт как средство создания гибридной культурно-этнической идентичности») описывает на материале романа Яде Кары “Selam Berlin” способы реализации этой этничности. В качестве опорных взаимосвязанных концептов выбраны Берлин и Стамбул. Исследование проведено с учетом социокультурного фона жизни персонажа-мигранта, проживающего в Западном Берлине.

Аспектам исследования концептов как единиц ментального лексикона посвящена также статья Е.Н. Цветаевой и В.А. Куликовой «Концептуальная интеграция: антропонимы в антономасическом сравнении», а также статья О.А. Костровой «Концептосфера авторской языковой личности в романе Кристи Вольф “*Kindheitsmuster*”».

Статья М.В. Петровой «Альтернативные миры Кристофа Рансмайра – языковые особенности конструирования альтернативных моделей реальности (на примере романа «Кокс, или Бег времени») является междисциплинарным исследованием, так как в нем сочетается лингвистический анализ с литературоведческим. Жанровое своеобразие романа рассмотрено с позиций эстетической парадигмы постмодерна.

В ежегоднике опубликованы также статьи А.В. Иванова «Словарная статья как особый тип текста (на материале словарных статей с заголовочным словом *Akzent*)» и А.В. Авериной «Виды модальных значений в немецком языке, передаваемых формой Futur I».

Н.Н. Трошина
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА.

ВКЛАД ИНОСТРАННЫХ УЧЕНЫХ И ПЕРЕВОДЧИКОВ /

отв. ред. С. Менгель. – Москва : Издательский Дом ЯСК,

2021. – 328 с. – (Studia Philologica).

(Реферат)

Ключевые слова: история русского литературного языка; первые грамматики русского языка; кодификация русского языка; перевод грамматик иностранных авторов.

Исследование предлагает новое виденье проблематики первых грамматик русского языка, созданных в конце XVII – первой трети XVIII в. преимущественно иностранными авторами. Впервые делается попытка рассмотреть произведения иностранных ученых и переводчиков не как плод “лингвистической любознательности” и/или подспорье для “устроителей нового литературного языка” в России, а в контексте западноевропейского культурно-просветительского и грамматологического дискурса, в рамках которого русские грамматики создавались наряду с грамматиками других национальных языков, при этом не для “описания живой разговорной речи” в России, как принято считать, а с целью кодификации русского языка на основе одного из его узусов издания на этом языке “хороших книг”. В зависимости от принадлежности определенным западноевропейским просветительским традициям и понимания культурно-языковой ситуации в России авторы грамматик предлагают альтернативные модели кодификации, отличные не только друг от друга, но и от того пути, по которому пошло

формирование русского литературного языка нового типа в России. Согласно цели исследования приводится анализ образцов переводческой продукции, отражающей представленные в грамматиках модели кодификации, и прослеживаются *per exemplum* пути рецепции подобных текстов. Отдельные грамматические произведения, уже известные научной общественности, рассматриваются под новым углом зрения, позволяющим по-новому увидеть их значение в западноевропейском научно-историческом контексте времени их создания, уточнить грамматические намерения их авторов и предложить для них новую атрибуцию и датировку.

Глава I “Первые грамматики русского языка” посвящена как анализу целей первых русских грамматик (раздел I. 1. Грамматические произведения иностранных авторов в конце XVII – первой трети XVIII в. Их цели и особенности) и причин формирования и применения различных кодификаторских концепций в России (раздел I. 2.1. Между русским и церковнославянским: культурно-языковая ситуация в России в конце XVII – первой трети XVIII в. представлении иностранных авторов русских грамматик), так и анализу отдельных грамматических произведений, уже известных научной общественности, но предстающих под новым углом зрения, позволяющим по-новому и более рельефно увидеть их значение в западноевропейском научно-историческом контексте времени их создания (раздел I. 1.1. К предыстории “Русской грамматики” Генриха Вильгельма Лудольфа, раздел I. 1.3. В поисках “духа русского языка”: “Русская грамматика и методика”: Жана Сойе; раздел I. 1.2. Дополнительный источник сведений о грамматических воззрениях, раздел I. 1.4. Первый печатный учебник русского языка как иностранного в России, раздел I. 1.5. Начальные основы русского языка Иоахима Кристофа Шталя).

В работе отмечается, что объем и сложность представленной в Главе I проблематики дает ей полное право занять по объему большую часть проведенного исследования. В западноевропейском научном дискурсе начиная с XVI в. возникает прагматический, нередко “миссионерский”, интерес к отдельным национальным языкам, что ведет к созданию их первых грамматик. При этом грамматическое описание осуществляется по образцу латинского языка, т.е. по матрице латинской грамматики. При отражении категории падежа существуют две практики: либо шестичленная

(включая вокатив) эквиполентная оппозиция латинской парадигмы падежа апплицируется в языковую систему языка описываемого, а имеющиеся в нем формальные оппозиции, не соответствующие латинским, “подгоняются” под значения латинских падежей, либо на месте последнего латинского падежа *Ablativus* выделяются “новые” падежи.

Обе практики описания категории падежа представлены в первых церковнославянских и русских грамматиках XVI – начала XVIII в. В первых грамматиках русского языка иностранных авторов, создаваемых в научном пространстве западноевропейской грамматической традиции, преобладает вторая практика описания категории падежа, в рамках которой для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива прослеживаются две линии формирования соответствующей латинской терминологии.

Первая линия формирования латинской терминологии в рамках западноевропейской грамматической традиции для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива предусматривает введение термина *Ablativus Instrumentalis* для падежа с более узким значением “инструмента” в соответствии с беспредложным латинским аблативом и сохранение термина *Ablativus (Ablativus Absolutus)* для второго многозначного падежа в соответствии с многозначным латинским аблативом.

Вторая линия формирования латинской терминологии в рамках западноевропейской грамматической традиции для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива связана с подбором специального термина не только для одного, но и для обоих русских падежей и берет свое начало с введения термина *Ablativus 2. Narrativus* для второго падежа параллельно к уже существующему особому термину *Ablativus [1]Instrumentalis*.

Приоритет введения термина *Ablativus 2. Narrativus* в парадигму описания русского падежа принадлежит с высокой степенью вероятности И.К. Шталю, автор рукописной академической грамматики “*Rudimenta Linguae Russicae*” (Stahl 1722–1725) и печатного практического пособия – справочника в таблицах (Stahl 1720/1722), известного сегодня как печатный лист “*Extranea*”.

Терминология, представленная в печатном листе “*Extranea*”, т.е. пособия – справочнике Штала, один из экземпляров которого был передан в Академическую гимназию в Санкт-Петербурге,

находит отражение в терминах *Instrumentalis* и *Narrativus* (без указания на латинский *Ablativus*) в печатной грамматике Адодурова “Anfangs-Grunde der Russischen Sprache” (1731) и неоконченной рукописью “Compendium Grammaticae Russicae” (1731). Оба грамматических произведения – это результат первых попыток кодификации русского литературного языка нового типа, предпринятых Российской академией наук в первой трети XVIII в.

Со второй линией формирования латинской терминологии для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива в рамках западноевропейской грамматической традиции связаны терминологические изыскания И.В. Пауса, предлагающего в своей рукописи, представленной в Академию наук грамматике “Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache” (Paris 1705–1729) термины *Effectivus* и *Objectivus*. Притом что первый термин, используемый Паусом синонимично к *Instrumentalis*, был уже известен в западноевропейском грамматическом дискурсе, второй представляет собой довольно удачное нововведение Пауса для обозначения будущего “предложного” падежа на основе выделения в качестве его особого признака связи с “объектом”.

Авторы отмечают, что заслугой Пауса является предложение грамматического описания двух рассматриваемых русских падежей вне связи с латинским *Ablativus*, как это было принято в западноевропейской грамматической традиции, но как самостоятельных падежей с самостоятельными значениями, отличными от значений латинского аблатива. Тем самым Паус перекидывает мостик от западноевропейской грамматической традиции к традиции грамматик русского языка Российской академии наук, инициаторами которой с опорой на западноевропейскую терминологию следует в этом плане считать не только Адодурова и Шванвица, но и Пауса.

В наибольшем объеме сохранились переводы на русский язык И.В. Пауса, выполненные им в России. Их анализ в соответствии с оригинальной концепцией кодификации “славено-русского” языка, представленной в его грамматике, дается *per exemplum* в первом разделе Главы II “Первые переводы на русский язык. Переводческая деятельность иностранных ученых в первой трети XVIII века” (раздел II. 1.1. Перевод сочинения И.Г. Сейбольда “*Selectiora quadam colloquia latino-germanica*” Иоганном Вернером

Паусом; раздел II. 1.2. Наблюдения о переводе “Малого катехизиса” М. Лютера Иоганном Вернером Паусом). Во втором разделе этой главы представлен анализ двух из числа первых переводов на русский язык, созданных в Западной Европе, напечатанных в Германии и ориентированных на модель кодификации русского языка с опорой на один из его диалектов, представленной в неоконченной грамматике И.Э. Глюка (раздел II. 2.1 Немецкий оригинал “Малого катехизиса” А.Г. Франке и его русские переводы: исторические свидетельства, имеющиеся и отсутствующие экземпляры; раздел II. 2.2 Преемственность, авторство, время издания и язык русских переводов “Малого катехизиса” А.Г. Франке по данным текстологического и лингвистического анализа). Один из этих двух переводов реципировался, по всей видимости, в России.

Результаты проведенного исследования позволили авторам уточнить и подвергнуть корректировке существующие мнения ученых по поводу русских переводов “Малого катехизиса” А.Г. Франке.

На основании проведенных текстологических и архивных изысканий удалось установить, что существует не три, как до сих пор предполагалось, а только два известных нам русских перевода “Малого катехизиса” А.Г. Франке. Первый был выполнен Иоахимом с краткого немецкого издания катехизиса и отредактирован И.Э. Глюком. Данный перевод был напечатан в типографии Сиротского дома в 1704 г. Печатный экземпляр этого перевода хранился в Галле, по крайней мере до 1742 г. Второй перевод был выполнен К.М. Родде с полного издания “Малого катехизиса” Франке 1696 г. и напечатан в Галле в 1718 г. Именно он был представлен Петру I. Рукопись этого периода по сей день хранится в архиве Фонда А.Г. Франке в Галле.

Имеющийся в Галле печатный экземпляр русского перевода представляет собой переиздание перевода Родде в редакции С. Тодоровского. Это переиздание было напечатано в Галле с высокой степенью вероятности в 1729 г., а не в 1735-м, как до сих пор предполагали ученые.

Тодоровский, который перевел на русский язык все основные произведения пиетистов и чьи переводы которого были напечатаны в Галле, не является переводчиком “Малого катехизиса” А.Г. Франке. Запись на хранящемся в Галле печатном экземпляре

русского перевода ошибочна. Тодоровский выступил только в качестве редактора данного издания.

Если при издании первого русского перевода в 1704 г. были учтены исправления, сделанные Глюком, то язык этого перевода можно считать одним из образцов переводов религиозных текстов на живой русский язык – новый русский литературный язык, в основу которого Глюк предполагал положить севернорусское наречие и который он стремился кодифицировать в своей оставшейся незаконченной “Грамматике русского языка” 1704 г. Очевидно, на этот же известный ему узус русского языка опирался в своем русском переводе Родде.

Для перевода немецкой пиетистской душеспасательной литературы Тодоровский использовал другие переводческие стратегии; в его редакции перевода Родде они не проявляются на уровне языка, но прослеживаются в адаптации западноевропейской протестантско-пиетистской символики и религиозной терминологии для русского православного читателя.

Глава III “Западноевропейская культурно-историческая перспектива формирования русского литературного языка в конце XVII – первой трети XVIII века” выступает “вместо заключения” и призвана дать общий взгляд на формирование русского литературного языка с западноевропейской культурно-исторической перспективы в конце XVII – первой трети XVIII в. Этот взгляд и эта перспектива предполагали также один альтернативный путь формирования русского литературного языка, не связанный напрямую с грамматиками иностранных авторов, но с текстовой продукцией на “русском” языке, созданной в Германии и предназначенной для рецепции – и реципированной – в России и за ее пределами.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

УДК: 81'23

DOI: 10.31249/ling/2023.01.01

Сиганова П.А.¹

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕЙМИНГА В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА. (Обзор)

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация. В обзоре анализируются процесс и результаты разработки оригинальных названий брендов для международных торговых компаний. Основное внимание уделяется лексическим, стилистическим и прагматическим требованиям которые необходимо учитывать при создании имени (наименования) того или иного бренда. Внимание также уделяется дополнительным аспектам формирования брендовых наименований и процессу осуществления судебно-лингвистической экспертизы в разрешении конфликтов, связанных с товарными знаками.

Ключевые слова: нейминг; бренд; технология наименования; гендер бренда; семантический анализ; товарный знак; национально-культурные особенности наименования.

В настоящее время невозможно недооценивать роль рекламы как средства коммуникации между производителем и потребителем. В силу того, что большинство продуктов выпускается для международного рынка, иностранные рекламодатели сталкиваются

¹ © Сиганова П.А., 2023

ся с трудным стратегическим выбором между стандартизацией и адаптацией названий в рекламе с учетом требований местного потребителя. Именно поэтому так называемый язык бизнеса должен представлять собой четкую и хорошо продуманную структуру, включающую в себя название торговой марки и текст ее рекламной кампании. Необходимо учитывать и то, что любое имя, независимо от того, какому объекту оно принадлежит, является продуктом творчества, основанного на восприятии носителем языка. По этой причине бренд и его «лингвофункциональная» семантика выступают в качестве единой ментальной единицы языковой картины мира, которая объединяет различные ассоциативные образы, установки и оценочные суждения [Кожанова, 2007]. В процессе разработки наименования бренда необходимо учитывать психологические, семантические, фонетические и лингвистические характеристики. С позиций семантического анализа стоит также учитывать прагматическую оценку, заключающую в себе рациональное и конструктивное восприятие картины мира, которое в дальнейшем позволит успешно реализовать продукт на мировом рынке.

Лингвистическое воплощение бренда представляет собой ассоциативный ряд, связанный с определенным образом [Боровикова, 2018, с. 47]. Именно лингвистическая сущность торговой марки является прямым каналом коммуникации с потребителем. «Имя» торговой марки должно подбираться в соответствии с ее особенностями, ключевыми характеристиками и ассоциациями. В научную дискуссию входит понятие, обозначающее профессиональную деятельность по имяобразованию – «нейминг». Основной целью нейминга является разработка уникального и конкурентоспособного названия бренда, которое будет отражать его сущность и систему ценностей.

Данный обзор состоит из двух частей. В первой представлен анализ трех статей, посвященных изучению базовых факторов и технологий нейминга, а также сопутствующих сфер применения данной дисциплины. Во второй части представлен подробный анализ кейсов, непосредственно связанных со звуко-буквенными приемами нейминга, а также особенностями изменения денотативных значений.

Статья Д. Латуфьевой в соавторстве посвящена проблемам и технологиям нейминга в мировом маркетинге, а также анализу

лингвистического аспекта технологии нейминга на примере узбекского языка [Linguistic Principles ..., 2021]. Авторы описывают процесс разработки названия бренда, основываясь на том, что любое имя является продуктом творчества носителя языка. Создавая наименование определенного бренда, лингвист использует свои знания о внешнем мире, анализирует его и использует характерный набор лексических единиц. Наряду с этим любое имя является продуктом человеческих потребностей и служит мостом для осуществления диалога между разработчиком и потребителем. «Именованное» (нейминг) заключается не просто в подборе подходящих по смыслу слов для торговой марки, но и в формировании уникальной системы языкового обращения к потребителям. Именования бренда служат в качестве эмоционального выражения его сути и указания на его назначение или функции.

По мнению авторов, имя бренда – это смысловой образ, представляющий совокупность национально-культурных взглядов и субъективных установок. К наиболее распространенным способам нейминга можно отнести присваивание торговому объекту наименования города/села/улицы – географической локации; использование в качестве названия имен основателей бренда, известных людей или героев художественных произведений (например: «*Farhod Farmer's Market*», «*Kokcha Market*», «*Chilanzar Bazaar*», «*Chorsu Bazaar*»). Во всех вышеперечисленных примерах фигурируют наименования древних районов Ташкента, а имя «*Farhod*» принадлежит герою эпоса «*Farhod va Shirin*». Благодаря возрасту используемой в имени географической локации у потребителя может складываться дополнительный ассоциативный ряд с торговым наименованием, основанный на историческом опыте. Однако если имя собственное, выбранное в качестве названия, не имеет прямого отношения к предмету (бренду), оно потеряет свою репрезентативность для потребителя.

Авторы отмечают также, что выбор иностранного языка для наименования торговых марок и предприятий стал одной из основных тенденций современного нейминга. По этой причине многие названия утратили свою коммуникативную эффективность [Linguistic principles ..., 2021, p. 1029], например имена торговых марок, образованных при помощи:

- национального языка (собственная языковая единица) («Qo'ylıq dehqon bozori» – Куйлюкский дехканский рынок, «Mirobod dehqon bozori» – Мирабадский рынок);

- иностранного языка (иностранная языковая единица) («Mesnoy market» – мясной магазин, «REDTAG» – красный ярлычок, «Andalus» supermarket – супермаркет «Андалузия», «Elegance» store – магазин «Элегантность»);

- комбинации национального и иностранного языков («Sharq original mebel» – Sharq original furniture store (Оригинальная мебель Shark), «Parkent specialized shopping centre» (Родительский специализированный торговый центр)).

В заключение статьи авторы описывают требования, применяемые в процессе нейминга.

Статья М. Переа и соавторов посвящена изучению роли визуальных кодов при чтении наименований торговых марок как слов особого типа [Are brand names ..., 2022]. В статье описываются два эксперимента, первый направлен на изучение визуальных сходств названий брендов, имеющих или не имеющих ошибки в графической составляющей (например, *amazon* против *atazon*, изначальный вариант – *amazon*). Во втором эксперименте основное внимание направлено на изучение ошибок в общеупотребительных словах (например, *anarillo* против *atarillo*; изначальный вариант: *amarillo* – исп. «желтый»). Авторы отмечают значительное влияние визуального сходства наименования бренда, в котором допущена ошибка, с изначальным вариантом, независимо от их графического оформления, в отличие от общеупотребительных слов.

Для улучшения узнаваемости бренда их названия пишутся только в определенном регистре, имеют четкую конфигурацию и характерный графический макет (шрифт, цвет, дизайн). Названия брендов имеют несколько отличительных черт: эффект транспортированных букв, эффект маскирования идентичности, преимущество первой буквы. Отмечается, что торговые наименования меньше узнаются, если в названии входят общеупотребительные слова в единообразном лексикографическом решении; идентифицируются быстрее, когда имеют свою характерную конфигурацию буквенного регистра.

В работе говорится об эффекте визуального сходства названий брендов с их аналогами с ошибками, что может указывать на чрезмерную зависимость от визуальных кодов при идентификации торговых марок [Pathak, Velasco, Calvert, 2019]. В эксперименте респондентам предлагалось определить правильность написания названия того или иного бренда. В вариантах с ошибками исследователи заменили первую букву названия бренда визуально похожей буквой или полностью отличающейся буквой (например, *facebook*¹ – *tacebook* против *xacebook*). При зрительном восприятии искаженного слова респонденты не всегда замечали ошибку. Авторами отмечается, что подобный прием применяется при подделке логотипов.

При этом ошибки в распознавании отмечались и при интегрированности измененной буквы в общий дизайн названия оригинального бренда. Авторы объясняют этот эффект тем, что потребители, сталкиваясь с названиями брендов, кодируют не только орфографическую информацию (буквы, порядок букв), но и другие источники информации, основанные на визуальных кодах (оформление, типографику).

Далее эксперимент воспроизводили, но замене подвергалась одна из букв внутри названия. Стимулы содержали либо всю графическую информацию, либо были полностью неформатированными. В материалы эксперимента были включены десять популярных торговых марок (*amazon, Colgate, Google, intel, LACOSTE, Levi's, DISNEY, MERCADONA, NESCAFÉ, SAMSUNG*). Частота неверных ответов была меньше для названий брендов с ошибками в неформатированном виде, чем для брендов, ошибочное наименование которых содержит всю графическую информацию. Этот результат был актуален для тех вариантов, где замененные буквы были визуально похожи на оригинал.

В третьей вариации эксперимента преобразованиям подвергались десять испанских слов (*amarillo, delgado, PERSONA, negocio, sentido, FRACASO, nivel, MERCADO, DIFÍCIL, COMERCIAL*). Для каждого слова были созданы два псевдослова с заменой согласной. Судя по времени отклика, на слова с ошибками

¹ Продукт компании Meta, на территории Российской Федерации признанной экстремистской организацией.

респонденты реагировали медленнее, когда замененная буква была визуально похожа на исходную букву в оригинальном слове. Авторы утверждают, что эффект визуального сходства общеупотребительных слов с допущенными ошибками может возникнуть из-за особенностей кратковременной памяти. В то же время оба эксперимента подтверждают, что визуальное сходство играет минимальную роль в идентификации общеупотребительных слов с ошибками.

Упомянется кейс с респондентами детского возраста, которые даже при предварительном прочтении могут определить названия популярных торговых марок, ориентируясь только на особенности дизайна шрифта. Исследователи отмечают, что отправной точкой для большинства исследований в данной сфере может стать анализ ментального лексикона. В одну из моделей визуального распознавания слов включается маршрут, основанный на орфографии, и маршрут, основанный на визуальных кодах слова. Юные и взрослые респонденты показывают схожие результаты по времени ответов и количеству ошибок (*viotin* и *viocin*), тогда как люди с дислексией допускают больше ошибок в распознавании (от *viotin* к *viocin*) [Are brand names ..., 2022, p. 847; Perea, Panadero, 2014].

В работе П. Сади-Макангила и С. Есдаулетовой описывается процесс осуществления судебно-лингвистической экспертизы при расследовании языковых деликтов, а именно нарушении авторского права на товарные знаки [Sadi-Makangila, Yesdauletova, 2021].

В статье дается сравнительный анализ двух брендов жевательной резинки *DOUBLEMINT* и *DOUBIEMINT*. Название бренда *DOUBLEMINT*, выпущенного на рынок США в 1914 г., можно морфологически классифицировать как составное имя, состоящее из двух слов «double» и «mint». По мнению П. Сади-Макангила и С. Есдаулетовой, *DOUBLEMINT* – нормативное, сложное и описательное название, так как «mint»(мята) – это растение с ароматными листьями, оно входит в состав жевательной резинки.

Авторы обращают внимание на визуальное сходство, включающее в себя все аспекты внешнего вида товарного знака, а именно орфографию, семиотику, а также лингвистические принципы распознавания и запоминания. Торговые марки *DOUBLEMINT* и *DOUBIEMINT* содержат две графемы, выравнен-

ные в одном порядке. Покупатели, которые, как предполагается, уже знакомы с более ранним товарным знаком *DOUBLEMINT*, вероятно, ошибочно принимают *DOUBIEMLNT* за *DOUBLEMINT*, поскольку в двух названиях брендов встречается восемь совпадающих букв. По индуктивной шкале вероятности результаты морфологического анализа показали высокое графическое сходство (80%) между *DOUBLEMINT* и *DOUBIEMLNT*. В логотипах марок используются прописные и полужирные буквы, а также зеленый, белый и красный цвета и рисунок «мятный», что может легко ввести покупателей в заблуждение. При этом, по мнению П. Сади-Макангила и С. Есдаулетовой, смысл названия брендов различается: *DOUBLEMINT* – комбинация двух английских слов в описательном названии, так как имеет состав на основе мяты и мятный вкус, поэтому эта жевательная резинка пахнет ароматными листьями мяты, *DOUBIEMLNT* – вымышленное имя без смысла.

Таким образом, авторы доказывают, что участие судебно-лингвистических экспертов в судебном процессе по разрешению конфликтов в отношении товарных знаков является хорошей альтернативой для судей, основанной на научно-доказательной базе.

В статье Р. Погакар и соавторов описываются основные лингвистические характеристики бренда, которые не зависят от денотативного значения его названия, передающего основные качества, например, когда длина наименования, звучание и ударение могут вызывать различные гендерные ассоциации, в свою очередь делящиеся на три важных для репрезентации бренда аспекта: отношение, выбор и эффективность [Is Nestle a Lady, 2012]. На примерах различных брендов авторы показывают, что наименования, представленные именами существительными женского рода, улучшают восприятие бренда и взаимодействие потребителя с брендом.

Разработчики брендов прибегают к ряду инструментов, которые: (1) явно указывают на цель бренда, (2) используют необычную формулировку, (3) используют звуковые повторы для усиления эффекта. В рамках теории фонетического символизма объясняется, почему люди предпочитают мороженое под названием «*Frosh*» мороженому под названием «*Frish*» [Yorkston, Menon,

2004]. По мнению авторов, определенные звуки в названии бренда могут передавать его гендерную принадлежность.

Основная гипотеза, выдвигаемая Р. Погакар и соавторами, заключается в том, что бренды с феминной семантикой имеют больше положительных откликов за счет наличия в названиях слов со значением уюта и теплоты. Основными лингвистическими характеристиками для определения гендерной принадлежности авторы считают длину наименования, звучание и ударение:

- наименования женского рода длиннее – в них больше слогов, чем в наименованиях мужского рода;
- наименования женского и мужского рода отличаются по звуку окончания (женские чаще оканчиваются на гласные звуки);
- наименования женского и мужского рода различаются постановкой ударения (в мужских содержится либо один ударный слог, либо акцент смещается на первый слог, тогда как в женских ударение приходится на второй или последующие слоги, например, как в именах ROB-ert / го-BER-ta).

В практическом исследовании авторы проверили связь между феминными названиями брендов и их эффективностью, на основе сравнительного анализа списка самых успешных брендов со списком случайно выбранных брендов, которые были менее успешны в определенный период времени. Согласно результатам данного исследования, большинство успешных торговых марок (55%) имеет феминные названия, тогда как маскулинные названия (36%) и гендерно-нейтральные названия (9%) занимают более низкие позиции в рейтинге.

На основе названий более популярных брендов образуются ассоциации, которые могут косвенно влиять на восприятие бренда. Автоматически обрабатываемые лингвистические характеристики имени могут наделить бренд гендерно-ассоциированными качествами, которые повышают эффективность бренда. Авторы рекомендуют для осуществления успешного нейминга оценивать лингвистические сигналы и использовать преимущества различных языковых приемов, особенно в ситуации перевода названий на другие языки.

А. Патхак и Дж.Э. Калверт отмечают, что в разных культурах и языках успешные поэты часто прибегают к использованию лингвистических средств для усиления благозвучия и мелодично-

сти произведений [Pathak, Calvert, 2021]. К таким приемам относятся использование языка, богатого гласными (долгими гласными звуками), аллитерацией, мягких звуков (например, /l/, /r/, /w/). По словам авторов, вышперечисленные приемы активно используются в маркетинговых проектах (например, *Grace, Space, Pace* для бренда *Jaguar*).

В литературе можно найти данные, позволяющие предположить, что некоторые звуки (например, гласные (/a/, /e/) и сонорные (/l/, /r/)) считаются эвфоническими, а другие какофоническими (/th/ как в слове *then*). Благозвучие описывается как приятный звук, способный улучшить звучание, гармонический и мелодический эффекты слова или предложения с акустического ракурса. Какофония описывается как прием, имеющий обратный эффект, так как он содержит резкую диссонансирующую смесь звуков. Статья иллюстрирует, как использование эвфонических лингвистических характеристик при разработке названий брендов, в частности, внедрение долгих гласных звуков (например, звук /ea/ в слове /reak/ в поэме «*The Lotos-eaters*»), создает у потребителей ассоциацию продукта с чем-то сладким (в отличие от торговых марок, которые не имеют вкуса, но включают звуки подобного типа).

Так как долгие гласные почти всегда являются первыми звуками, которые издает младенец, они считаются мелодичными и широко используются для создания благозвучия. В большинстве языков преобладают согласные, являющиеся основной составляющей лексического корня слова за счет своего отчетливого звучания, в то время как гласные подчеркивают тонкие различия в лексической информации, которую передают согласные (например, в арабском языке лексический корень слова «*nucam*» представлен согласными /k/, /t/, /b/, а различные вариации письма передаются с помощью изменения гласных, /*kitab*/ = книга, /*kataba*/ = он пишет, /*kutiba*/ = это было написано). Отмечается, что согласные несут лексическую информацию, гласные же обеспечивают акустические сигналы и просодию речи (использование гласных для аффективной передачи речевых сигналов изначально было характерно для взаимодействия приматов и в дальнейшем перешло в просодическую манипуляцию младенцев, которую те используют для обращения к матери).

По мнению авторов, использование долгих гласных для создания мелодии характерно также и для общения между взрослыми людьми. Многие пары, кого связывают романтические отношения, применяют детский лепет, а именно такие фонематические модели, которые характерны для материнского языка (выдуманные слова, уменьшительно-ласкательные обращения, слова с долгими гласными), когда хотят показать свое теплое отношение, любовь и привязанность к другому человеку. Отмечается, что человек может неосознанно извлечь определенную информацию только из имени: ориентируясь только на фонематические закономерности (такие, как большое количество долгих гласных, длина слова, наличие начальных или конечных гласных), человек способен отличить неизвестное женское имя от мужского имени.

Подобные приемы можно найти и в сфере маркетинга: если название торговой марки звучит «брутально», потребители ожидают, что продукт или торговая марка будут достаточно прочными и практичными. Этот же принцип применялся и в изучении континуума вкусов. В одном из приведенных примеров говорится о том, что название шоколада, которое содержит резкие звуки, вызывает у потребителей ожидание горького вкуса от данного продукта по сравнению с названиями, содержащими мягкие звуки. Ориентируясь на этот пример, авторы статьи предположили, что по тому же принципу мелодичные звуки в названии будут вызывать ожидание сладости. Прибегая к теории транзитивности, в соответствии с которой потребители связывают два определенных стимула между собой, если эти стимулы взаимодействуют с другими более общими стимулами, авторы попытались подтвердить свою гипотезу: если долгие гласные воспринимаются как благозвучные и приятные и при этом сладкий вкус также считается приятным, то слова с долгими гласными звуками должны вызывать ассоциацию со сладостью в отличие от слов, содержащих краткие гласные. Это принцип также применяется и к наименованию брендов.

В эксперименте использовались десять пар гипотетических торговых марок (*hypothetic brand naming* – HBN), которые были созданы в двусложном формате с использованием 30 согласных (/s/, /k/, /t/, /z/, /m/, /l/, /g/, /n/, /v/, /r/, /h/, /f/, /p/) и пяти гласных (/a/, /e/, /i/, /o/, /u/) (табл.). Каждая пара HBN отличалась только типом используемой гласной, краткой или долгой. Названия были пере-

кодированы в аудиоформат преобразованием текста в речь при помощи Google.

Таблица

**Гипотетические наименования брендов [Pathak, Calvert,
2021, p. 12]**

HBN	IPA Notation (Short Vowel)	IPA Notation (Long Vowel)
Sokit	sɒkɪt	səʊkɑ:t
Zemal	zæmel	zeɪmi:l
Gelin	gɛlɪn	gi:lɑ:m
Varum	væɾɑm	veɪru:m
Kinez	kɪnez	kɑ:ni:z
Hulim	hɑlɪm	hu:lɑ:m
Timen	tɪmɛn	tɑ:mi:n
Latiz	lætɪz	leɪti:z
Meliz	meɪlɪz	Mi:lɑ:z
Fepal	fɛpɑl	fi:pu:l

В эксперименте 1 участники оценивали HBN шоколадных конфет по шкале Лайкерта (от наименее сладкого до очень сладкого). Респонденты оценили HBN с долгими гласными как наиболее подходящие для сладкого сорта шоколада.

В эксперименте 2 респондентам было предложено создать HBN для сладкого и очень сладкого шоколада с заданным набором согласных, далее было проанализировано количество гласных. Изучалось соответствие формы и вкуса и ассоциации фонематических звуков с соответствующими вкусовыми характеристиками. В названиях менее сладких продуктов было использовано меньше гласных букв, чем в названиях брендов, к которым относились более сладкие продукты.

В эксперименте 3 был проведен анализ косвенной ассоциации форм с вкусовыми атрибутами продукта. Была выявлена кросс-модальная связь между формами и вкусом (например, сладость ассоциируется с округлой формой, в то время как заостренная форма – с кислинкой или горечью, подобный подход прослеживается в выборе упаковок для продуктов): наиболее сладким для респондентам шоколад в форме цветка и круга; большинство респондентов выбрали названия с долгими гласными для шоколада в форме цветка и тем самым, через косвенное соответ-

стве формы и вкуса, подтвердили связь между сладостью и долгими гласными звуками.

В эксперименте 4 проводился анализ имплицитной ассоциации гласных с вкусовыми атрибутами с использованием IAT¹. Респондентам предлагалось провести классификацию названий брендов, которые представляют сладкие и несладкие продукты, а также нужно было подобрать названия для новых торговых марок в зависимости от вкуса продукта (например, хлеб и варенье). Результаты эксперимента показали сильную связь HBN с долгими гласными со сладкими продуктами.

В статье А. Патхака и соавторов основное внимание сосредоточено на различных приемах нейминга напитков, а именно особенностях восприятия газированных напитков, в названиях которых используются глухие фонемы и угловатые формы [Spiky sounds ..., 2021].

В экспериментальных условиях продемонстрировано, что (1) гипотетически торговые марки, содержащие глухие согласные (p, k, t, f), больше ассоциируются с газированными напитками, нежели звонкие согласные (b, d, g, v), которые чаще связывают со стоячей водой; (2) глухие звуки чаще ассоциируются с острокоичностью.

Авторы обращают внимание на популярность и доступность газированной воды и других подобных напитков во всем мире. При этом способы отражения в названии степени карбонизации остаются малоизученными. Как один из основных примеров, вдохновивших авторов, представлена марка *San Pelligrino*, производители которой гордятся своей мягкой и естественной карбонизацией, тогда как *Schweppes Club Soda* полагается на синтезированную карбонизацию, приводящую к более интенсивной шипучести напитка. В настоящее время установлены кросс-модальные связи между звуками речи и сенсорными признаками (форма, размер, консистенция). Например, в сенсорной области вкуса прослеживается четкая взаимосвязь вкусовых особенностей с различными гласными и согласными звуками. Что касается напитков, большинство потребителей считают, что наличие CO₂ в напитке имеет ярко выраженную ассоциацию с кислым вкусом,

¹ Имплицитный ассоциативный тест.

т.е. «сенсоры вкуса газирования» схожи с восприятием кислого вкуса карбонизации, который в свою очередь обусловлен множественными сенсорными выходами (например, рецепторами покалывания, шипения, кислого вкуса) [Spence, 2015]. Данная гипотеза также была подтверждена психолингвистическими исследованиями, в которых были продемонстрированы кросс-модальные связи между псевдословами (например, *kiki*, *takete*), содержащими глухие согласные (/k/ и /t/), и кисловатым/кислым вкусом (например уксус) [Gallace, Boschini, Spence, 2011]. По такому же принципу в соответствии с орально-соматосенсорным восприятием объясняется покалывание и резкий вкус газировки, а также ее связь с острыми звуками и «угловатыми» формами.

В эксперименте 1 респондентам предлагалось сопоставить торговые марки с двумя иностранными брендами бутилированной воды (газированной и негазированной). Авторы предлагали оценить названия брендов согласно атрибуту «уместность предоставленного названия для каждого из брендов» и выводили данные в линейную шкалу для отражения континуума карбонизации (шипучести). В исследовании было представлено 30 торговых марок в случайном порядке для 61 участника, пятеро из которых не владели английским языком. В английском языке существует шесть пар фонем, где преобладает разница только в звонкости (/p, k, t, f, sh, s/ и /b, g, d, v, zh, z/ (/zh/ согласно критериям)). В процессе работы из этого списка были исключены /s/ против /z/ и /sh/ против /zh/, так как эти звуки способны вызвать ассоциацию с газированными напитками, как в случае со звуком /z/, который напоминает /fizz/ или /sizzler/ (шипение). Остальные четыре пары фонем (например, /p/ и /b/) были использованы для создания 24 словесных пар с гласной /a/ и парными стимулами CV-CV-C (CV = согласная гласная) (например, /CVCVC/ = /pasak/).

В эксперименте 2 респондентов просили составить шесть названий, которые бы передавали степень газирования напитка (с использованием восьми глухих и звонких букв (/p/, /b/, /k/, /g/, /t/, /d/, /f/, /v/), а также гласных (/a/, /e/, /i/, /o/, /u/). Проанализировав полученные результаты, авторам удалось выявить тенденцию, в соответствие с которой глухие согласные чаще использовались для создания наименований газированной воды или напитков «*Cola*»

(за исключением пары /v/ и /f/, где /v/ использовалась чаще за счет своей орфографической угловатой формы).

В эксперименте 3 были использованы результаты экспериментов 1 и 2, согласно которым потребители чаще ассоциируют газированную воду с угловатой формой, нежели с круглой. Авторы попытались проанализировать соотношение формы и звука. В ходе исследования было использовано 30 наименований различных брендов (по 15 слов, созданных из звонких и глухих согласных), представленных участникам в случайном порядке. По завершении эксперимента было показано, что большинство респондентов оценили имена брендов, содержащих глухие согласные, как более «остроконечные» (по сравнению с восприятием округлой формы).

В эксперименте 4 основной упор был сделан на исследование орфографической угловатости букв. Использовались буквы /k/ и /v/, которые являются более «остроконечными», чем буквы /p/ и /b/. Авторы показывают, что наименование торговой марки /Fasak/ можно оценить, как более «колючее», чем наименование /Bagad/, кажущееся более «округлым» в восприятии респондентов. Были использованы отдельные буквы и слуховые фонематические звуки. Стимулы состояли из восьми букв (/p, k, t, f/ и /b, g, d, v/) и соответствующих фонематических звуков (например /pa/). Участникам предлагалось поэтапно оценить «округлость»/«остроконечность» букв и фонематических звуков. Согласно полученным результатам, участники оценили глухие согласные как более «угловатые», за исключением /f/ и /v/, где звонкий фрикативный согласный /v/ оказался угловатым. Респонденты также оценили глухие фонемы (по сравнению со звонкими фонемами) как более угловатые. Глухие фонемы все же имеют более угловатую форму в восприятии респондентов, нежели звонкие фонемы. Исходя из этого выдвигается предположение, что, когда потребители видят наименование торговой марки, на них в совокупности влияют буквы и звуки (фонемы).

Ассоциация с высотой тона и использование более высокочастотных звуков могут также повлиять на ожидание карбонизации (в одном из приведенных примеров упоминается, что более мелкие пузырьки издают звуки на частоте выше, что приводит к ожиданию свежести от напитка). Подчеркивается важность гласных букв, благодаря которым может изменяться восприятие угло-

ватости и округлости согласной буквы в зависимости от его сочетания с определенной гласной буквой (например, /vi/ может считаться более угловатым, чем /vo/). Описывается преобладание орфографической «угловатости» над фонематической, что свидетельствует о том, что написание торговых марок может повлиять на восприятие потребителя гораздо сильнее, чем произношение названия бренда.

Согласно полученным результатам, звуки /k/, /t/ и /f/ доминируют в процессе усиления «угловатости» слова или торговой марки. Эти звуки представлены как наиболее подходящие для напитков с сильной карбонизацией (например, название «*Cola*»). Авторы отмечают, что результаты необходимо корректировать с учетом культурных особенностей респондентов, а также с учетом разновидности газированного напитка (фруктовый сок, витаминный напиток, энергетический напиток). Упоминается также необходимость не только комбинирования фонем/букв, но и других внешних факторов (например, шрифт, цвет, сочетание и количество глухих согласных).

В заключение необходимо отметить, что способы формирования названия брендов разнообразны и подчиняются определенным условиям. Семантика бренда формируется в сознании человека, обеспечивая эмоциональную связь между лингвистическим восприятием бренда и его функциональностью. Имя бренда несет смысловую нагрузку, привлекая внимание потребителя. В связи с этим в процессе разработки наименования необходимо учитывать влияние различных лингвистических аспектов и особенностей восприятия целевой аудитории.

Список литературы

- Боровикова Н.В.* Бренд как культурный феномен // Иностранные языки в высшей школе. – 2018. – № 3(46). – С. 46–53.
- Кожанова В.Ю.* Лингвистические основы наименований брендов: на примере английского и русского языков : дис.... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 184 с.
- Are brand names special words? Letter visual-similarity affects the identification of brand names, but not common words / *Perea M., Baciero A., Labusch M., Fernández-López M., Marçet A.* // *British Journal of Psychology*. – 2022. – Vol. 113, Issue 3. – P. 835–852.

- Gallace A., Boschin E., Spence C. On the taste of «Bouba» and «Kiki»: an exploration of word-food associations in neurologically normal participants // *Cognitive Neuroscience*. – 2011. – N 2(1). – P. 34–46.
- Is Nestle a Lady? The feminine brand name advantage / Pogacar R., Angle J., Lowrey T.M., Shrum L.J., Kardes F.R. // *Journal of Marketing*. – 2012. – T. 27. – P. 1–17.
- Linguistic principles of naming trade objects in Uzbek language / Lutfullaeva D., Davlatova R., Rustamiy S., Nig'monov A. // *PSYCHOLOGY AND EDUCATION*. – 2021. – Vol. 58, N 1. – P. 1027–1032.
- Pathak A., Calvert G.A. Sooo sweet! Presence of long vowels in brand names lead to expectations of sweetness // *Behavioral Sciences Journal*. – 2021. – N 11(2). – P. 1–14.
- Pathak A., Velasco C., Calvert G.A. Identifying counterfeit brand logos: on the importance of the first and last letters of a logotype // *European Journal of Marketing*. – 2019. – N 53(10). – P. 2109–2125.
- Perea M., Panadero V. Does viotin activate violin more than viocin? On the use of visual cues during visual-word recognition // *Experimental Psychology*. – 2014. – № 61(1). – P. 23–29. – DOI: <https://doi.org/10.1027/1618-3169/a000223>
- Sadi-Makangila P., Yesdauletova S. The place of Forensic Linguistics in the resolution of trademark conflicts: case of DOUBLEMINT & DOUBIEMINT // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. – 2021. – N 10(3). – P. 1–6.
- Spence C. Eating with our ears: Assessing the importance of the sounds of consumption on our perception and enjoyment of multisensory flavour experiences // *Flavour*. – 2015. – N 4(1). – P. 1–14.
- Spiky sounds sparkling: how voiceless consonants present in the brand name of a beverage are more appropriate in conveying its carbonation strength // Pathak A., Motoki K., Techawachirakul M., Calvert G.A. // *Food Quality and Preference*. – 2021. – N 96(2). – P. 2–6.
- Yorkston E., Menon G. A sound Idea: phonetic effects of brand names on consumer judgments // *Journal of Consumer Research*. – 2004. – N 31(1). – P. 43–51.

**ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ**

РОССИЯ В ПЕРЕВОДЕ:

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА БИРГИТ МЕНЦЕЛЬ.

**Russland Übersetzen = Russia in translation = Россия в переводе:
Festschrift für Birgit Menzel / Hrsg. Engel Chr., Pohlan I.,
Walter St. – Berlin : Frank & Timme, 2020. – 321 S.**

(Реферат)

Ключевые слова: литература и культура; язык и перевод; гражданская дипломатия.

Монография подготовлена международным авторским коллективом к юбилею известного специалиста в области русской литературы, культуры и перевода, доктора филологических наук, профессора Биргит Менцель (Birgit Menzel), в течение 20 лет (2000–2020) возглавлявшей кафедру лингвистики и межкультурной коммуникации университета им. И. Гутенберга (Майнц/Гермерсхайм, Германия)¹. Монография отражает основные направления научной деятельности Б. Менцель и состоит из четырех разделов, а также трех приложений.

Раздел первый «Литература и культура» открывает статья профессора славистики университета г. Инсбрук А. Цинк (Zink) «Что значит ‘любить литературу’: О романе Леонида Цыпкина *Лето в Бадене*». А. Цинк прослеживает связь ранних произведений М. Бахтина, в которых тот исходит из эмоционально-оценочного

¹ Автор работ: Bürgerkrieg um Worte: Die russische Literaturkritik der Perestrojka. – M Köln : Boehlau, 2001. – 398 S; Гражданская война слов: российская литературная критика периода перестройки. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. – 389 с.; V.V. Majakovskij und seine Rezeption in der Sowjetunion 1930–1954. – Berlin ; Wiesbaden : Harrassowitz, 1992. – 286 S.

отношения автора к своему герою, с позицией Л. Цыпкина в его постмодернистском романе (документальной повести) «Лето в Бадене», где рассказ о путешествии Ф. М. Достоевского и его супруги Анны Григорьевны из Петербурга в Германию в 1867 г. переплетается с размышлениями автора, путешествующего сто лет спустя из Москвы в Ленинград. А. Цинк обращает внимание на отличие романа Л. Цыпкина от большинства постмодернистских произведений, что объясняется особым эмоциональным отношением автора к рассказанному объекту (*erzählter Gegenstand*). Книга Л. Цыпкина была переведена на многие языки и стала одним из произведений позднесоветской литературы, получивших широкое международное признание.

Профессор Майнцского университета славист Р. Гольдт (Goldt) в статье «Стальной конь Апокалипсиса. Железная дорога как символ эпохи модерна в русской литературе» предпринимает попытку дать сжатый обзор мотива железной дороги в русской литературе. С середины XIX в. железная дорога стала центральным символом современности: с одной стороны, капитализма и стратегического освоения пространства, а с другой – в литературе и искусстве – ускорения и (в зависимости от перспективы) мобильности или отчуждения. В отличие, например, от США, железная дорога в России остается глубоко амбивалентным символом. Ввиду этой амбивалентности железная дорога имеет качество лакмусовой бумаги для идеи прогресса: как символ капитализма и трагической гибели (Л. Толстой), разрушения традиционного образа жизни (И. Гончаров), глобальной сети темных сил (Ф. Достоевский) или даже железного чудовища, которое может раздавить личность (М. Арцыбашев), она окружена аурой угрозы, не имеющей аналогов в европейской литературе. Не случайно железнодорожная символика с началом деконструкции телеологического марксистского мировоззрения вновь связывается с этими топосами, принимая форму фантазмагорического путешествия в гибель (В. Ерофеев) или вечного возвращения (В. Пелевин). Автор статьи показывает, что железная дорога является, вероятно, наиболее художественно разнообразным техническим феноменом индустриальной эпохи и как литературный топос дает представление об эстетических размышлениях о современности.

А. Юбара (Jubara) в статье «Современная русская культура памяти и *Обитель* Захара Прилепина» анализирует роман «Обитель» и его рецепцию в современной России. Автор статьи отмечает, что память о жертвах периода репрессий по-прежнему занимает особое место в современной российской культуре воспоминаний, которая в последние годы характеризуется сосуществованием стратегий «вытеснения и возвращения» прошлого. Автор рассматривает это как своего рода «заколдованный круг», в котором обречена оставаться «работа с воспоминаниями» (Erinnerungsarbeit) в России. Роман З. Прилепина «Обитель», по мнению автора статьи, – одно из тех явлений русской литературы, что помогает выйти из данного «заколдованного круга» (с. 45).

К. фон Шиллинг (von Schilling) в статье «Русское у Хайнера Мюллера – заметки о *Волоколамском шоссе*» рассматривает одну из наиболее известных драм Х. Мюллера – немецкого драматурга, театрального режиссера, поэта и эссеиста, в которой прослеживается общая российско-германская история XX в. Пьеса Х. Мюллера «Волоколамское шоссе» (1984–1987) состоит из пяти эпизодов, которые автор статьи связывает с традицией «Маленьких трагедий» А. Пушкина. В фокусе автора находится именно анализ формы «Маленьких трагедий», к которым реферирует Х. Мюллер.

К. Энгель (Engel) в статье «Гражданин как хронист: *Украинский дневник* Андрея Куркова» анализирует не только фрейминг (Framing) «Дневники Майдана» (таково оригинальное название книги), но и рассматривает его с точки зрения литературных и культурологических критериев.

Статья Ш. Вальтера (Walter) «Восточная Европа глазами Кермани: взгляд не-только-немца на незнакомый регион» посвящена книге немецкого писателя и востоковеда иранского происхождения Н. Кермани «Вдоль окопов», в которой писатель делится личными впечатлениями о путешествии по Восточной Европе и Ирану и о своих встречах с самыми разными людьми – писателями, художниками, таксистами и т.д. Н. Кермани родился в семье иранских иммигрантов в западной части Германии и вырос в 70–80-е годы XX в. Ш. Вальтер анализирует в статье вопрос, как человек, подвергшийся влиянию двух разных культур, воспринимает страны Восточной Европы, о которых Н. Кермани, будучи представителем целого поколения немцев, ориентированных на запад-

ные страны, имел мало представления. Н. Кермани поднимает общеевропейские вопросы об исторической памяти, о проблемах миграции и культурной идентичности.

В статье Л. Рудовой и Х.Й. Риндисбахера (Rudova, Rindisbacher) «Театральное воображение Шагала» рассматривается работа М. Шагала для нескольких театральных постановок, не столь известная широкой публике, хотя эта часть его творчества продолжалась четверть века (1942–1967). Раздел завершает статья А. Величко и А. Рогачевского «Судьба двух киномамонтов: *Я – Куба* и *Новый Колумб*», где авторы приходят к выводу, что «аутентичность ко-продукций заключается не в степени их мимикрии к той или иной воспроизводимой в них культуре (которая, как минимум, для одной из сотрудничающих сторон обязательно будет чужой), а в их принципиальной гетеротипичности и мультикультурности» (с. 113).

Раздел второй «Язык и перевод» открывает статья А. Павловой (Pavlova) «Фразеология ли это!» (Und ob es Phraseologie ist!), в которой автор рассматривает как переводческую проблему феномены, получившие в немецком языке название «фразеошаблоны», известные в лингвистике также как «фразеосхемы», т.е. устойчивые, воспроизводимые и идиоматичные выражения со структурой словосочетания или предложения, содержащие некую переменную, заполняемую в конкретном тексте. В статье представлены различные подходы к изучению данных феноменов и их типологии. В частности, отмечается, что эти вопросы в последние годы интенсивно изучаются в рамках грамматики конструкций. А. Павлова на материале немецкого языка рассматривает возможные классификации фразеошаблонов и останавливается на проблеме их переводимости. Автор считает, что фразеошаблоны могут выступать в роли «ложных друзей переводчика», и иллюстрирует это примерами из русского и немецкого языков, в том числе анализируя литературные переводы и показывая пути переводческих решений. Она приходит к выводу, что в большинстве случаев при переводе фразеошаблонов с русского языка на немецкий используются не фразеошаблоны, а иные альтернативные конструкции (с. 129). И.С. Алексеева в статье «Переводчик читает Моцарта» делится своим опытом чтения и перевода полного собрания писем Моцарта. Указывая на разницу между обычным и переводческим чтени-

ем текста, автор подчеркивает, что переводчик обязан строго следовать за текстом, не позволяя себе погрузиться в мир ассоциаций, идя на шаг впереди читателя, передавая все нюансы оригинала.

Статья Г.М. Фадеевой «Сказки как трансляторы культуры и их перевод» посвящена рассмотрению указанных в названии статьи вопросов с учетом стилистики того или иного языка и его национально-культурных особенностей. Опираясь на идеи Ю.М. Лотмана о памяти культуры, автор исходит из того, что наиболее известные сказки народов мира принадлежат к тем текстам культуры, которые обеспечивают общую для пространства культуры память и объединяют народы, страны и эпохи, т.е. вошли в культурную память человечества. Понимание, изучение и перевод сказки немислимы без изучения культуры народов мира, что обуславливает лингвокультурный подход к концептосфере сказки, к раскрытию культурной семантики языковых знаков, фольклорных и мифологических элементов как средств трансляции культурно-значимой информации. Перевод сказок, по мнению автора статьи, представляет собой сложную задачу, поскольку должны учитываться стилистическая эквивалентность перевода, этнокультурные особенности, сохранение национального и исторического колорита и др. Уровень сформированности стилистической компетенции рассматривается в статье как предпосылка успешной профессиональной деятельности литературного переводчика, которая включает воссоздание стиля как культурно-специфического феномена.

В статье И.А. Гусейновой и М.В. Томской представлен международный переводческий проект «Сказочный мир Евразии: перевод сказок через языки-реле», реализованный Московским государственным лингвистическим университетом и университетом им. И. Гутенберга (Майнц/Гермерсхайм, Германия) в рамках академического сотрудничества. По мнению авторов статьи, моделирование другой культуры через текст сказки предполагает выход за пределы языка оригинала, т.е. предполагает знание культуры, быта, нравов народа. Перевод через языки-реле (немецкий и русский в данном проекте) обусловлен переводом сказок с редких языков, в частности с языков коренных народов и народностей России и СНГ (якутские, бурятские, юкагирские, казахские, киргизские, таджикские и др. сказки). Результатом реализации данно-

го российско-германского проекта была публикация сборника сказок под названием «Сказочный мир Евразии» («Märchen aus Eurasien»¹). В качестве глобальной цели многоязычного проекта авторы статьи рассматривают сохранение культурно-исторического наследия народов мира, в том числе малочисленных народов, поддержку русского и немецкого языков в качестве языков-реле в эпоху глобализации и вклад в реализацию концепции ЮНЕСКО по сохранению культурного и языкового многообразия мира.

А. Гиппер (Gipper) в статье «Бурдье переводит Паскаля. От негативной теологии к социологическому просвещению» рассматривает вопрос об интерпретации идей Паскаля в известной работе Пьера Бурдье «Паскалианские размышления»² и приходит к выводу, что его текст может толковаться как особая форма перевода, а именно как перевод ряда теологических фигур мысли в современный социологический дискурс (с. 167).

В статье «Дело в культуре – тайна убийства» П. Хиллери (Hillery), основываясь на своем опыте редактирования официальных документов Организации Объединенных Наций, констатирует, что на практике изучению культуры часто не придается особого значения. Упор делается скорее на технологию, бизнес, юридические термины и машинный перевод. Перевод, считающийся «идеальным» в классическом смысле, воспринимается в контексте культуры совершенно иначе, чем оригинал в исходной культуре. «Культурный багаж» – это то, что компьютеры обнаруживают крайне редко и что невозможно запрограммировать, если человек сам не внесет изменения в программы. П. Хиллари иллюстрирует свои рассуждения рядом примеров: в частности, редакторы документов в ООН используют «would» вместо «will» и «should» вместо «shall», так как никто не может быть уверенным, произойдет ли в будущем то, что предполагается. В заключение автор статьи подчеркивает, что зачастую огромную роль при переводе играют политические и социальные нюансы, которыми пропитано общество и корни которых уходят далеко в историю, даже

¹ Сказочный мир Евразии = Märchen aus Eurasien / под ред. Томской М., Виснер Х., Гусейновой И., Менцель Б. – Ludwigshafen am Rhein : Llux Agentur& Verlag, 2020. – 133 S.

² Bourdieu P. Meditationen zur Kritik der scholastischen Vernunft. – Frankfurt a.Main.: Suhrkamp, 2001. – 334 S.

если большинство обществ и культур часто забывает собственное прошлое. Автор заключает, что человечество живет в мире символов и подтекстов. Название своей статьи «Дело в культуре – тайна убийства» автор объясняет следующим образом: читателю всегда нравится делать предположения и строить экстраполяции на базе переводного языка.

В разделе третьем «Гражданская дипломатия & Новая эра на Востоке и Западе» опубликованы статьи: Р. фон Мейдел (Maydell) «От доктора – доктору Лео Кобилински-Эллис: об антономасическом перефразе собственной биографии»; Б. Бек Пристед (Beck Pristed) «Психоактивные грибы в российско-американском интеллектуальном и народном воображении периода холодной войны и перестройки»; Р. Хайм (Heim) «Переходя границы: понятие преобразования в творчестве В.В. Налимова». Статья Р. Хайм посвящена русскому математику и философу В.В. Налимову (1910–1997), разработавшему междисциплинарный научный подход, опирающийся на целостное мировоззрение, – человеку, пересекавшему границы между культурами, а также одному из первых представителей движения «ню эйдж» в России. В статье рассматривается понятие «преобразование», проходящее через все творчество В.В. Налимова и охватывающее все области жизни, направленное на создание нового, космического сознания и новой планетарной культуры. В связи с этим в статье обсуждается биография В.В. Налимова, которая раскрывает основания для формирования его философских мыслей, в том числе его принадлежность к народу коми, к философско-политическому движению «мистического анархизма» в 1920-е годы, последующее двадцатилетнее нахождение в сибирских лагерях, работу на математическом факультете МГУ вместе с А.Н. Колмогоровым, который сильно повлиял на идеи математического осмысления человеческого сознания, разработанные В.В. Налимовым.

Раздел четвертый «Личное и литературное» включает воспоминания, размышления и впечатления коллег профессора Б. Менцель о встречах и сотрудничестве с ученой, а также литературные произведения ряда ее друзей и коллег (А. Архангельский, А. Келлетат, М. Безродный, О. Глейзер и др.). А. Ташинский и А. Келлетат (Tashinskiy; Kelletat) преподносят в дар юбиляру сво-

бодный перевод двух стихотворений Н. Гумилева на немецкий язык.

В приложениях к коллективной монографии представлены: список публикаций профессора Б. Менцель, список авторов коллективной монографии и поздравителей *Tabula gratulatoria*.

Г.М. Фадеева
Московский государственный лингвистический университет

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

УДК: 81'374.3

DOI: 10.31249/ling/2023.01.02

Гойчета Л.И., Климова Д.А., Мазурова Д.А., Семенова А.Р.,
Позднякова А.А., Пономаренко А.С.¹

ДИСКРИМИНАЦИОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ ИЛИ ДИСКРИМИНИРУЮЩЕЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ. (Обзор)

*Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация. Обзор посвящен исследованиям в области языковой политики применительно к языку вражды. Рассматриваются вопросы классификации дискриминирующего речевого поведения, механизмы реализации языка вражды, правовые противоречия регламентации свободы слова в отношении незащищенных групп населения, представителей меньшинств, а также стереотипизация представлений о расе, гендере и других видах идентичности.

Ключевые слова: язык вражды; дискриминирующая коммуникация; дискриминирующая речь; свобода слова; предубеждения; языковая предвзятость; стереотипы; нетерпимость; предвзятая коммуникация; дискриминирующая коммуникация; систематическая дискриминация.

Введение

Дискриминация (от лат. гл. *discriminare* «отделять; разделять, рассекать») – негативное, предвзятое отношение к человеку

¹ © Гойчета Л.И., ©Климова Д.А., ©Мазурова Д.А., ©Семенова А.Р., ©Позднякова А.А., ©Пономаренко А.С., 2023

или лишение его определенных прав на основании какого-либо признака) является важной и широко обсуждаемой проблемой современности. В настоящем обзоре рассматривается феномен дискриминационной коммуникации в отношении определенных групп и социальных категорий, в частности исследуется язык вражды (hate speech).

Обзор литературы

Язык вражды (hate speech) как термин, принятый в русской традиции, первоначально имел своим основным каналом передачи сообщения классических СМИ (теле- и радиовещание, газеты). С развитием информационных технологий данный феномен получил широкое распространение и в социальных интернет-сетях (YouTube, Facebook¹, Instagram, Twitter).

Н. Четти и С. Алатур анализируют следующие разновидности языка вражды, классифицируя их по типу объекта дискриминации [Chetty, Alathur, 2018]: дискриминация по гендеру; дискриминация по религиозному признаку; дискриминация по расовому признаку; дискриминация по отношению к людям с ограниченными возможностями; гибридный язык вражды, дискриминирующий все вышеперечисленные категории сразу. Авторы подчеркивают важность разработки соответствующих государственных постановлений, направленных на отслеживание случаев дискриминирующего речевого поведения в социальных сетях, что является необходимым шагом для обеспечения безопасности дискриминируемых групп в эпоху развития цифровых технологий. Другими возможными подходами к противодействию разжиганию ненависти являются просвещение и профессиональная подготовка, встречи с общественностью по вопросам языка вражды, а также повышение толерантности населения [Chetty, Alathur, 2018].

К. Боярска, констатируя, что в последние годы в связи с множеством противоречий и невозможностью прийти к общему мнению и объединить усилия, Европа стала свидетелем значительного роста уровня ксенофобии, национализма, фобий в отно-

¹ Facebook, Instagram – продукты компании Meta, на территории Российской Федерации признанной экстремистской организацией.

шении этнических групп, расистских и антисемитских настроений. По словам Хайко Маас, министра иностранных дел Германии: «разжигание ненависти не ограничивается словами, а часто переходит от слова к делу. “Психическое возбуждение” слишком часто переходит в насилие, можно наблюдать всплеск нападений на приюты для беженцев: в 2014 г. количество происшествий увеличилось втрое по сравнению с предыдущим годом» [Bojarska, 2018].

К. Боярска проанализировала и обобщила последние научные исследования касательно динамики развития «языка ненависти» и ответа на оскорбительные высказывания. Пользователи в Интернете постоянно вовлечены в враждебную и дискриминирующую риторику, оставляя негативные комментарии, создавая мемы, подписываясь на сообщества, продуцирующие подобный контент. Большой вклад в борьбу с данным явлением приносят специальные проекты, занимающиеся контролем и предотвращением распространения дискриминирующего дискурса [Bojarska, 2018]. Негатив в онлайн-пространстве более распространен, нежели позитивная информация. По мнению автора, за дискриминирующим поведением стоят страх и поиск ощущения безопасности. Страх заставляет людей делиться подобной информацией. Ненависть и насмешка – это способы борьбы со своими страхами и с чем-то новым и незнакомым. Успех движения #metoo в Интернете доказывает, что озлобленная группа людей в социальной интернет-сети, объединенная общей идеей, может привести к изменениям в обществе во всем мире [Bojarska, 2018].

Однако существует мнение, что проявление расизма в эпоху после господства гражданских прав будет более скрытым, чем явным, и более бессознательным, чем осозанным. Зачастую интернет-коммуникации происходят в технологических контекстах, которые не связаны теми же нормами, что и личные взаимодействия, и могут включать более явные представления расистских идеологий. Р. Эшман исследует изменяющиеся проявления расизма в онлайн-пространстве и их влияние на темнокожих студентов, используя глубинные интервью с 27 реципиентами, а также их реакции и интерпретации, извлеченные из сообщений, опубликованных на анонимном студенческом онлайн-форуме PIMC [Eschmann, 2020].

По мнению автора, интернет-коммуникация может предоставить людям возможность обойти поверхностные эгалитарные нормы, позволяя тем самым более явно выражать расистские идеологии. Полученные результаты свидетельствуют о том, что темнокожие студенты видят прямую связь между расовыми сообщениями в Интернете и расовым климатом в учебном кампусе. Автор утверждает, что скрытый расизм в онлайн-среде разоблачается и что воздействие раскрытых расовых идеологий может бросить вызов расовому мировоззрению студентов, адаптивным ответам на расизм, сложным отношениям с белыми студентами и доминирующим расовым нарративом [Eschmann, 2020].

В настоящее время вопрос дискриминирующего речевого поведения волнует не только ученых, но и общественность. Нормы речевого поведения постоянно меняются, что влечет за собой возникновение дискриминирующих высказываний в публичном пространстве и меняет общественное отношение к ним. Дж. Соул отмечает, что понимание того, что расизм не должен выражаться в речи как норма, пошатнулось. В США это выразилось в тенденции к использованию тайных стратегий передачи расистских сообщений [Saul, 2019]. Автор констатирует, что оппозиция к иммиграции, избрание Барака Обамы в качестве президента, а также использование таких политических стратегий в коммуникации, как «фиговые листья» (fig leaf), «собачьи свистки» (dog whistle), способствуют проявлению расистских настроений, обнаруживаемых в речи.

Язык вражды, используемый некоторыми политиками по отношению к определенным этническим, религиозным или политическим группам, в последние годы стал частью большого количества политических кампаний. Б. Перри и коллеги описывают данные, согласно которым преступления на почве ненависти, о которых сообщается полиции США, достигают своего пика во время избирательных кампаний. Наряду с этим преступления на почве ненависти на расовой и религиозной почве и высказывания ненависти в Интернете против меньшинств, в частности мусульман и беженцев, резко возросли во время недавнего голосования по Брекситу, в ходе которого широкая общественность Соединенного Королевства (Великобритании) проголосовала за выход из Европейского союза [Planting ..., 2020]. По мнению исследовате-

лей, можно проследить связь между целенаправленным использованием кандидатами дискриминационной риторики во время выборов и последующим ростом преступлений на почве ненависти, происходящим во время кампаний. Таким образом, публичные политические речи, которые несут в себе дискриминационную лексику, могут открыто влиять на деятельность представителей доминирующей группы/культуры определенной нации и служить толчком для последующего совершения преступлений на почве ненависти [Planting ..., 2020].

Дж.В. Ховард обсуждает вопросы отмены свободы слова и влияния морали на свободу выражения мнения. По его мнению, наложение запрета на «язык вражды» является неправомерным: если человек обладает высокими моральными качествами, то он воздержится от враждебности в речи [Howard, 2019]. Помимо того, свобода слова не может быть ограничена в рамках демократии, человеческой независимости и норм морали. Однако именно в рамках свободы слова существует язык вражды, и поэтому во многих странах расистские и оскорбительные высказывания считаются уголовно наказуемыми. Дж.В. Ховард полагает, что приверженность человека свободе слова должна подвергаться контролю, когда ее требования вступают в противоречие с другими нормативными обязательствами, такими как социальное равенство, достоинство или безопасность исторически маргинализированных граждан [Howard, 2019].

О. Финно, используя в качестве основы наиболее вопиющую форму разжигания ненависти, которая преследовалась в качестве международного преступления, – прямое и публичное подстрекательство к геноциду, – анализирует правовые параметры разжигания ненависти с помощью дискриминирующих высказываний как преступление против человечества [Fino, 2020]. Автор утверждает, что только более крайняя форма подстрекательства к насилию, подстрекательство к совершению преступлений, за которыми следуют фактические акты насилия, может представлять собой разжигание ненависти. Вопрос о том, может ли «подстрекательство к насилию» в случае совершения преступлений квалифицироваться как преследование (преступление против человечества), остается нерешенным. О. Финно отмечает, что разжигание ненависти согласуется с международным правом в области прав человека, которое,

за некоторыми спорными исключениями, допускает криминализацию самых крайних форм подстрекательства к насилию [Fino, 2020].

Многие ученые сходятся во мнении, что дискриминационное речевое поведение чаще всего осуществляется не по отношению к конкретному индивиду, а по отношению к определенной группе. С.Дж. Бьюкбум, С. Бургерс (2017), К. Гелбер (2021), Д.Ди Марко и коллеги (2019), М. Менегатти, М. Рубини (2017), А. Салгэро, М. Эспинья (2018) и Дж. Ванштайн (2017) считают, что язык и речевое поведение часто являются инструментом дискриминации определенной группы. Авторы особое внимание уделяют феномену лингвистической предвзятости, который они определяют как систематическую асимметрию в выборе слов, которые применяются к описываемой группе или индивидам [Beukeboom, Burgers, 2017; Discriminatory ..., 2019; Gelber, 2021; Menegatti, Rubini, 2017; Salguero, Espinilla, 2018; Weinstein, 2017].

К. Гелбер разрабатывает системный дискриминационный подход к определению узко истолкованной категории «языка ненависти (языка вражды)» как высказываний, наносящих в достаточной степени вред, чтобы гарантировать государственное регулирование дискриминационного речевого поведения. Особое внимание уделяется рассмотрению разницы между разовой и системной дискриминацией определенных групп населения в речи. «Когда дело доходит до того, чтобы отличить язык вражды против женщин или темнокожих от высказываний в адрес людей с густыми бровями, это различие не сложно» [Gelber, 2021]. Основными объектами дискриминации выступают женщины, цветные люди и представители LGBTQI+ сообщества. Наряду с этим существуют и другие группы, подвергающиеся дискриминации, но существующие алгоритмы выявления языка ненависти не распознают подобные высказывания как дискриминирующие, а люди не могут рассчитывать на поддержку государства [Gelber, 2021].

С.Дж. Бьюкбум и С. Бергерс (2017), М. Менегатти и М. Рубини (2017), М.А. Раз, Ж. Монтеро-Диас (2020) раскрывают тему дискриминантного речевого поведения с позиций гендера и гендерных стереотипов в языке. Содержание гендерных стереотипов отражается в выборе лексики, который люди делают в повседневном общении. В лексике многих языков присутствует асимметрия,

приводящая к нехватке терминов, относящихся к одному полу. Например, отсутствие мужского эквивалента для обращения «мисс» говорит о том, что брак считался (а иногда и считается) важным для статуса женщин, но не мужчин. Эти лексические пробелы особенно очевидны для понятий, описывающих профессиональную деятельность: номинации видов деятельности в английском языке, оканчивающиеся на *-man*, такие как *businessman* (предприниматель), *chairman* (председатель), *anchorman* (ведущий) или *police man* (полицейский), для которых соответствующий женский эквивалент вошел в обиход недавно, когда женщины начали входить в сферы деятельности, где прежде доминировали мужчины. Исследователи приходят к выводу, что содержание гендерных стереотипов отражается в языке. Подобные стереотипы поддерживаются и продолжают жить через обиходную речь, институциональный дискурс или взаимодействие в социальных интернет-сетях. Лингвистическая абстракция является тонким инструментом, используемым для представления женщины в более слабой позиции по сравнению с мужчиной и, таким образом, для осуществления дискриминации по гендерному признаку [Beukeboom, Burgers, 2017; Menegatti, Rubini, 2017].

В контексте групповой дискриминации важно обратить внимание на дискриминационное языковое поведение на рабочем месте. Д. Ди Марко и коллеги изучили связь между языком и скрытой дискриминацией в отношении работников-лесбиянок и геев (LG) и выявили, что представители данной группы являются жертвами скрытой дискриминации и что в языке и речи закрепились и распространяются предрассудки и негативные стереотипы (см. также [Baldwin, 2017]). Шутки, неуместные комментарии и вопросы являются выражением негативного отношения, которое, вероятно, присутствует на неявном уровне. Из-за неоднозначности этих выражений и условий, в которых они были изучены (на рабочем месте), эти действия можно было бы определить как нецивилизованное поведение, которое сейчас имеет место чаще, чем явная вербальная агрессия, ввиду осуществления политики обеспечения равенства и инициатив по повышению осведомленности [Discriminatory ..., 2019].

А. Салгэро и М. Эспиния обращают внимание на сложности в выявлении дискриминационного текста из-за природы языка как

сущности, которая, как правило, содержит скрытые функции или отношения. В своей работе они использовали онтологии для реализации правил, используемых разработанным ими текстовым анализатором, и представили набор правил для выявления дискриминационных высказываний, относящихся к гендеру и людям с ограниченными возможностями [Salguero, Espinilla, 2018].

Большинство исследователей определяют язык вражды как крайнюю степень неприязни к человеку или группе людей из-за их расы, этнической принадлежности, религии или гендерной идентичности [Waltman, Matheis, 2017]. Язык вражды приводит к утрате социальной уверенности, на которую мы все имеем право, и в то же время продвигает конкурирующее видение общества, где допустимы нетерпимость и дискриминационная практика [Barendt, 2019]. Язык вражды разжигает эмоции людей, побуждая их рассматривать себя как членов значимой и важной внутренней группы (ин-группы), которая очерняет определенную внешнюю группу (аут-группа) и ее членов, часто предполагая, что они представляют собой угрозу, и именно язык вражды риторически служит как средство победы над ней. Употребление таких ненавистнических высказываний может служить прежде всего для устрашения аут-групп из-за их расы, национальности, религии, гендерной и сексуальной идентичности и т.д., поощрения насилия в отношении представителей аут-группы либо для создания коллективной формы памяти для внутренней группы, или вербовки и социализации новых членов сообщества с расистскими идеологиями/групп ненависти [Waltman, Matheis, 2017].

Дж.Б. Русчер среди основных маркеров дискриминационной коммуникации выделяет групповые ярлыки, которые часто фокусируют внимание на особенностях внешности, культурных практиках и именах объектов дискриминации: реализуется межгрупповая предвзятость, вводится противопоставление «мы – они». Помимо того, говорят про языковую абстракцию, когда люди выражают свое мнение через использование негативных стереотипов, ничем не подкрепленных на практике и являющихся исключительно субъективными, и различные «скрывающие» средства выразительности, например, использование обобщения или эвфемизмов, чтобы не употреблять имена дискриминируемых лиц [Ruscher, 2017].

Какие же последствия имеет дискриминационная коммуникация? Существуют ли доказательства того, что данные воздействия представляют? Должны ли жертвы языка вражды мириться с подобным отношением, поскольку свобода слова важнее, чем минимизация их чувства тревоги или беспокойства? Согласно мнению Э. Барендта, ни один человек не должен подвергаться дискриминации или насилию только потому, что он является членом определенной расовой, религиозной или другой уязвимой группы. Существует необходимость защищать представителей уязвимых меньшинств, чтобы они чувствовали себя полноправными членами общества. В работе Э. Барендта особое внимание уделяется защите расовых и религиозных групп [Barendt, 2019].

Заключение

В ходе анализа литературы было выяснено, что в основном выделяют такие виды языка вражды, как дискриминация по гендерному, религиозному, расовому признакам, дискриминация по отношению к людям с ограниченными возможностями, а также гибридный язык вражды, дискриминирующий все вышеперечисленные категории сразу.

Перед специалистами многих отраслей стоит задача защиты людей от дискриминационных высказываний, сохраняя допустимый уровень свободы слова, в том числе в Интернете.

Проанализированные исследования показали, что за дискриминирующим речевым поведением стоит страх. Несмотря на возможные негативные последствия языка вражды, организовать контроль дискриминирующих высказываний крайне сложно, т. к. это во многом противоречит принципам свободы слова. Мнения разделились. Одни считают, что приверженность человека свободе слова должна подвергаться контролю, когда она вступает в противоречие с другими нормативными обязательствами, такими как социальное равенство, достоинство или безопасность исторически маргинализированных граждан. Другие полагают, что свобода слова не должна ограничиваться и контроль дискриминирующего поведения должен осуществляться посредством внутренних моральных норм каждого человека и общества.

Список литературы

- Baldwin J.* Culture, prejudice, racism, and discrimination // Oxford Research Encyclopedia of Communication. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – URL: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-164?rskey=oKhbqz&result=1>
- Barendt E.* What is the harm of hate speech? // Ethical Theory and Moral Practice. – 2019. – Vol. 22(3). – P. 539–553.
- Beukeboom C.J., Burgers C.* Linguistic bias // Oxford Research Encyclopedia of Communication. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – URL: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-439>
- Bojarska K.* The dynamics of hate speech and counter speech in social media // Summary of the scientific research. – 2018. – URL: https://cihr.eu/wp-content/uploads/2018/10/The-dynamics-of-hate-speech-and-counter-speech-in-the-social-media_English-1.pdf
- Chetty N., Alathur S.* Hate speech review in the context of online social networks // Aggression and violent behaviour. – 2018. – Vol. 40. – P. 108–118.
- Discriminatory language in the workplace: unmasking prejudices and stereotypes / *Di Marco D., Arenas A., Munduate L., Hoel H.* // International Journal of Social Psychology. – 2019. – Vol. 34(1). – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02134748.2018.1540122?journalCode=rrps20>
- Eschmann R.* Unmasking racism: students of color and expressions of racism in online spaces // Social Problems. – 2020. – Vol. 67(3). – P. 418–436. – URL: <https://academic.oup.com/socpro/article/67/3/418/5539501>
- Fino A.* Defining hate speech // Journal of International Criminal Justice. – 2020. – Vol. 18(1). – P. 31–57. – URL: <https://academic.oup.com/jicj/article/18/1/31/5858150>
- Gelber K.* Differentiating hate speech: a systemic discrimination approach // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – 2021. – Vol. 24(4). – P. 394–414.
- Howard J.W.* Free speech and hate speech // Annual Review of Political Science. – 2019. – Vol. 22. – P. 93–109.
- Menegatti M., Rubini M.* Gender bias and sexism in language // Oxford Research Encyclopedia of Communication. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – URL: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-470>
- Paz M.A., Montero-Dias J.* Hate speech : a systematized review // Sage Open. – 2020. – Vol. 10(4). – P. 21582440209.
- Planting hate speech to harvest hatred: How does political hate speech fuel hate crimes in Turkey? / *Perry B., Akca D., Karakus F., Bastug M.F.* // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2020. – Vol. 9(4). – P. 195–211.
- Ruscher J.B.* Prejudiced communication // Oxford Research Encyclopedia of Communication. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – URL:

*Дискриминационная коммуникация
или дискриминирующее речевое поведение*

<https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-419?rskey=bWSE5O&result=1>

Salguero A., Espinilla M. A flexible text analyzer based on ontologies: an application for detecting discriminatory language // Language Resources and Evaluation volume. – 2018. – Vol. 52. – P. 185–215.

Saul J. What is happening to our norms against racist speech? // Aristotelian Society. Supplementary. – 2019. – Vol. 93(1). – P. 1–23.

Waltman M., Mattheis A. Understanding hate speech // Oxford Research Encyclopedia of Communication. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – URL: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-422?rskey=DWfDPS&result=1>

Weinstein J. Viewpoint discrimination, hate speech, and political legitimacy // A reply. Const. Comment. – 2017. – Vol. 32. – P. 715. – URL: <https://constitutionalcommentary.lib.umn.edu/article/viewpoint-discrimination-hate-speech-and-political-legitimacy-a-reply/>

Опарина Е.О.

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСАХ
И РЕГИСТРАХ ЯЗЫКА.
(Обзор)¹**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В предлагаемом обзоре исследуются характеристики и функции концептуальной метафоры в дискурсах современных языков, в том числе ее роль при обсуждении новой темы – пандемии COVID-19. Метафора рассматривается в русле когнитивного направления в лингвистике, т.е. в первую очередь как ментальное средство, формирующее семантику языковых единиц.

Анализируется также «многомерность» когнитивного потенциала метафоры, которая не только вербализует в языке понятия и системы представлений, но и объясняет новые фрагменты реальности (такие, как незнакомый ранее вирус), а также формирует отношение к явлениям и событиям и обладает действенной силой, влияя на поведение групп людей и отдельных индивидов. Исследуется также роль метафоры в сленге и общенациональном разговорном языке.

Ключевые слова: концептуальная метафора; метафорические модели; функции концептуальной метафоры; язык и пандемия COVID-19; общественно-политический дискурс;

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/napravleniia-nauchnykh-issledovaniy/temyir/lingvokulturnye-aspekty-tsvivilizatsionnykh-protivorechii/>

экологический дискурс; полимодальные vs мономодальные метафоры; сленг; английский язык; французский язык; сербский язык; гендер в языке.

Введение

В данном обзоре анализируются модели концептуальной метафоры в дискурсах и языковых регистрах. В центре исследования – общественный и политический дискурсы, включая новое для языка и общества явление «дискурс о COVID-19», экологический дискурс, а также метафоры в сленге французского и сербского языков. Исследование подтверждает важность когнитивной функции метафоры как ментального и языкового средства, а также многогранность ее проявления. Метафора концептуализирует новые понятия и системы представлений, выражая в том числе формируемые, гипотетические знания; объясняет новые для общества явления через их уподобление знакомым предметам, явлениям и процессам; также является инструментом убеждения и манипуляции, «настраивая» адресата на определенное восприятие явления, события или ситуации и на определенный способ реагирования. В реализации когнитивного потенциала метафоры значительную роль играет «встроенность» культурных кодов в ее образную семантику, связь метафор с символами и стереотипами, существующими в культурно-языковом сообществе.

Основная часть

Концептуальная метафора в последние десятилетия рассматривается исследователями как когнитивное средство, разными способами действующее на мировосприятие и миропонимание человека. Метафоры не только формируют концепты и репрезентируют уже имеющееся знание в языке, они также объясняют новую информацию и выражают предполагаемое (гипотетическое) знание. Метафоры способны влиять на убеждения людей, на оценку событий и ситуаций и поведение людей, в том числе вызывать действенное реагирование на события и ситуации. Значимое для семантики метафор явление – обусловленность их когнитивного потенциала культурами. Универсальные, социально- и национально-специфические культурные коды, мотивирующие семантику

метафор, актуализируются в дискурсах и стилистических регистрах языка. Разные грани когнитивного потенциала метафор рассматриваются в данном обзоре на материале англоязычного общественно-политического, экологического и рекламного дискурсов, а также на примере сленга французского и сербского языков [Augé, 2022; Kremer, Felgenhauer, 2022; Younes, Altakhaineh, 2022; Durin, Jovanović].

Взаимосвязи между метафорическими моделями, используемыми в дискурсе, оценкой ситуации и поведением прослеживаются Д. Кремер и Т. Фельгенхауер в статье «Объясняя COVID-19: использование пространственной метафоры во время кризиса», исследуют типы метафор, наиболее часто применявшихся в время эпидемии для характеристики заболевания и его распространения. Анализ проводился на материале корпуса немецкого языка (в статье они представлены в переводе на английский). В центре внимания – роль пространственной метафорической модели, представленной метафорой контейнера, которая актуализируется посредством топонимов. При этом топонимы понимаются в русле антропологического подхода к географии, придающего наименованиям местности социально и культурно-значимые смыслы, в значительной степени конструируемые через язык и тексты [Kremer, Felgenhauer, 2022].

Исследование базируется на теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которой концептуальные метафоры рассматривались как «образные схемы» (image schemas) – структуры знаний, основанные на ассоциациях и определяющие наше мышление, познание и язык. В дальнейшем понимание концептуальной метафоры как ментальной схемы было усложнено. В центре внимания оказалось ее иерархическое строение и тот факт, что в текстах концептуальные метафоры обычно выступают как комбинация нескольких метафорических моделей.

Изучение языкового материала показало, что пространственная метафора при обсуждении темы COVID-19 в общественном и политическом дискурсах тесно связана с другими типами метафорических моделей, а именно с метафорами персонификации и природными. Значительную роль в концептуализации пространства играет метафора контейнера, в которой пространственные сущности представлены как «емкости», содержащие

предметы, в данном случае – вирус. В дискурсе о COVID-19 в роли таких «контейнеров» чаще всего выступают города: “126 cases were recorded in Wuhan, a city in central China, which is considered to be the epicentre of the virus.” (DWDS¹ / Handelsblatt, 2020) [Kremer, Felgenhauer, 2022] «126 случаев заболевания было зарегистрировано в Ухани, городе в центральном районе Китая, который считают эпицентром вируса»². Применяются также другие «стихийные» метафоры: *tsunami*, *storm*, *perfect storm* – «цунами», «шторм», «идеальный шторм». Д. Кремер и Т. Фельгенхауер интерпретируют метафору природной стихии лишь как частично соответствующие реальной ситуации с эпидемией и потому способные ввести адресатов в заблуждение. Шторм и цунами являются стихиями, неподвластными человеку, в то время как при эпидемии многое зависит от людей, медицинских служб и властей. Контейнер предполагает также наличие границ, распространение болезни рассматривается как нарушение границы контейнера. Поэтому метафорические модели выступают в комбинации друг с другом. Упоминание городов и регионов, в которых много больных, имеет логическое продолжение: оно предполагает необходимость «закрытия границ» и прекращения контактов с «эпицентрами» заболевания. Установленные взаимосвязи демонстрируются следующими фрагментами текстов о COVID-19 в прессе: “After Italy [...] Spain is the most affected country by the coronavirus pandemic in Europe. Despite the strict curfew enforced eleven days ago, the number of affected people rose to 47610.” (DWDS / Welt, 2020) «После Италии [...] Испания – наиболее пораженная коронавирусом страна в Европе. Несмотря на строгий комендантский час, введенный одиннадцать дней назад, число заболевших увеличилось до 47 610 человек»; “The Coronavirus is spreading across Latin America like wildfire [...]. Not every country has responded well to the pandemic [...].” (DWDS / Neue Züricher Zeitung, 2020) «Коронавирус распространяется по Латинской Америке, подобно пожару [...]. Не каждая страна отреагировала на пандемию правильно» [ibid]. Другая метафора, часто применяемая в общественном дискурсе о COVID-19, – прием

¹ DWDS – электронный корпус немецкого языка Берлинско-Бранденбургской академии наук. – Е. О.

² Здесь и далее перевод мой. – Е. О.

персонификации. Метафора вируса COVID-19 как живого человека предполагает, что инфекция обладает свойствами личности: интеллектом, самостоятельностью действия и наличием цели, силой или слабостью. По мнению авторов статьи, приписывание вирусу человеческих качеств в общественном и политическом дискурсах препятствует правильному пониманию действия вируса как биологического (*it prevents people from gaining a deeper biological understanding of the functioning of viruses in a “non-human way”*) [Kremer, Felgenhauer, 2022]. Метафоре приписывается аргументативная сила.

А.С. Йонес и А.Р.М. Алтакхайнен, исследователи из Иордании, также рассматривают концептуальную метафору в дискурсе о COVID-19 как средство, направленное на улучшение понимания ситуации читателями. Анализ проводился на материале мемов на тему COVID-19 в иорданских вебсайтах Инстаграма, Фейсбука и Твиттера, что позволило включить в сферу исследования полимодальные (визуально-вербальные) и мономодальные (только визуальные или только вербальные) метафоры. В центре внимания в работе А.С. Йонеса и А.Р.М. Алтакхайнена – объяснительная функция метафоры и ее направленность на критику действий властей [Younes, Altakhaineh, 2022]. Особое внимание нацелено на полимодальные – визуально-вербальные метафоры, которые составили, как было подсчитано, до 80% всех исследованных мемов.

Полимодальность метафоры способствует более точному пониманию смысла мема, кроме того, визуальное изображение также позволяет более прямо и эффективно воздействовать на эмоции адресата. Значительную роль в актуализации объяснительной функции метафор в мемах как совокупности визуально-вербальных текстов играет разнообразие метафорических моделей и их сочетание. Они предлагают различные ассоциации для осознания и оценки свойств вируса и угроз пандемии, благодаря чему конструируется объемное представление о сложном и ранее неизвестном феномене – коронавирусе. В исследованном материале выделено более десяти метафорических моделей, среди которых наиболее продуктивными являются уподобления коронавируса человеческому существу (ср. метафоры-персонификации [Kremer, Felgenhauer, 2022]), спортивным играм, животным, войне, еде. В мемах с мультимодальными метафорами часть ассоциативных

признаков выражается вербально. Иногда один мем включает в себя несколько метафор, поддерживаемых метонимией. Так, на одном из мемов изображена летучая мышь, пытающаяся убить змею. В данном меме присутствуют два изображения области – источника метафоры – змеи и летучей мыши. Надпись «вакцина» (все надписи на арабском языке) выражает область – цель метафоры, объясняя, что змея символизирует вакцину. Следовательно, одна из метафор – ‘змея – вакцина’. Отмечается, что метафоры в исследованных мемах обладают выраженными культурными коннотациями. Например, рассмотренная выше метафора соответствует универсальному культурному знанию: со времен древнегреческой мифологии змея символизирует медицину и бессмертие, в наше время по всему миру изображение змеи стало знаком фармацевтики. Следовательно, изображение в этом же меме летучей мыши, пытающейся убить змею, интерпретируется как ‘летучая мышь – коронавирус’. Данная метафорическая модель также поддерживается метонимией, выражающей универсальное фоновое знание: летучую мышь «подозревали» в том, что этот вид животных реально является источником коронавируса.

В мемах также используются культурные коды, значимые для жителей Иордании и носителей арабской культуры. Например, на одной из картинок изображен круг с острыми шипами. Сам расплывшийся круг и окружающий его темный фон ассоциируются с изображением блина на сковородке, а вербальная часть мема – слово «блин» однозначно идентифицирует область – источник метафоры. В то же время острые шипы по краю круга делают изображение похожим на коронавирус, т.е. область – цель. В данном случае в одном изображении совмещаются и цель, и источник метафоры. Для понимания всего семантического объема мема важны культурные коннотации: в Иордании блины являются традиционной ночной едой во время Рамадана. Уподобление усиливается тем, что в год пандемии правительство Иордании на период Рамадана, опасаясь распространения болезни, закрыло мечети и магазины [Younes, Altakhaineh, 2022].

Таким образом, концептуальная метафора и метафорические модели в дискурсе о COVID-19 квалифицируются как способные адекватно отражать природу пандемии и борьбу с ней или, наоборот, вводить в заблуждение [Kremer, Felgenhauer, 2022; Younes,

Altakhaineh, 2022]. Такой подход приписывает метафорам способность аргументировать тот взгляд на явление, которое она обозначает. Такой взгляд соответствует общему для когнитивной лингвистики подходу: метафора – это в первую очередь ментальное средство, определяющее мировосприятие, мировоззрение и поведение человека.

Потенциал воздействия метафоры, который позволяет говорящему оказать желаемое влияние на адресата, ярко проявляется в общественном и политическом дискурсах. А. Оже анализирует в плане когнитивной и прагматической ценности метафорические модели, используемые при обсуждении экологических тем. В центре внимания в статье «Ковид-19 – вакцина Земли: спорные метафоры в дискурсе об окружающей среде» метафоры ‘здоровья – болезни природы’, «осложненные» темой COVID-19 [Augé, 2022]. Исследование проведено на материале англоязычных сайтов Твиттера в сопоставлении со статьями, помещенными в изданиях двух ведущих неправительственных экологических организаций: Гринпис (Greenpeace) и Экстинкшн Ребеллион (Extinction Rebellion в буквальном переводе – «Спротивление вымиранию»). На пике пандемии COVID-19 в Твиттере в обсуждении экологических проблем активно использовались варианты метафоры ‘Nature is healing. We are the virus (for the planet)’ – «Природа находится в процессе лечения. Мы – (для планеты) вирус», в которой человечество уподобляется вирусу и, следовательно, характеризуется как организм, вредящий природе. Эта модель уподобляет человека новому вирусу, что, по мнению А. Оже, имеет определенные основания: в качестве обобщающего признака для концептов пандемии, с одной стороны, и негативных изменений климата – с другой, может служить признак ‘неконтролируемое потребление человеком как причина бедствия’. Правомерность данной метафоры подтверждается в текстах Твиттера тем, что уменьшение деятельности промышленных предприятий в период локдауна, введенного из-за пандемии, привело к снижению вредных выбросов в атмосферу. Однако уподобление человека вирусу, если следовать логике концептуализации, заложенной в данной метафоре, означает, что избавление от человека должно стать правомерной целью природы. Руководствоваться таким принципом невозможно с идеологической точки зрения. Кроме того, развертывание признаков подобия,

заложенных в этой метафорической модели, приводит к неверному пониманию ситуации и способов выхода из нее. Например, метафора предполагает, что «излечение» природы от экологических болезней может произойти само по себе как результат пандемии, и к тому же в короткий срок. А. Оже отмечает, что в текстах ведущих экологических организаций эта метафорическая модель не применяется [Augé, 2022]. Предпочтение отдается метафорическим моделям ‘container’ «контейнер», ‘journey/movement – path’ «путешествие/движение – путь» и ‘building of a better society’ «построение лучшего общества». В текстах метафорические модели обычно выступают в комбинации, например: “*The Coronavirus pandemic has created a rare crack in the system – let’s use it to create a better world*” (Greenpeace. 16/04/2020) «Пандемия коронавируса создала редкую трещину в системе – давайте используем это для того, чтобы создать лучший мир» [Augé, 2022], где совмещаются метафора контейнера (*a crack in the system* – «трещина в системе») и метафора строительства (*to create a better world* – «создавать лучший мир»). Ответственность за кризисы в экологии и медицине возлагается на действия политиков, и метафорические модели выступают в соответствующих этой оценке вариациях: ‘political system as a broken container’ – «политическая система – сломанный контейнер», ‘to rebuild the container’ – «перестраивать контейнер», ‘exit from the polluted world’ – «выходить из загрязненного мира» и др. Таким образом, при обсуждении экологической тематики помимо концептуальной и объяснительной функций в концептуальной метафоре выражена функция воздействия.

Метафора в сленге, особом стилистическом регистре языка, обладает и общими для концептуальной метафоры свойствами, и особенностями, связанными с характером этого регистра. Как показывают Т. Дурин и И. Йованович в статье «Гуси, доски и неряхи: унижение женщин с помощью языковой семантики во французском и сербском сленгах» [Đurin, Jovanović], в сленге обоих языков метафоры, характеризующие женщин, сводимы к определенному набору базовых моделей. При этом и домены-источники, и домены-цели имеют межязыковое сходство. Вместе с тем метафоры в сленге отличаются повышенной образностью и оценочностью, зависимой от традиционных для культурно-языковой общности стереотипов. Все метафоры являются по своему типу

субъективно-оценочными, или, по терминологии, предложенной В.Н. Телия, эвалюативными. При этом они выражают мужскую точку зрения.

В качестве доменов – целей негативного метафорического обозначения женщин во французском и сербском сленгах выступают три направления: 1) интеллект, 2) внешность и 3) моральные характеристики, определяемые преимущественно через сексуальное поведение. Негативный характер свойства определяется через отступление от общепринятой в обиходно-бытовом представлении «нормы». Домены-источники также сходны: негативно оцениваемые качества женщин наиболее часто характеризуются через метафоры ‘животное’, ‘контейнер’, ‘обширная территория’. Метафорическая модель ‘животное’ распространена в обоих языках и имеет варианты. Так, глупая (с точки зрения говорящего) женщина в обоих языках характеризуется как «птица», например «индейка»: фр. *dinde*, серб. *ćurka* и «гусь»: фр. *oie*, серб. *guska*. Другой вариант – «животное», например «ослица»: фр. *ânesse*, серб. *magarica*. Более специфические метафоры – ‘грязь’, ‘часть мебели’, ‘транспортное средство’ – применяются при характеристике крупных женщин и женщин «с округлостями»; наоборот, «плоские» женщины, также вызывающие негативную характеристику, характеризуются как «доски» – серб. *daska*, фр. *plance*.

Национально-культурная специфика французского и сербского языков в исследованном материале наиболее ярко проявляется по отношению к женщинам, сексуальное поведение которых не соответствует принятым в социуме нормам. Это «излишне сексуально активные» или занимающиеся проституцией женщины. Так, в французском сленге в отличие от сербского проституция и распутство женщины концептуализируются через ассоциацию с ‘грязью’ (‘неряха’, ‘грязная тряпка’, ‘экскременты’): *salope* – «неряха» и «шлюха», *souillon* – «женщина, делающая грязную работу» и «проститутка», *vadrouille* – «швабра» и «проститутка». Помимо этого французские метафоры акцентируют связь проституции с материальной выгодой, доходом, например метафора ‘проститутка – еда’ (имеется в виду доход, который получает сутенер). В сербском языке такой метафоры нет, несмотря на наличие более общей концептуальной модели ‘привлекательная женщина – еда’ [Đurin, Jovanović].

Таким образом, концептуальные метафорические модели в сленге двух языков демонстрируют и общие черты, и национально-культурную специфику. В обоих языках пренебрежительное отношение к женщине, которое они выражают, является знаком неравного в гендерном плане общества – в их семантике заключен стереотип, сформированный в обществе, где доминируют мужчины [Ђурин, Јовановић].

Заключение

На основе исследованных работ можно заключить, что когнитивный потенциал концептуальной метафоры имеет многогранное проявление. Способность метафоры создавать концепты, в том числе гипотетические, является общепризнанной в когнитивной лингвистике. Значительную роль играет также объяснительная функция, при которой метафора, часто через комбинацию разных по домену – источнику образов, делает более понятной адресату точку зрения говорящего или непривычное знание. Когнитивный потенциал метафоры в значительной степени обусловлен ее соединением со знаками культуры. Эти грани когнитивной функции метафоры проявляются в различных пропорциях в дискурсах в зависимости от характера того или иного дискурса – его тематики, коммуникативных целей, стилистических особенностей. Данные закономерности подтверждаются материалом и выводом исследованных в обзоре работ.

Список литературы

- Augé A.* “COVID-19 is the Earth’s vaccine”: controversial metaphors in environmental discourse // *Interface* [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <http://interface.org.tw/> <https://interface.org.tw/index.php/if/article/view/158> (дата обращения : 10.09.2022).
- Ђурин Т.Џ., Јовановић И.Н.* Geese, planks and sluts: semantic derogation of women in French and Serbian slang // *ResearchGate* [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/359956793> (дата обращения : 10.09.2022).
- Kremer D., Felgenhauer T.* Reasoning COVID-19 : the use of spatial metaphor in times of a crisis // *Humanities and social sciences communications* [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01264-8> (дата обращения : 10.09.2022).

Younes A.S., Altakhaineh A.R.M. Metaphors and metonymies used in mems to depict COVID-19 in Jordanian social media websites // *Ampersand* [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.amper.2022.100087> (дата обращения : 10.09.2022).

ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЯ

Куссе Х., Чернявская В.Е.

**КУЛЬТУРА: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ПОНЯТИЯ В ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ //**
**Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия
Язык и литература. – 2019. – Т. 16, вып. 3. – С. 444–460¹.
(Реферат)**

Ключевые слова: культуроведческая лингвистика; гумбольдтианский подход; идентичность; ментальность; культурно-значимая специфика текстов.

Хольгер Куссе – доктор филологических и философских наук, действительный член Академии наук и литературы (Майнц, Германия), профессор института славистики и истории языкознания Дрезденского технического университета, специалист в области общего языкознания, дискурс-анализа, культуроведческой лингвистики и межкультурной коммуникации².

Валерия Евгеньевна Чернявская – доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/napravleniia-nauchnykh-issledovaniy/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsilivizatsionnykh-protivorechii/>

² Автор работ: Konjunktionale Koordination in Predigten und politischen Reden: Dargestellt an Belegen aus dem Russischen. – Frankfurt a. Main : Lang, 1998. – 523 S.; Metadiskursive Argumentation: Linguistische Untersuchungen zum russischen philosophischen Diskurs von Lomonosov bis Losev. – München : Biblion Media, 2005. – 592 S.; Lev Tolstoj und die Sprache der Weisheit. – Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 2010. – 160 S.; Kulturwissenschaftliche Linguistik: Eine Einführung. – 2012. – 319 S.; Культуроведческая лингвистика. – Москва : Гнозис, 2022. – 536 с.

политехнического университета Петра Великого, специалист в области общей теории и методологии исследования текста и дискурса, социальной семиотики¹.

Культура трактуется в статье как «продукт, возникший в процессе социально распространяемого надличностного знания. Внутри социальных практик устанавливаются ориентиры, принимаемые участниками коммуникативно-речевой деятельности в социуме» (с. 444).

Статья носит методологический характер. Авторы исходят из того, что в современной науке сложились различные научные школы и национальные традиции изучения культуры: 1) антропологическая лингвистика (Anthropological Linguistics, Linguistic Anthropology); 2) культуроведческая лингвистика (kulturwissenschaftliche Linguistik); 3) этнолингвистика (Ethnolinguistics); 4) культур-лингвистика (Cultural Linguistic); 5) культурная семантика; 6) лингвокультурология (культурологическая лингвистика); 7) этнопсихоллингвистика.

Для обозначения исследований по проблемам связи языка и культуры Х. Куссе и В.Е. Чернявская считают корректным термин «культуроведческая (не ‘культурологическая’!) лингвистика» (с. 446). Предлагаемая концепция построена на выделении трех аспектов культуры:

1) ментального уровня как исходного и основополагающего в понимании культуры; 2) социального контекста как набора правил для членов какого-либо общества; 3) зафиксированной формы выражения с опорой на семиотические ресурсы (см. также: кон-

¹ Автор работ: Лингвистика текста : Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. – Москва : Либроком, 2009. – 248 с.; Интерпретация научного текста. – 5-е изд.-е. – Москва : URSS, 2010. – 128 с.; Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – Москва : URSS, 2011. – 270 с.; Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – Москва : Флинта, 2012. – 128 с.; Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – Москва : Флинта, 2013. – 208 с.; Текст в медиальном пространстве. – Москва : URSS, 2014. – 232 с.; Научный дискурс: выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 144 с.; Текст и социальный контекст: социоллингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. – Москва : ЛЕНАНД, 2021. – 208 с.

цепцию У. Гуденау¹). Выделенные аспекты подчеркивают взаимосвязь культуры с такими феноменами, как идентичность, ментальность, коммуникация и дискурс, что соответствует двум основным подходам при исследовании комплекса проблем «язык и культура»: гумбольдтианскому и дискурсивно-ориентированному.

Гумбольдтианский подход предполагает прямое языковое и ментальное соотношение между языком и культурой. В статье подчеркивается, что принципиально значимым для такого подхода является его ориентированность на один язык и одну национальную культуру, которые рассматриваются как единство (см., например, публикацию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура»²). Х. Куссе и В.Е. Чернявская критикуют идиоэтнический (гумбольдтианский) подход к культуре, поскольку в нем «система рассуждений часто получает одну определенную направленность – в сторону идеологической контекстуализации культуры, а именно утверждения различий между культурами и фиксированных границ культурной ‘самости’ народа, нации» (с. 449). Заслуживающей внимания авторы считают точку зрения А.В. Павловой, которая квалифицирует лингвокультурологию с ее выраженным гумбольдтианским характером как «эвфимистическое обозначение лингвонационализма», так как «отождествление характера языка с характером народа, или национальным характером, нередко приводит к утверждению превосходства родного языка над всеми прочими и, как следствие, – наложение языкового начала на патриотическое – своего этнокультурного социума над другими»³. Х. Куссе и В.Е. Чернявская также отмечают сильную идеологизированность в использовании понятия «культура» и то, что это понятие занимает место ключевого слова в утверждении национальной идеи. При этом авторы критически относятся к утверждению, что национальной лингвокультуры вообще не суще-

¹ Goodenough W.H. Cultural Anthropology and Linguistics // Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology. – New York : Harper&Row, 1964. – P. 36–39.

² Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – Москва : Индрик, 2005. – 1038 с.

³ Павлова А.В. Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка // От лингвистики к мифу : лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». – Санкт-Петербург : Антология, 2013. – С. 2.

ствует, так как правила коммуникативного поведения могут существенно отличаться в разных национальных или этнических культурах, что проявляется, например, в текстовых жанрах (жанр русского тоста не имеет аналогов в немецкой культуре).

Более важным аргументом в критике гумбольдтианского подхода авторы статьи считают то, что культура – это не монолитное образование, она дифференцирована в соответствии с разнообразными сферами коммуникации и коммуникативными событиями: «Ответить на вопрос, что такое культура вообще, практически невозможно. Описанию и анализу поддаются конкретные практики – религии, искусство, потребление, повседневное общение, политика и т.д. И только в перспективе различных сфер коммуникации национальная культура поддается идентификации и атрибуции» (с. 451).

Для дискурсивно-ориентированного подхода характерно описание этнических/национальных языков в рамках коммуникативных практик и институциональных дискурсов – политических, религиозных научных и т.д., которые «перекрывают этнические/национальные языки, т.е. обладают правилами и регулярностями, которые не определяются этнической (национальной) спецификой. Рассматриваются не одна культура и не один язык, но разные сферы коммуникации, нормы и ценности, которые принимаются в повседневной жизни и в различных профессиональных контекстах, экономике, науке, религии и имеют свои прагматические, текстовые особенности» (с. 448).

Уточняется связь культуры с вышеназванными феноменами: идентичностью, ментальностью, коммуникацией и дискурсом.

Взаимодействие культуры и идентичности состоит в том, что культура характеризует доминирующие мировоззрения, ключевые мнения о должном (часто стереотипные) и связанные с ними коммуникативные практики, формирующие представления личности о самой себе и своей социальной группе, внутри которой эта личность осознает себя как соответствующую этой группе.

В плане понимания культуры как коммуникации авторы считают важной концепцию школы Cultural Studies, согласно ей значения и ценности формируются не «в народах», а в разных слоях общества, в разных общественно-исторических условиях и практиках. Формируется культурное сознание, понимание и куль-

турная память, в комплексе наделяющие предметы и явления смыслом. Существенно также членение культуры на материальную (устные и письменные тексты), ментальную (смысловые концепты, выражающиеся в языке и воспринимаемые через язык) и социальную (языковое поведение и речевые акты). В статье подчеркивается, что «для дискурсивного подхода важно понимание дискурса как виртуального собрания текстов, посвященных общей теме» (с. 453); при этом институциональные и тематические дискурсы могут пересекаться, например, экологический дискурс как тематический может присутствовать в различных институциональных дискурсах – в политическом, религиозном, правовом и т.д. В связи с этим особую значимость имеют исследования по типологии текстов. Важно при этом учитывать культурную специфику текстов. Поэтому Х. Куссе и В.Е. Чернявская разделяют точку зрения, например У. Фикс¹, о включении признака культурно-значимой специфики текстов в число признаков текстуальности по Р.А. де Богранду и В.У. Дресслеру².

Трактовка культуры как идеологии и коммуникативного процесса основана в статье на понимании ее как процесса социального конструирования: «Для участников коммуникации в социальном пространстве культура – устойчивые и зафиксированные в своих границах ценностные представления или модели должного, и поэтому она может пониматься как система ориентиров. Значение культуры в социальной проекции состоит в том, что она маркирует одни («свои») форматы деятельности и ее результаты по сравнению с другими («чужими»)» (с. 454).

Н.Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

¹ Fix U. Sind Textsorten kulturspezifisch geprägt? Plädoyer für einen erweiterten Textsortenbegriff. Entwicklungstendenzen der deutschen Gegenwartssprache // Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000 “Zeitenwende – Die Germanistik auf dem Weg vom 20. Ins 21. Jahrhundert”. – Bern u.a. : Lang, 2002. – Bd 2 : Entwicklungstendenzen der deutschen Gegenwartssprache. – S. 173–178.

² Beaugrande R.-A.-de, Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – 290 S.

Леонтович О.А.

**СЛОВО И ОБРАЗ В ПОИСКАХ ДРУГ ДРУГА. –
Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – 252 с.¹
(Реферат)**

Ключевые слова: культурно маркированные значения; внешний контекст; внутренний контекст; макроконтекст; микроконтекст; культурный контекст; внутренняя речь; квазикоммуникация; псевдокоммуникация; псевдопонимание.

Ольга Аркадьевна Леонтович – профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета, научный руководитель лаборатории коммуникативных исследований и Центра российско-китайских межкультурных исследований, директор Центра американистики, специалист в области межкультурной коммуникации².

В монографии исследуется формирование и историческая динамика культурно маркированных значений, рассматривается их дискурсивная реализация.

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/napravleniia-nauchnykhssledovaniitemyinir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorechii/>

² Автор работ: (в соавт. с Е.И. Шейгал) Жизнь и культура США : лингвострановедческий словарь. – Волгоград : Станица-2, 2000. – 416 с.; Россия и США : введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград : Перемена, 2003. – 398 с.; Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Москва : Гнозис, 2005. – 351 с.; Введение в межкультурную коммуникацию. – Москва : Гнозис, 2007. – 366 с.; Методы коммуникативных исследований. – Москва : Гнозис, 2011. – 221 с.; Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. – Москва : Гнозис, 2014. – 222 с.; и др.

Книга состоит из краткого предисловия (указывается, что она построена на авторских публикациях разных лет), десяти глав и заключения.

Как отмечается в главе первой «Культурно маркированные значения и смыслы: истоки и критерии разграничения», вопрос, что первично – значение или смысл, – подобен вопросу про курицу и яйцо, т.е. утверждается отсутствие оппозиционных отношений между названными феноменами и указывается, что «смысл всегда намного сложнее и богаче значения. Значение может составлять ядро смысла, но может оказываться и его периферийным компонентом... Статичность значения, практика его фиксации в словарях обуславливают возможность его разложения на семы, анализа его сигнификативного, денотативного и коннотативного компонентов и т.д. Смыслы, в свою очередь, текучи и подвижны» (с. 11). Статичность значения связана с его внеконтекстностью и обеспечивает возможность взаимопонимания между коммуникантами, динамика смысла обусловлена его контекстуализацией в условиях определенной культуры.

Для исследования О.А. Леонтович актуальны понятия внешнего и внутреннего контекстов по Э. Холлу¹. Внешний контекст, общий для всех коммуникантов, – сфера, условия, место и время общения (хронотоп); внутренний контекст включает прошлый опыт коммуникантов, совпадающий для них в том объеме, который определяет коллективную память, менталитет, национальный характер, ценностные установки. Различия во внешнем и внутреннем контекстах во многом культурно обусловлены, так как может не совпадать «ментальная база опознания» (У. Эко²) объектов окружающего мира, специфика мировосприятия и целеполагания.

В монографии используются также понятия макро- и микроконтекста: государство рассматривается как макроконтекст, а конкретное место, где осуществляется коммуникация, – как микроконтекст. Формулируется вывод, что инвариантные значения 'прорастают' смыслами, упав на почву культурного контекста.

¹ Hall E.T. The Silent Language. – Garden City, NY : Doubleday, 1959. – 240 p.; Hall E.T. The Hidden Dimension. – Garden City, NY : Doubleday, 1966. – 201 p.

² Эко У. Сказать почти то же самое : опыты о переводе. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – С. 102.

Культурная составляющая может быть заложена как в самом значении, так и формироваться за счет макро- и микроконтекста» (с. 15). При этом культурная составляющая значений и смыслов реализуется на всех языковых уровнях – от фонетического до текстового.

Основной проблемой главы второй «Национально-культурная специфика понимания» является проблема выявления первичности двух ментальных процессов: язык ли членит хаотичное мышление в соответствии со своими структурными особенностями, или, наоборот, национально-специфическое мышление диктует языку способ членения на единицы? Автор полагает, что разложение мысли на составляющие происходит на стадии формирования внутренней речи: «Если порождение речи осуществляется на неродном языке, то конфликт между родным и иностранным языком может начаться уже на этом этапе. В зависимости от уровня культурно-языковой компетенции и 'включенности' в чужое культурно-языковое пространство, хаотичное мышление будет распадаться на единицы в соответствии с тем, как это будет предписано родным или чужим языком» (с. 26). Однако уровень владения чужим языком и даже умение думать на нем не означает, что человек может членить мир так же, как и носитель того языка, поскольку использование иностранных слов не гарантирует соответствующего склада мышления: существуют различные коды внутреннего программирования.

Подчеркиваются следующие аспекты понимания: 1) оно всегда интерпретативно, т.е. коммуниканты по-разному трактуют соотношение между поверхностными и глубинными смысловыми структурами, что наиболее отчетливо проявляется при использовании фразеологизмов: часто значение целого не выводится из совокупности значений отдельных языковых единиц, как, например, при использовании идиом, тропов, непрямых речевых актов: *тех же щей, да пожижже влей; тянуть kota за хвост; you take a better door than you do a window* (ср. рус. «ты не стеклянный»); *柔肠* «нежные кишки (печаль, грусть, тоска)»; 2) любому языковому выражению может в коммуникации приписываться индивидуальное значение; 3) «понимание обязательно предполагает возможность непонимания как своей противоположности» (с. 29), т.е. понимание всегда относительно, в связи с чем О.А. Леонтович

считает адекватным понимание, «достаточное для координации действий индивидов внутри данного социума в конкретной коммуникативной ситуации. Поскольку понятие достаточности так же относительно, как и понятие полноты понимания, можно утверждать, что эффективность совместной деятельности может возрастать пропорционально глубине взаимопонимания» (с. 31).

Различаются понятия квази- и псевдокоммуникации. Первое состоит в нарушении целостности коммуникативной цепочки, чего могут не замечать/не осознавать участники общения. Во втором случае возникает псевдопонимание, возможное как во внутри, – так и в межкультурном общении. Приводятся следующие примеры псевдопонимания:

В 1953 г. британская полиция задержала двух молодых людей при их попытке ограбить склад – Дерек Бентли и Кристофа Крейга. Полицейский потребовал, чтобы Крейг отдал ему оружие. Дерек произнес фразу “Let him have it, Chris”, которая может быть истолкована двояко: «Пусть возьмет, Крис» или «Задай ему, Крис». Крейг выстрелил, убил одного полицейского и ранил другого. Значение фразы обсуждалось во время судебного процесса, в конечном итоге Бентли был приговорен к смертной казни.

В 1945 г. Великобританией, США и Республикой Китай была опубликована Потсдамская декларация, в которой излагались условия капитуляции Японии во Второй мировой войне. В ответ японцы заявили, что будут придерживаться политики *mokusatsu* («на данный момент без комментариев»), что американцы ошибочно перевели на английский как “rejection by ignoring” («отказ в виде игнорирования»). Ошибка была обнаружена только после того, как на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы.

Характеризуя механизмы понимания в межкультурной коммуникации, О.А. Леонтович выделяет следующие их особенности: 1) конвергентность мышления (ряд факторов приводит коммуникантов к одному и тому же выводу; факты чужой культуры объясняются по аналогии со своей культурой) или дивергентность мышления (участники общения приходят к разным логическим выводам, отталкиваясь от одних и тех же факторов; этот тип мышления позволяет коммуниканту развести явления родной и чужой культуры, делая допуски на возможные культурные различия и их адекватное объяснение).

В главе третьей «Типология культурно маркированных значений» типы таких значений различаются с учетом следующих параметров: 1) форм выражения (эксплицитные, полужексплицитные, имплицитные значения); 2) степени соответствия формы и содержания (истинно культурные, квазикультурные, псевдокультурные значения); 3) места культурно маркированного значения в семантической структуре наименования (первичные и вторичные значения); 4) способов передачи содержания (фактуальные, описательные, образно-символические, концептуальные значения) и т.д. (всего в книге выделяется девять типов культурно маркированных значений).

Авторская точка зрения, представленная в главе четвертой «Лингвокультурные особенности мировосприятия (на материале китайского и русского языков)», строится на трактовке языка как линзы, «через которую преломляется реальность. На стадии, предшествующей языковому воплощению, образ мира характеризуется расплывчатостью и неопределенностью. Лишь будучи вербализованными, предметные ряды и взаимоотношения между объектами приобретают более явные очертания и занимают свое место в системе человеческого мировидения» (с. 63). Рассматриваются особенности концептуализации и категоризации мира через призму китайского языка. Они исследуются в сопоставлении с русским языком по таким параметрам, как выбор ключевого признака для именованя, наличие языковых лакун, номинативная плотность концепта, нюансировка значений, различия между коннотациями, систематизация объектов и их место в сложившейся системе предметных значений. Приводятся многочисленные примеры проявления названных особенностей китайской лингвокультуры, в частности, примеры совпадающих либо лакунарных концептов: следующие китайские концепты не имеют однозначных соответствий в русском языке: 后世末裔 «далекие потомки, внуки и правнуки в грядущих поколениях»; 冢孙 «потомок (правнук) в шестом поколении»; 母女 «мать и дочь (как единое целое)». Обращается внимание также на специфику символики чисел: число четыре используется для обозначения смерти (из-за созвучия между словами 四 sì «четыре» и 死 sǐ «смерть»). Число шесть, в противовес русскому восприятию, обозначает удачу, число восемь – богатство и т.д.

В главах с пятой по десятую («“The Divide”: маркеры культурных смыслов и их контекстуализация»; «Страшные детские стишки: историческая динамика правды и вымысла»; «‘Коня на скаку остановит’: прецедентность и интертекстуальность как источники культурно маркированных смыслов»; «Интерпретация смыслов в политическом дискурсе»; «Межкультурное восприятие комических смыслов»; «Культурно маркированные смыслы в кинотексте») анализируются культурно маркированные тексты из различных коммуникативных сфер, показываются варианты формирования национального колорита этих текстов и их макро-смыслов.

Как подчеркивается в заключении, «национально-культурная специфика понимания обусловлена различиями между физическими мирами и языками, по-своему преломляющими мир; сложностью установления смысловых связей между прошлым опытом коммуниканта и новым гносеологическим образом, осваиваемым им при перемещении в чужое культурное пространство; межкультурными расхождениями в интерпретациях поверхностных и глубинных смысловых структур, семиотических знаков, поведенческих стратегий и т.д. (с. 222–223).

Н.Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Садова Т.С.

**СНОГАДАНИЯ И РАССКАЗЫ О СНАХ В РУССКОМ
РЕЧЕВОМ ОБИХОДЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. –
Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – 144 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: русский фольклор; нарративы о снах; символы культуры; архетипы; лексика; народная этимология.

Монография, в которой представлено лингвистическое исследование рассказов о снах и сногаданий, состоит из предисловия и трех глав. В качестве приложений также приводятся тексты рассказов о снах, собранных полевыми экспедициями Санкт-Петербургского государственного университета в районах Русского Севера.

В предисловии Т.С. Садова отмечает, что вера в мистические свойства снов с древних времен была присуща человеку и умение толковать сновидения относилось к сфере пророческих функций. «Установленные» соответствия между элементами сна и реальными событиями воспринимались как мистические знаки¹. Устойчивость таких соответствий способствовала возникновению особой области знания – ониромантии, которая стала частью традиционной народной культуры. Фольклорные мотивы, связанные со снами, например, сон героя перед важным событием, также

¹ Т.С. Садова отмечает: «По имеющимся на сегодня сведениям, древнейший из сохранившихся письменных сонников – «Онейрокритика» – был составлен в Древней Греции еще во II в. до н.э. Артемидором из Далдиана [Нечаенко, 1991, с. 11]. Однако рукописные своды снотолкований существовали, безусловно, еще раньше, зачастую являясь основой для будущих письменных сборников [Гура, 2018] (с. 5).

свидетельствуют о важности темы пророческого сновидения в народной культуре; они поддерживаются аналогичной темой библейских сюжетов (например, сон Богородицы).

В первой главе «Рассказы о снах: создание снореальности» анализируются способы моделирования содержательной стороны рассказов о снах. Изучение массива повествований о снах привело Т.С. Садову к выводу: их нарративы есть скорее «моделирование» текстов по определенным образцам, чем их индивидуальное создание. Условность индивидуального характера сноповествований проявляется прежде всего в их содержании, потому что текст строится обычно вокруг общекультурных знаков, имеющих долгую мифопоэтическую историю и потому обретших в культуре символический смысл. Вокруг этих устойчивых, повторяющихся знаков строятся тексты рассказов о снах. Например, в сноповествованиях Русского Севера данную роль играют мотивы ‘яма’ и ‘сад’. Видеть яму, канаву – знак опасности, смотреть в яму – якобы к близкой смерти или болезни; ‘сад с плодами’ – также к расстройству, несчастью (с. 14). Вместе с тем антропоцентричность, а значит, личностный подход, является одним из ключевых характеристик текстов о сновидениях. Именно рассказчик отбирает факты сновидения, выстраивает их в определенной последовательности и своим подходом создает пространство сна и его толкования. С этой точки зрения повествования о снах – это личностные нарративы, в которых устанавливаются корреляции между миром сна, т.е. инобытия (иномира), и реальным миром – материальным и событийным. Связующим звеном служат символы и коды культуры, характерные для народных представлений об иномире. Таким образом, рассказы о сновидении и его толкование создают особое пространство «перекрестка» двух миров, частой модификацией которого является сопряжение мира живых и мира мертвых (с. 20).

Общекультурным архетипом, выражающим такое сопряжение, является архетипическая оппозиция «свой – чужой». Тематическое разнообразие повествований о снах разделено Т.С. Садовой на следующие группы: 1) сны о встрече и общении с умершим, обычно – родственником, соседом, близким знакомым; 2) сны-видения о встрече с сакральным персонажем или об услышанном голосе такого персонажа; 3) сны, в которых на первом плане демонстрация будущего через пророческие знаки; 4) сны-открове-

ния, толкующие «суть» произошедших событий; 5) сны как способ гадания, например, как часть святочных ритуалов; 6) сны-обмирения, рассказывающие о посещении загробного мира.

В рассказах о снах используются многочисленные структурные и композиционные элементы, которые являются средством компенсации неизбежной содержательной странности и неясности сюжетов о снах, способом создания на их основе «убедительного» линейного повествования. Начало и конец нарративов о снах обычно маркируются специальными элементами. Так, в начале маркерами границы перехода из яви в сон служат указания: *во сне; я во сне это; казалось*. В конце – формулы со значением пробуждения или сбывшегося сна: *и проснулась; открыла глаза; после этого X умер*. Однако активно используются также языковые средства совмещения планов яви и сна и показатели свободного перехода от яви к сну. К таким средствам принадлежат уточняющие вставные конструкции, наречные и модальные слова, указательные местоимения (*буквально; как будто; вот тут*). Сохранение повествовательной интриги и эмоциональности нарратива реализуется сменой локуса действия и его характеристик, часто с наречием *вдруг*: *«Потом вдруг как-то и девочки не стало, а она сидит...»*. Встроенные в текст диалоги также создают сюжетную связь между сновидением и реальной ситуацией говорения и являются средством компенсации неизбежной содержательной неясности сюжетов о снах, способом создания на их основе линейного повествования. Достоверность рассказа о сне поддерживается указанием на факты, имена реальных людей, в том числе мертвых. Доказательством правдивости сновидения служат упоминания известных примет, а также свидетельств связи мира живых и мира мертвых. Однако при этом мир мертвых, как правило, маркируется прямыми номинациями, указаниями на странности локуса, эфемистическими наименованиями типа *тот свет; та жизнь*.

Во второй главе «Языковое выражение содержательных категорий сна-рассказа» исследуются способы выражения в рассказах о снах категорий пространства, времени звуков и цветов. Эти элементы являются основными пространственными параметрами сна-реальности.

Пространство представлено в сна-рассказах как свое или чужое. В «своем пространстве», внутри или вокруг дома, разворачи-

ваются следующие типичные сюжеты: приход покойника (обычно родного человека); знаковые события, происходящие в доме; наблюдение из дома сновидцем событий, происходящих вне дома. События вне дома (во дворе, в доме соседа, на своей улице, в своей деревне) описываются в снарассказах более детально, чем события и детали внутри дома. В текстах о «своем пространстве» проявляется ощущение защищенности человека, оно – оберег от опасности, но не гарантирует отграничения от загробного мира. «Чужое пространство», в роли которого наиболее часто выступают чужой дом, лес, возвышенности или ямы, обычно получает оценочное описание: оно предстает либо как опасный, либо, наоборот, прекрасный локус. Для рассказов о посещении «иного мира» характерен мотив движения, длительного прохождения («Я [...] иду, один зал прошла, второй, третий, иду [...]»). Этот мотив поддерживает линейность повествования и динамичность действия. Мир живых и «иной мир» могут быть описаны рассказчиками как симметричные, а могут иметь как бы точки пересечения, что свидетельствует о близости двух миров в мифопоэтической народной традиции. Их языковые наименования – *коридор, порог, дверь*.

Время в рассказах о снах играет менее важную роль, чем пространство. Лексические указания на членение времени и смену суток, такие как *вечер, утро, поздно – рано, вчера – сегодня*, выражены слабо. Временные параметры сюжета о сне выражаются глаголами быстрого действия, их повторами. Одновременные или однопорядковые действия могут не согласовываться по времени и виду, что создает впечатление «разбросанности» и неопределенности действия. Такой же прием характерен для эпических фольклорных произведений.

Звуки довольно часто упоминаются в рассказах о снах и их истолкованиях, однако они не связаны тесно с пророческой функцией. Звуки в снарассказах имеют разные источники. Чаще всего это голоса людей разной громкости, иногда характеризующие действие, или плач (*говорить, кричать; идет неслышно; иду да и реву*), однако используются также звуки природы, шум дома (*загрело вроде бы; я слушаю, что двери открылись*).

Цвет также присутствует в рассказах о снах, однако цветовой мир однообразен. Чаще всего встречается оппозиция белого и черного, в которой черное служит знаком загробного мира или

опасности. Из других цветов имеют символический смысл белый и красный. Прилагательное *белый* обычно обозначает цвет бороды или волос святого; в образе *белого человека* являются также умершие родственники; *белые дрова / бревна / доски* – знак предупреждения о смерти. *Красное* – знак предмета, принадлежащего к сонму святых. Другие случаи упоминания цветовых прилагательных единичны.

В третьей главе «Язык и логика народного сонника: лингвистика сногадания» анализируются способы фиксации гаданий о снах и толкований, включая структурный и содержательный аспекты. Всего было проанализировано 700 текстов примет о снах.

Т.С. Садова отмечает трудности выбора материала для исследований по теме, обусловленные отсутствием полного собрания народных сновидений. С одной стороны, в Интернете присутствует большое количество сонников различного происхождения, однако их надежность под вопросом: «Очевидно, что лишь небольшая часть изданного и издаваемого текстового материала этих сонников обнаруживает подлинно народную основу, имеющую глубокие культурные корни [...]» (с. 61). С другой стороны, многочисленные записи рассказов о снах и сновидческих примет в этнографических источниках XIX в. несут на себе отчетливый отпечаток литературной обработки. Тем не менее ряд собраний XIX – начала XX в. (например, записи, сделанные А. Баловым и М. Харламовым) квалифицируются как подлинные и заслуживающие доверия и используются как источники материала в монографии Т.С. Садовой. Особого внимания, по мнению автора, заслуживает собрание М. Харламова, опубликованное в 1904 г. в Тифлисе¹. Это собрание содержит снотолкования русских, живущих на Кавказе, однако оно отражает соединение верований многонационального населения Кавказа.

Значительную роль в фольклорных текстах, принадлежащих к прогностической и заговорной традиции, играет народная этимологизация, сближающая семантику разнокоренных, но сходно звучащих слов. Иногда в таких отношениях, в том числе наррати-

¹ Харламов М.А. Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1904. – Вып. 34. – С. 1–28.

вах о снах, оказываются лексемы, действительно связанные этимологически. В результате смысл, соответствующий знаку сновидения, соединяется с прогностическим значением: *вино во сне видеть – быть виноватым / обвиненным; плетень – попасть в какие-либо сплетни*. Звуковое сходство становится устойчивым и воспринимается как мистическая закономерность. В нарративах о снах оно играет текстообразующую роль, способствуя тому, что прогностическая часть снотолкования расширяется и обретает вариативность. В нее вовлекаются синонимы, объяснения связи феноменов, например: *печь – печаль / к беде / к несчастью; «Печь видеть – быть под надзором у сильного и властного человека»* (с. 7).

Исследуются также другие принципы связи между знаком сна и прогностическим понятием, имеющие концептуальную или языковую основу. Например, употребление антонимических слов и словосочетаний, создающее в сноприметах ощущение перевернутого мира: *ангел во сне – нехорошо, беса видеть – хорошо; огонь видеть – к морозу*. Символическое подобие базируется на мифологических и общефольклорных мотивах. Так, *полотно, ткань, белый платок* – знаки смерти, утраты близких: *«Стол накрывать скатертью – покойник в доме»* (с. 78). В этой корреляции между приметой и прогнозом прослеживается также метонимическая связь – *белая ткань* как часть погребального обряда становится символом смерти в доме.

В русских сонниках дурных предзнаменований значительно больше, чем добрых. Слова, выполняющие прогностическую функцию, составляют несколько узловых тем: смерть, болезнь, горе, бедность, стихия. Слова, обозначающие знаки сна, повторяются. Слова – знаки сна часто предстают в виде контаминаций, относящихся к прогнозу одной и той же беды: *красный петух – к пожару; утки – к пожару; красная / рыжая корова – к пожару; сено собирать – к пожару*. Нередко встречаются намеренно неопределенные, уклончивые предсказания: *неприятность, несчастье, хорошо, плохо*. Неопределенность создают также конструкции с разделительным союзом *или*: *свечи перед образом – корысть или радость; телята – родины или корысть*. Неопределенность создает возможность индивидуальной интерпретации сна.

В заключение автор отмечает, что нарративы о снах представляют собой особый семиотический мир, принадлежащий национальному фольклору. Этот мир вариативен, но практически он не изменяется во времени.

*Е.О. Опарина
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

УРОВНИ ЯЗЫКА

СИНТАКСИС

РУССКИЕ ОСТРОВА В СВЕТЕ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ /

под ред. Е.А. Лютиковой, А.А. Герасимовой. – Москва :

Буки Веди, 2021. – 412 с.

(Реферат)

Ключевые слова: синтаксис; русский язык; островные ограничения; метод моделирования.

Коллективная монография представляет первый шаг к всестороннему и полномасштабному изучению островных ограничений в русском языке. В работе ставится цель создать комплексное описание островных ограничений в русском языке и оценить внутриязыковое варьирование в этой области, сопоставить «островной профиль» русского языка с профилями более исследованных в этом отношении языков. Для теоретического моделирования островных ограничений и определения их природы используются экспериментальные методы, которые позволяют собрать данные о приемлемости передвижения при всех комбинациях параметров для различных профилей грамматики.

В главе 1 «Островные ограничения и экспериментальный синтаксис» отмечается, что в работе исследуются важнейшие структурные конфигурации русского языка, для которых предполагается варьирование на основании данных предшествующей литературы и корпуса. Возможные ограничения на передвижение в данной структурной конфигурации изучаются с двух основных позиций: с одной стороны, устанавливается принципиальная возможность передвижения путем сравнения с эталонными прозрачными для передвижения структурами (например, придаточное

изъяснительное с союзом *чтобы*), а с другой – при обнаружении ограничений на передвижение проверяются возможные признаковые и структурные асимметрии передвижения.

Также выделяются исследовательские проблемы, которые легли в основу исследования: 1. Островные свойства придаточных изъяснительных с союзом *что* (в сравнении с придаточными с *чтобы*) [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]; 2. Островные свойства придаточных изъяснительных с союзом *как* [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]; 3. Островные свойства косвенного вопроса с *ли* [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]; 4. Островные свойства косвенного вопроса с вопросительным местоимением (*кто, куда, где*) [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]; 5. Островные свойства сентенциальных подлежащих (в сравнении с сентенциальными дополнениями) [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]; 6. Извлечение левой ветви из подлежащего и дополнения [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]; 7. Эффект подчинительный союз + след в придаточных с *что* и *чтобы* [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]; 8. Асимметрии выдвижения: дискурсивно связанные и несвязанные группы [вопрос, косвенный вопрос]; 9. Асимметрии выдвижения: аргументы и адьюнкты [вопрос; изъяснительные с *чтобы* и *что*, косвенные вопросы с *ли* и вопросительными местоимениями]; 10. Асимметрии выдвижения: дополнение и разные виды подлежащих (неаккузативное, неэргативное, переходное) [вопрос, изъяснительные с *чтобы* и *что*, косвенные вопросы с *ли* и вопросительными местоимениями]; 11. Вопросы с множественными вопросительными словами: эффекты превосходства [с сочинением и без сочинения]; 12. Интрузивные местоимения в островных структурах [относительные конструкции, изъяснительные с *чтобы* и *что*, косвенные вопросы с *ли* и вопросительными местоимениями, обстоятельственные клаузы].

Далее отмечается, что экспериментальные исследования в области островных ограничений позволяют не только каталогизировать суждения представительного числа носителей русского языка, но и поставить нетривиальные вопросы, связанные со взаимодействием грамматики и внешних по отношению к ней когни-

тивных систем, выявить параметры внутриязыкового варьирования и соотнести их с полученными при межъязыковом сравнении, оценить применимость различных методик экспериментального синтаксиса к данной проблемной области. В частности, в исследовании ставятся задачи четырех типов. **Дескриптивные** задачи состоят в том, чтобы создать комплексное описание островных ограничений в русском языке и оценить внутриязыковое варьирование в этой области. **Типологические** связаны с сопоставлением «островного профиля» русского языка и индивидуальных грамматик носителей русского языка с профилями более исследованных в этом отношении языков (английского, итальянского). **Теоретические** состоят в том, чтобы изучить возможную природу разных видов островных структур и, в частности, выявить, являются ли ограничения на передвижение грамматическими запретами или следствием повышенной ресурсоемкости таких конструкторов при обработке. Наконец, **методологические** предполагают сопоставление разных видов экспериментальных дизайнов в исследованиях островных ограничений и поиски решения проблемы неоднородности данных.

В главе 2 «Островные конструкции в русском языке» представлен обзор существующих в русском языке островных конструкций. Сильные и слабые островные ограничения в русском языке рассматриваются в типологической перспективе, это позволяет утверждать, что набор синтаксических островов в русском языке во многом совпадает с инвентарем таких конструкций в других языках мира. В то же время отдельное внимание уделяется типологически нетривиальным явлениям, которые не находят аналогов в других языках. Данная глава наглядно знакомит читателя с русским материалом, который впоследствии привлекается в экспериментальных исследованиях.

В главе 3 «Проблематика и методики экспериментального синтаксиса» проводится обоснование использования экспериментального метода в лингвистике. Аргументируется позиция, согласно которой квантитативные методы исследования способны существенно дополнить прескриптивный подход к языку. Также рассматриваются важные методологические проблемы, которые исследователю приходится решать при выборе той или иной экс-

периментальной методики и интерпретации результатов ее применения.

В настоящей монографии исследование возможных ограничений на передвижение в островных конфигурациях проводится с трех основных позиций. Во-первых, для определенных конструкций устанавливается принципиальная возможность передвижения элементов. Во-вторых, исследуются возможные структурные и признаковые асимметрии передвижения. В-третьих, изучается наличие в русском языке механизмов, способных сгладить или, наоборот, усилить эффект неприемлемости, возникающий при нарушении островных ограничений. Этим обусловлен порядок изложения эмпирических проблем и теоретических сюжетов в монографии: от изучения островных свойств отдельных конфигураций к изучению асимметрий, и далее к изучению отдельных эффектов снижения/увеличения проницаемости острова.

В главе 4 «Островные свойства придаточных изъяснительных с союзом *что*» подробно рассматриваются представленные в литературе обобщения об этой структурной конфигурации и показывается, что они неполны и частично противоречат друг другу. Решение начать изложение с исследования придаточных изъяснительных с союзом *что* обусловлено несколькими причинами. Во-первых, это основной тип зависимой клаузы в полипредикативной конструкции, он характеризуется регулярностью, отсутствием семантических ограничений на дистрибуцию и высокой частотой встречаемости в корпусах и в спонтанной речи носителей языка. Во-вторых, такие финитные актантные клаузы с неспецифицированным подчинительным союзом обычно служат эталоном сравнения при изучении более сложных структурных конфигураций, таких как сложная именная группа или косвенный вопрос. Также отмечается, что аналоги придаточного изъяснительного с союзом *что* во многих других языках не являются островами, т.е. соответствующие подчинительные союзы – англ. *that*, франц. *que*, итал. *che*, нем. *dass* – не ограничивают передвижение.

В главе 5 «Островные свойства косвенного вопроса с *ли*» обсуждается несколько вопросов. Во-первых, экспериментальное исследование призвано определить, как тип составляющей, которая предшествует союзу *ли*, влияет на возможность выдвижения элементов из общего косвенного вопроса. Во-вторых, ставится за-

дача установить, является ли равно (не) возможным выдвигание элементов различными типами передвижения. Наконец, исследуется вопрос, влияет ли на возможность выноса тип выносимой составляющей. В частности, проводится сравнение выноса подлежащего и выноса прямого дополнения.

В главе 6 «Асимметрии выдвигания аргументов и адъюнктов» осуществляется переход к исследованию структурной асимметрии выдвигания из слабых островов. Структурные асимметрии связаны с синтаксической позицией извлекаемого элемента. В частности, на материале различных типов зависимых предложений рассматривается структурная асимметрия между аргументами и адъюнктами. Проводятся последовательные сопоставительные исследования асимметрии в придаточных предложениях с союзом *что* и придаточных предложениях с союзом *чтобы*, в косвенных вопросах с вопросительным местоимением и косвенных вопросах с частицей *ли*, в клаузе с подчинительным союзом *как*. Экспериментальные данные позволяют сделать вывод, что в русском языке существует асимметрия извлечения элементов, зависящая от типа комплементаризера зависимой клаузы и структуры косвенного вопроса, но не наблюдается асимметрия между передвижением аргументов и адъюнктов.

Рассмотрению другого вида структурной асимметрии посвящена глава 7 «Субъектно-объектная асимметрия выдвигания: структурный тип глагола и топикальность». В этой главе проводится исследование прозрачности субъектных именных групп в зависимости от структурного типа глагола и линейной позиции субъектной именной группы относительно предиката. Островные свойства подлежащего могут определяться той позицией, которую оно занимает в начале деривации: в частности, основополагающим становится противопоставление позиций внутреннего и внешнего аргументов глагола. Не менее важным фактором является коммуникативная структура предложения, отличающаяся для предглагольной и заглагольной позиции подлежащего. Помимо экспериментального исследования влияния названных факторов на допустимость передвижения из субъектной именной группы. Представлено пилотное исследование приемлемости структур с различным порядком слов. Благодаря этому шагу есть возможность исключить ошибку в определении источника неприемлемо-

сти и отделить ограничения на передвижение от фактора информационной структуры.

Главы 8–10 (глава 8 «Множественные вопросы в русском языке: дискурсивная связанность и эффекты превосходства», глава 9 «Множественные вопросы во вложенных клаузах», глава 10 «Влияние структурного приоритета на синтаксис русских множественных вопросов») посвящены исследованию признаков асимметрий выдвижения – асимметрий, которые связаны с признаковыми характеристиками составляющей, подвергающейся передвижению. В частности, в главах исследуется взаимодействие эффектов превосходства и дискурсивной связанности в русских множественных вопросах. Эффекты превосходства проявляются в ограничении на порядок *wh*-слов в вопросе. Позиция большинства исследователей состоит в том, что в русских матричных вопросах ограничения на порядок *wh*-слов скорее отсутствуют. Этот тезис экспериментально проверяется в главе 8. Проблема предыдущих исследований состоит в том, что существующие теоретические подходы опираются на различные эмпирические данные. Недостаток эмпирической базы не позволяет выбрать и сформулировать теоретически адекватное объяснение феномена. В результате экспериментального исследования доказывалось, что неверно говорить об отсутствии эффектов превосходства в русских множественных вопросах.

Явление дискурсивной связанности *wh*-слов во взаимосвязи с островными ограничениями обыкновенно рассматривается только для матричных вопросов. Глава 9 расширяет действие предположений о взаимосвязи дискурсивной связанности и эффектов превосходства до других конфигураций, а именно вложенных клауз. Целью главы является анализ полученных в ходе нового эксперимента данных о множественных косвенных вопросах и их сравнение с данными предыдущего эксперимента из главы 8, в котором исследовались матричные вопросы.

В главе 10 исследуется природа эффекта превосходства в русском языке. В экспериментальных исследованиях, представленных в главах 8–9, эффекты превосходства устанавливаются для *wh*-субъекта и *wh*-объекта. Несмотря на то что при противопоставлении субъекта и объекта можно наблюдать наличие или отсутствие эффекта превосходства, неизвестным остается источник это-

го эффекта: определяется ли порядок *wh*-составляющих асимметрий между подлежащим и другими синтаксическими ролями или определяющим фактором является структурный приоритет. Чтобы прояснить этот вопрос, в новом исследовании наличие эффектов превосходства устанавливается для *wh*-объекта матричного предиката и *wh*-объекта зависимого инфинитива. Такое решение позволяет рассмотреть эффекты превосходства в отрыве от субъектно-объектной асимметрии: в то время как две составляющие имеют одинаковую синтаксическую роль, определяющим фактором становится собственно структурный приоритет.

Главы 11 и 12 (глава 11 «Интрузивные местоимения в русском языке», глава 12 «Эффект комплементаризм-след в русском языке») посвящены механизмам, способным повлиять на эффект неприемлемости, возникающий как результат передвижения через границы острова. Так, повысить приемлемость предложений могут интрузивные местоимения, которые занимают место следа при передвижении составляющей. Исследованию интрузивных местоимений посвящена глава 11. Цель исследования состояла в том, чтобы установить, наблюдается ли подобный эффект увеличения приемлемости для русского языка. Результаты показывают, что возможность смягчения последствий передвижения за счет интрузивных местоимений является объектом межъязыкового варьирования.

Непосредственное отношение к проблематике островных ограничений имеет эффект «подчинительный союз+след», который рассматривается в главе 12. Суть эффекта состоит в том, что передвижение субъекта из вложенной клаузы в матричную в отличие от передвижения объекта допустимо только в том случае, если во вложенной клаузе отсутствует подчинительный союз. Существование эффекта объясняется через строгий грамматический запрет на передвижение из позиции линейно справа от союза или из нижней структурной позиции. Природа этого эффекта ставит его в один ряд с островными ограничениями: его исследование необходимо, чтобы установить полный набор параметров, определяющих ограничения на передвижения в русском языке.

В конце монографии располагаются справочные главы. В главе 13 «К проблеме обработки экспериментальных данных» приводится обзор статистических критериев, которые были ис-

пользованы при обработке экспериментов. Хотя работа проведена в рамках формального синтаксиса, монография адаптирована для тех читателей, кто не занимается формальным моделированием языковых явлений и больше привык к традиционным описаниям. Для этого в главе 14 «Ограничения на передвижение в формальном синтаксисе. Глоссарий» приводится глоссарий терминов и понятий из формального синтаксиса, который позволит лучше разобраться в теоретических подходах к островным ограничениям в русском языке.

*Е.А. Казак
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

СТИЛИСТИКА

Тарасова И.А.

**КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА:
ПРЕДМЕТ, ТЕРМИНОЛОГИЯ, МЕТОДЫ. –
Москва : ИНФРА-М, 2020. – 166 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: когнитивная поэтика; художественный образ; художественный концепт; концепт; универсалия.

Ирина Анатольевна Тарасова – доктор филологических наук, профессор, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, специалист в области когнитивной поэтики, стилистики художественной речи, поэтической лексикографии¹.

Книга посвящена проблемам междисциплинарного взаимодействия литературоведения и лингвистики в области когнитивной поэтики.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения и глоссария терминов когнитивной поэтики.

Под термином «когнитивная поэтика» И.А. Тарасова понимает филологическую дисциплину, «занимающуюся организацией мыслительных форм автора, читателя, исследователя – который, в определенном смысле, – идеальный читатель» (с. 146). В качестве базовой единицы исследования предлагается рассматривать индивидуально-авторский концепт с учетом его характеристик как единицы индивидуального, обыденного и художественного сознания,

¹ Автор работ: Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. – Москва : Флинта, 2012. – 196 с.; и др.

константы национального сознания. Принимаются во внимание универсальные, архетипические и символические черты концепта.

Во введении отмечается, что современные исследования, выполненные на стыке литературоведения, истории, социологии, философии и психологии, стимулируют развитие конвергентных дисциплин, к которым может быть причислена когнитивная поэтика. В качестве особенности когнитивной поэтики называется ее «междисциплинарность в квадрате» (с. 4), обусловленная связью поэтики с блоком когнитивных наук. В блок, формирующий «междисциплинарность в квадрате», входят исследования в области психологии, искусственного интеллекта, нейробиологии и собственно когнитивной лингвистики.

В главе первой «Когнитивная поэтика: к истокам парадигмы» отмечается близость данной пограничной дисциплины к психологии, из которой в когнитивную поэтику заимствуются такие термины, как «модель», «уровень памяти», «восприятие», «процедуры обработки информации» и т.п. В качестве основного метода когнитивной поэтики называется метод когнитивного моделирования – «моделируются когнитивные операции категоризации, метафоризации, концептуальной интеграции и др.» (с. 15). Подчеркивается, что в ряде случаев специфика художественного текста разъясняется при помощи данных когнитивных наук. В книге различаются когнитивная поэтика и когнитивная нарратология: «если когнитивная поэтика в узком смысле слова рассматривает когнитивные основания поэтической речи, то когнитивная нарратология занимается изучением когнитивных аспектов прозаического повествования» (с. 20). Отмечается также, что в качестве термина, дублирующего понятие «когнитивная поэтика», в научных трудах нередко используется термин «когнитивная стилистика» (с. 23).

Подчеркивается, что когнитивная поэтика ориентирована на изучение «организации ментальной составляющей художественного творчества» (с. 24). И.А. Тарасова указывает на научные перспективы когнитивной поэтики: ее данные могут быть востребованы «в моделировании авторской концептосферы, в когнитивном анализе текста, в описании когнитивных процессов, происходящих в читательском сознании» (с. 34). Базовой единицей исследования является «индивидуально-авторский (художественный) концепт» (с. 35). В качестве примера приводится концепт СНЕГ, представ-

ленный в поэзии русских эмигрантов начала XX в., в произведениях которых снег может выступать как *покров, постель, одежда, головной убор, ткань, водное пространство, драгоценность* и др. (с. 77).

В главе второй «Художественный концепт: между индивидуальным и культурным смыслом» предпринимается попытка преодоления «рассогласованности», существующей в литературоведческой и лингвистической терминологиях, путем уточнения понятийного аппарата через терминосистему когнитивной лингвистики. В книге перечислены различия в структуре художественного концепта и концепта обыденного сознания, которые следует искать: 1) в соотношении предметного и образного слова, например, СНЕГ как многозначный символ, включающий разные ассоциативные ряды – «начало, связанное со смертью; субстанция, дающая забытьё» и др. (с. 79); 2) в оценочном знаке концепта, например, в русской поэзии концепт СНЕГ имеет амбивалентный характер и может быть связан с «полярными ценностными категориями – жизнью (мечтой) и смертью» (с. 79); 3) в степени проработанности понятийного слоя, что выражается в употреблении концепта СНЕГ в качестве «перифрастического наименования снега – саван нежный», в употреблении «в границах микроконтекста с единицами семантического поля смерти – *умирать, мертвый, кровь, веревка, пуля*» (с. 83); 4) в наличии или отсутствии символического слоя концепта; 5) в степени оригинальности: обыденный концепт приобретает черты стереотипа, в то время как в художественном контексте на передний план у того же самого концепта выходят черты уникальности и т.д.

В книге предпринимается попытка определить, какое понятие – «образ» или «концепт» – наиболее релевантно для когнитивной поэтики. И.А. Тарасова приходит к заключению, что концепт инвариантен, так как он как конструкт допускает обобщение смыслов, связанных в художественном произведении с разными словесными оболочками, в то время как «образ – не просто уникален: он неотделим от своей внешней формы» (с. 51).

Рассматривая соотношение понятий концепта и универсалии, автор выделяет параметры, по которым возможно разграничить данные термины. В частности, констатируется, что универсалии характерны не для национальной, а для мировой литературы.

По мнению И.А. Тарасовой, «связь снега со смертью закреплена в национальном сознании» (с. 78). Для иллюстрации приводится пример номинации для наметенной ветром кучи снега «*су-гроб*; общеязыковое переносное значение слова саван – *покров снега*» (с. 78). Универсалии встречаются прежде всего в генетически не связанных и не влияющих друг на друга традициях», однако национальные концепты являются одновременно вариантами общечеловеческих универсалий, например, «встреча/сретенье» (с. 56). К базовой характеристике универсалий следует отнести высокую степень устойчивости и повторяемости. Из этого следует, что концепт не имеет подобных характеристик, так как базовым свойством концепта являются его национальная окраска и ориентированность на сферу национальной культуры.

С позиций когнитивной поэтики рассматривается также соотношение концепта и архетипа. Так, по мнению И.А. Тарасовой, идеальным репрезентантом архетипа является миф, в то время как «основными репрезентантами концепта являются мотив и словесный образ» (с. 62). Несмотря на наличие определенного сходства между архетипами и концептами, концепт может быть противопоставлен архетипу на основе следующих оппозиций: «1) осознаваемое / бессознательное; 2) рациональное / иррациональное; 3) историческое / архаическое; 4) подвижное / стабильное; 5) присвоенное, освоенное / врожденное, унаследованное; 6) национально специфическое / всеобщее, универсальное» (с. 63). Символ отличается от концепта по объему и содержанию понятий, их знаковой природе, направлению концептуализации. По мнению автора книги, «всякий символ культуры – культурный концепт, но обратное неверно» (с. 66): так, например, понятие совести является концептом, но не является символом. При этом концепт может приращивать смыслы в результате пересечения нескольких концептуальных структур – «результатов первичной категоризации конкретной и абстрактной сущностей», приобретая в дальнейшем так называемый символический слой (с. 71). Так, концепт СНЕГ применительно к российской культуре приобретает следующий символический слой – «атрибут вечности, знак России; символ ее трагической судьбы» и др. (с. 83) Как считает И.А. Тарасова, путь от образа к концепту осуществляется на трех уровнях: на уровне

авторского сознания, на уровне художественного сознания эпохи, на уровне исследовательского сознания.

В главе третьей «От образа к концепту (к методике концептуального анализа)» представленные выше теоретико-методологические положения иллюстрируются на материале различных художественных и поэтических произведений. Анализируются такие концепты, как СНЕГ, СИЯНИЕ, ПЕТЕРБУРГ, СЧАСТЬЕ, СУДЬБА. Проведя детальный анализ вышеперечисленных концептов, И.А. Тарасова приходит к выводу, что художественный концепт имеет послойную структуру, его следует рассматривать «как культурный концепт и как концепт-код литературного направления (школы)» (с. 143).

Заключение содержит приложение в виде глоссария, включающего ключевые понятия, релевантные для когнитивной поэтики, например, блендинг, гештальт, домен, концепт, скрипт и другие.

И.А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Григорьева Н.Е.

ДИАЛЕКТНЫЙ ЭТНОНИМИКОН ПСКОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ. –

Псков : Псковский государственный университет, 2021. –
196 с.
(Реферат)

Ключевые слова: диалектология; псковские говоры; этнонимика; ономастика.

Монография посвящена этнонимам в системе псковской народной речи, которая в силу пограничного существования отражает взаимодействие с другими родственными и неродственными языками.

На основе осмысления понятий *этноним*, *микроэтноним*, *региональный этноним* выявляются универсальные и локально значимые этнонимические оппозиции. Разработанная методика анализа диалектных этнонимов позволяет установить специфику этнонимикона и ее аксиологическую составляющую в традиционном взгляде на мир жителей Псковщины.

Монография состоит из введения, двух глав (глава 1 «Этноним как культурно-исторический и лингвистический феномен», глава 2 «Этноним как единица диалектной лексико-семантической системы») и заключения.

Во введении отмечается, что этнонимия псковских говоров многослойна. При этом каждый из слоев отражает свою страницу истории, которая определяет значимость в жизни представителей различных сообществ, объясняет особенности развития этносов и сложившихся между ними отношений, позволяет выявить этническую картину мира, этническое самосознание. Названия народов в

коллективном сознании носителя языка позволяют актуализировать систему оценочных представлений, типичных и уникальных признаков и явлений, которые характеризуют становление, существование и развитие этнокультурных сообществ.

Этнонимы, являясь многочисленным и частотным лексическим объединением, отражают различные представления о «своем» и «чужом», проявляют черты этноцентрического восприятия окружающей действительности.

Псковские говоры в их настоящем и прошлом позволяют выявить универсальные и локально значимые этнонимические оппозиции; установить парадигматические (лексико-семантические и семантико-деривационные) и синтагматические связи слов этнонимов, а также выявить сходства и различия в системной организации псковского этнонимикона, устанавливая системные, в первую очередь семантико-деривационные отношения, между отдельными этнонимами в современных псковских говорах. В таких отношениях находятся базовые лексемы и их производные, что позволяет рассматривать этнонимическую лексику как полевую структуру.

В главе 1 «Этноним как культурно-исторический и лингвистический феномен», рассмотрев основные вопросы содержания понятия *этноним*, автор делает главный вывод об актуальном междисциплинарном характере этнонимии как области пересечения научных интересов социально-гуманитарных направлений. Вместе с тем, несмотря на давнее использование термина *этноним* широким кругом специалистов, работающих в разных сферах гуманитарной деятельности (этнографии, этнологии, истории, языкознания и др.), он до сих пор не имеет четкой, удовлетворяющей всех исследователей дефиниции.

Этнолингвистическое направление, идеи которого используются в настоящем исследовании, создает широкие возможности для комплексного изучения объекта – этнонимов в диалектной лексико-семантической системе. Оно позволяет выявить и связать воедино двойственную природу *этнонима*, которая состоит как в собственно лингвистическом существовании этнономинаций, так и в энциклопедической фоновой информации об этносе, что определяет особую смысловую нагрузку этнонимикона, его лингвокультурную и этнографическую значимость.

В содержании понятия *этноним* автор выделяет относительно устойчивое семантическое ядро, которое осмысливается как комплекс представлений о народе, его историческом прошлом, особенностях вероисповедания, образа жизни, внешнего облика, языка, культуры питания, территориального положения, а на периферии находятся этнические стереотипы, проявляющиеся в самоидентификации этноса, достраивающие исходное значение слов-этнонимов, придавая им положительные или отрицательные коннотации.

Далее отмечается, что полученный вывод свидетельствует о том, что при изучении специфики семантики слов-этнонимов и приращении смыслов при их употреблении в контексте, диалектном в том числе, их основная функция – обозначение различных видов этнических общностей, поэтому соотносительность *этнонима* с одним из лексико-грамматических разрядов, которые в большинстве случаев проявляются в морфологических признаках имен в целом, тяготеет к отнесению *этнонимов* к именам нарицательным.

Вследствие изучения теории вопроса выявлено, что слова-этнонимы передают сведения о некой общности людей, признаками цельности ее являются: единство языка, культуры, религии, территории, социальной обустроенности, биологической сопоставимости. При вычленении этносов среди других общностей людей главенствующим признаком является наличие самоназвания, поэтому в современных исследованиях по этнологии и этнографии представлена классификация этнонимов, которая отличается обозначением терминов, но не содержанием самих понятий (эндоэтнонимы/экзоэтнонимы; макроэтнонимы/микроэтнонимы; автоэтнонимы/аллоэтнонимы и др.).

В основу классификации *этнонимов* и *микроэтнонимов* современных псковских говоров положены лексико-семантические и формантные признаки. Классификация *микроэтнонимов* представляет состав тематических групп, где доминирующим выступает культурно маркированный признак.

Микроэтнонимы относятся к этнографической лексике диалекта, которая описывает названия предметов и понятий, связанных с традиционной материальной и духовной культурой этноса. Описание таких лексем имеет свою специфику, так как требует синкретичного подхода к исследуемому материалу. Внутри этно-

графической лексики *этнонимы* занимают переходное положение, потому что они могут быть связаны как со сферой материальной, так и со сферой духовной культуры этноса. Выделяя, помимо прочего *региональные этнонимы*, автор рассматривает их как явление собственно лингвистическое, связанное с особенностями проявления обоих планов – плана выражения (специфика звучания) и содержания (особенности семантики).

Постулаты этнолингвистического подхода при описании слов-этнонимов помогают осмыслить проблему специфики псковской диалектной лексики в целом, этнонимической в частности, позволяет расширить сведения о своеобразии жизненного уклада этносов, проживающих на территории Псковской области.

В главе 2 «Этноним как единица диалектной лексико-семантической системы» отмечается, что этническая неоднородность населения Псковщины позволяет установить различные историко-культурные процессы, происходившие на данной территории в прошлом, также прямые и непрямые контакты этносов, которые соседствуют друг с другом, ведут общую хозяйственную деятельность, состоят в родственных отношениях.

Современные псковские говоры хранят в себе культурно значимый материал об этнических общностях, проживающих не только на Псковской земле, но и на определенных территориях, что отражает тесные историко-культурные связи славянских, финно-угорских и балтийских народов. Исторические события XX столетия усилили признак полиэтничности в регионе, внося в лексико-семантическую систему псковских говоров новые единицы и связи. Как правило, отношения между этническими общностями построены на проявлении этнических стереотипов, выраженных в оппозиции «свой»/«чужие», «мы»/«они».

Выявленные в псковских народных говорах этнонимы представляют собой сложно структурированную систему множества лексических единиц, объединенных общим семантическим компонентом и связанных комплексом системных отношений, ее организация описана в работе как этнонимическое поле.

Модели этнонимического поля, ядерно-периферийная организация этнонимических единиц обусловлены строгой иерархией, включающей в себя неравнозначные компоненты: ядро, околоядерное пространство (в отдельных случаях субъядерная зона) и

периферия. Как показал лексический материал псковских говоров, выделяемые субъядра являются неоднородными по статусу и не всегда заполняемы, одновременно могут образовывать свою подсистему при взаимодействии лексических единиц.

Проведенный анализ позволил автору обнаружить специфический, характерный для данного региона класс системно связанных этноминаций, а также активное участие слов-этнонимов в формировании устойчивых сочетаний, фразеологических единиц языка.

Парадигматический уровень этнонимических единиц псковской диалектной речи характеризуется отношениями полисемии, коррелирующей с ней омонимией, развитыми деривационными связями. Стержневые типы семантико-деривационных отношений прослеживаются в ядерной части этнонимикона, а зона периферии насыщена этнонимными дериватами, представленными лексическими единицами, имеющими аналогичную этнонимическую основу, но номинирующими предметы и явления окружающей действительности, не содержащие обобщенного значения, характеризующего представителя определенного этноса.

Синтагматический уровень употребления этноминаций раскрывает последовательность отношений между словами-этнонимами и иными номинациями при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке диалектной речи, которые помогают воссоздать представления о традиционном быте и культуре псковского традиционного общества в определенный исторический период.

Доминирующими словами-этнонимами в структуре псковского этнонимикона выступают лексемы: *русские*; *латыши*; *эстонцы*; *чудь*; *чухна*; *литва*; *немцы*. В ходе исследования были обнаружены черты сходства и даже полного совпадения при функционировании этнонимических единиц. К общим элементам относится реализация оппозиций: единичность и собирательность, гендерный признак, возрастная соотношенность; кроме того, этноминации могут служить основой для наименования ареала, занимаемого самим этносом или субэтносом. Анализ использования словообразовательно активных формантов при реализации этнонимических моделей демонстрирует наличие общих тенденций образования слов-этнонимов.

Результаты рассмотрения структурно репрезентированных этнонимов в диалектной лексико-семантической системе псковских говоров позволяют сделать вывод о наличии пространственного аспекта в устройстве этнонимического поля, который регулирует и устанавливает пространственные параметры этнических стереотипов «мы»/«свой» и «они»/«чужие». Такие этностереотипы находят свое выражение во множестве филиаций, отражающих приращение смыслов к исходному этнонимическому значению, выраженному в слове-этнониме.

Лакуарность, проявившаяся в отдельных семантических зонах псковского этнонимикона, свидетельствует о ресурсных возможностях полевой структуры этнонимикона в целом, которая позволяет ввести материал других говоров в виде инодиалектных, но системно связанных этнонимических единиц либо отметить значения, передающие информацию о вторичных признаках и характеристиках этноса.

Этнолингвистический анализ этнонимов выявил динамические процессы в этнонимиконе, в частности, явление деэтнонимизации, проявляющееся в развитии семантики, направленной от этнического признака к коннотативному, сопровождающемуся негативной речевой характеристикой (элементами невнятности, неразборчивости, непонятности), который охватывает целый ряд лексико-грамматических групп единиц субстантивной и глагольной семантики.

Исследование показало, что в псковском диалектном дискурсе этнонимы и этнонимическая лексика занимают важное место. Установленная этномаркированная производность слов-этнонимов фиксирует не только эмоционально-оценочное отношение к «своим» и «чужим», но и помогает воссоздать фрагмент языковой картины мира жителей Псковской земли.

В заключение, говоря о перспективах дальнейших исследований в русле заявленной проблематики, автор считает актуальным лексикографическую разработку выявленных лексико-семантических связей этнонимической лексики в региональном этнолингвистическом словаре. Этнографические номинации, в том числе и микроэтнонимы, позволяют раскрыть специфику коллективных сообществ, проживающих на Псковской земле и соседствующих с ней территорий, в силу ее приграничного положения.

Лексикографический метод описания позволит системно представить собственно языковые особенности этнономинаций: акцентологические и фонетические варианты, привести словообразовательные и номинативные параллели, дать энциклопедическое толкование, представить цитатный материал, воспроизвести этимологию.

Таким образом, определенную этнолингвистическую ценность имеет дальнейшая разработка регионального этнолингвистического словаря, которая воплотит идею исторической и этнокультурной значимости народной речи, отражающей сферы традиционной духовной и материальной культуры жителей псковского пограничья.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Королева И.А.

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ОНОМАСТИКА
СМОЛЕНСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ. –
Смоленск : Принт-Экспресс, 2021. – 190 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: ономастика; топонимия; антропонимическая система; диалекты; язык и культура; прозвища.

В монографии И.А. Королевой представлено исследование топонимической и антропонимической систем приграничной зоны Смоленской, Витебской и Могилевской областей с особым вниманием к историческим и социокультурным условиям их развития.

Работа состоит из предисловия и трех частей.

В предисловии подчеркивается, что смоленско-белорусское приграничье является особым географическим регионом, в котором на протяжении многих веков тесно контактировали русский и белорусский языки и культуры.

В первой части «Актуальные проблемы изучения смоленско-белорусского приграничья» указывается, что объективные исследования Смоленского края и прилегающих областей возможны только с учетом исторического развития этого региона и его географического положения. Смоленский край расположен в верховьях трех больших рек: Днепра, Двины и Волги, где частично проходил торговый путь «из варяг в греки». Это способствовало экономическим контактам Смоленского княжества с другими землями. В период Средневековья смоленские земли находились в составе Киевской Руси (IX–XII вв.), затем Великого Княжества Литовского (XIII– начало XVI в.); XVI в. (с 1514 г.) – период вхождения Смоленского края в состав Московского государства. В XVII в. эта территория вошла в состав Речи Посполитой вместе с Украиной и Беларусью, однако в 1686 г. снова была присоедине-

на к Московскому царству. С этого периода Смоленщина включала разные территории. Сегодня она состоит из 25 районов, соседствуя с Витебской и Могилевской областями Беларуси.

«Смоленский диалект традиционно причисляют к южновеликорусским говорам, но его неоднородность, обилие заимствованных слов и дериватов от них позволяют считать этот диалект совершенно особым среди других южновеликорусских говоров, что и объясняется во многом вышеобозначенными историческими факторами» (с. 14). Так, после вхождения Смоленского края в состав Речи Посполитой развивается двуязычие, и в смоленском диалекте появляется множество заимствований из польского языка. Устанавливаются тесные экономические, политические и культурные связи смолян с белорусами, украинцами и поляками.

В настоящее время смоленские говоры при общем тяготении к литературному русскому языку неоднородны по своему словарному составу и грамматическим особенностям. На общем фоне выделяется приграничная с Беларусью зона, в которой исторически совмещаются культуры двух народов. В этом процессе большую роль играют близкородственные языки русских и белорусов, наблюдается схожесть поверий, легенд и обрядов.

Сегодня в белорусско-русском приграничье со стороны Беларуси в повседневной коммуникации жителей по-прежнему более распространен русский язык, при том что в целом в стране белорусский язык является показателем принадлежности к национальной интеллигенции, часто это также показатель принадлежности к политической оппозиции (с. 42). Со стороны России русские говоры приграничья несут на себе сильное влияние белорусского языка. В социокультурном плане территории приграничья представляют собой пространство, где действуют и тенденции глобализации, и процессы сохранения национальной и культурной идентичности.

Для антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания имена собственные (ИС) особо интересны тем, что несут в себе не только лингвистические сведения. Их, подобно другим языковым единицам, содержащим культурную информацию (например, фразеологизмам), можно рассматривать как свернутый лингвокультурный текст, раскодирование его дает доступ к сведениям исторического, географического, этнографического, культурологического характера.

Во второй части работы «Топонимическая составляющая в изучении смоленско-белорусского приграничья» анализируется топонимическая система региона и особенности некоторых ее территорий.

Признаки топонимических систем, которые являются общими для белорусской и русской зон приграничья, И.А. Королева демонстрирует на примере типов образования групп топонимов. Например, в белорусской топонимии активна словообразовательная модель, соответствующая существительному во множественном числе: *Дрозды, Заборы* и т.д. Эта же модель продуктивна и в Смоленской зоне приграничья: *Дрозды, Селезни, Волки* и т.д. Активен на рассматриваемой территории также способ образования топонимов с помощью формантов: *-ичи, -ичы, -овичи*. Например: *Авдеевичи, Андроновичи, Казиневичи*; в Смоленщине встречаются: *Антоновичи, Бабиничи, Лукинич*. Вместе с тем на территории северо-востока Витебской области Беларуси увеличилось количество топонимов с типичными для русской топонимии формантами: *Артемово, Бураково, Костеево*.

На материале Рославльского района Смоленской области исследуется роль в топонимии кодов культуры, понимаемых, согласно определению Н.И. Толстого, как вторичная знаковая система, использующая формальные и материальные средства для кодирования содержания, воплощающего мировоззрение данного социума и в целом картину мира (с. 78). В топонимии Рославльского района, одного из главных районов Смоленской области, И.А. Королева выделяет следующие коды культуры: 1) антропоморфный, 2) ландшафтный, 3) пространственный, 4) временной, 5) топоморфный, 6) растительный, 7) атрибутивный, 8) духовный. В основе данных кодов лежит определенный способ описания человеком окружающей действительности. Так, антропоморфный код, который доминирует в ойконимии, реализуется в топонимах, образованных от имен, фамилий и прозвищ. Отмечается, что весь массив антропоморфных топонимов Рославльского района делится на две группы – единиц, образованных от крестильных имен, и единиц, образованных от некрестильных имен и прозвищ. В основах таких топонимов могут быть как официальные полные имена (*Александровка, Павловка*), так и их разговорные формы (*Афанасовка, Доротовка* – от *Афанас, Дорот*, а не *Афанасий, Дорофей*).

Всего два топонима образованы от женских имен (*Марьевка, Любовка*). Частотны топонимы, образованные по модели притяжательных прилагательных (*Васьково, Новое Степаньково*). Обе описанные модели, как отмечает автор монографии, являются активными на всей территории России. Однако на территории района есть топонимы, характерные для белорусского языка, как, например единицы с формантом *-ичи* и топонимы в форме множественного числа крестильных имен (*Екимовичи, Большие Кириллы*).

В ряду топонимов, образованных с участием других культурных кодов, отмечаются ойконимы, якобы принадлежащие к зоонимам, но в действительности имеющие в основе прозвища метафорического характера: *Азобичи* – от прозвищного имени *Азаба*, образованного от названия рыбы *азаба*. Частотным в наименованиях ойконимов района также являются: ландшафтный код, который дает жителям ориентиры на местности; пространственный и временной коды (*Заречье, Прилесье*; административный центр *Крапивенский-1*, основанный раньше, чем деревня *Крапивенский-2*). Присутствует также топomorphicный код, отображающий представление человека о важности связей между локусами в окружающем пространстве (*Колпино* – поселение на реке *Колпино*; *Троицкий* – по религиозному объекту). Духовный код культуры, отражающий, согласно определению В.В. Красных, базовые ценности культуры и связанные с ними эталоны (с. 88), реализуется как самостоятельно (деревня *Гарнево*, т.е. «красивая», «хорошая»), так и в сочетании с другими кодами. Например, в ландшафтном коде наиболее продуктивными являются географические термины, обозначающие локусы, наделяемые в культуре славян положительной оценкой (*поле, гора, нива*).

Во второй части работы также приводится анализ неофициальных топонимов г. Могилева. Такие топонимы обычно недолговечны, однако, если они все же часто используются в речи в какой-либо период времени, они являются языковыми реалиями. Свои неофициальные наименования имеют не только районы города, улицы и шоссе, но и отдельные здания, двory, транспортные остановки, памятники, учебные заведения. Эти наименования ориентируются на внешний вид объекта, на фонетическую форму официального названия, некоторые представляют собой аббревиации,

отражая закон экономии языковых ресурсов. Некоторые из неофициальных онимов возникли в молодежном сленге, но стали употребляться всеми жителями города. Так, Могилевский государственный колледж искусств имеет неофициальное название *кулек*; Белорусско-Российский университет (при открытии он назывался Институтом машиностроения) старшее поколение называет *машинка*, а молодежь – *БРУ*.

В третьей части «Антропонимическая система приграничья и ее особенности» исследуются система фамилий и прозвища Смоленщины – одного из российских районов белорусско-русского приграничья. Своеобразие фамильной системы Смоленщины определяется именно ее приграничным положением и сложной историей. В районе существуют фамилии с диалектными основами, общими для белорусского, украинского и русского языков. Это относится, в частности, к фамилиям, образованным от названий профессий, многие из них имеют польское и немецкое происхождение. Например: *Гутник, Гутников* от *гутник* «мастер на стекольном заводе», ср. польск. *hita* «плавильный завод»; *Котляр, Котляров, Котлярчук, Котлярчуков* от *котляр* «котельщик» (в укр.), ср. польск. *Kotlarz*. В целом, как отмечает И.А. Королева, исследование фамилий с диалектными основами требует анализа большого массива материала. Необходимо изучение происхождения и семантики апеллятива, сравнение материала разных языков (прежде всего – белорусского, русского и украинского), выяснение прозвищ, предшествовавших фамилиям, а также изучение вариантов прозвищ и фамилий.

В отдельном параграфе приводится разбор фамилий с диалектной основой, бытующих на Смоленщине, и их список.

И.А. Королева рассматривает также этимологию фамилий Смоленщины. К белорусским по происхождению относятся фамилии, образованные от белорусских форм крестильных имен, например *Гапонов, Гапонович* от *Гапон* (рус. *Агафон*); *Ходасевич* от *Ходась* (рус. *Фаддей*). Есть также фамилии, связанные с польским языком, единичные фамилии с основами литовского происхождения, как, например *Гудонисов* (лит. «белорус»).

Исследование структурных особенностей смоленских фамилий показывает, что частотность фамилий, оформленных теми или иными суффиксами, различна в белорусско-русском приграничье,

с одной стороны, и в других регионах России – с другой. Так, количество фамилий со «стандартными» для русских фамилий суффиксами, такими, как *-ов / -ев*, в приграничье ниже, но процент фамилий с суффиксами *-ск / -цк*, наоборот, выше. Более распространенными в приграничье являются также фамилии на *-ович / -евич*, которые появились под влиянием белорусской и украинской структурных моделей.

Прозвища принадлежат к неформальной сфере общения, которая включает в себя много групп именованных, таких, как имена, отражающие отношения людей в семье, родовые наименования, наименования братьев и сестер и др. Изучение прозвищ в антропоцентрической парадигме лингвистики актуально потому, что они индивидуализируют и характеризуют личность, сообщают ценные сведения о социуме, в котором они употребляются. Современные прозвища могут быть индивидуальными и групповыми, в первом случае их языковым выражением служат названия предметов, как бы имеющих сходство с носителем прозвища (*Антенна, Фитиль* – прозвище высокого человека). Групповые прозвища также могут быть образными и характеризующими (*Буквари* – о студентах педучилища). Семейные прозвища часто даются по фамилии (основной или «дополнительной») с какими-либо добавлениями (*Дмитрий Саратовский* – о приехавшем из Саратова родственнике или соседе; *Петровы Пьяницы*).

Современные прозвища неоднородны по социальным источникам, в которых они возникают, и по кругу функционирования. Семейные прозвища бытуют в узком кругу и наделены «малой социальной коннотацией» (с. 155), например *Кота* – о девочке, очень любившей свою кошку. Прозвища в общественной коммуникации более социально дифференцированы и регламентированы: их употребление зависит от степени близости коммуникантов, от их образованности и владения этикетом. Прозвища в узкопрофессиональной среде и сельской местности более распространены, чем в большом коллективе и городской среде.

В бытовой разговорной речи, где обычно возникают прозвища, реализуется эстетический тип восприятия действительности, поэтому прозвища можно рассматривать как область народного творчества. Многие прозвища, бытующие в современных смоленских говорах, являются общими для русского и белорусского язы-

ков, а также для русских диалектов. Например: *Журбиха* – о женщине, которая любит пожаловаться на жизнь, поплакаться. Существительное и глагол *жури́ться* «печалиться, горевать» известны белорусскому и украинскому языкам; *Кошты* – «обжоры», глагол *коштоваться* «хорошо питаться» пришел из немецкого языка через польский, известен южным и западным говорам, а также вологодскому диалекту.

В монографии содержится обзор истории изучения белорусской диалектной ономастики, в том числе в смоленских говорах, в университетах Беларуси (в части 2), а также обзор работ по прозвищам смоленского этнографа, фольклориста и лингвиста В.Н. Добровольского (в части 3).

Е.О. Опарина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Ровнова О.Г.

**СТАРООБРЯДЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ:
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА. –
Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. – 608 с. –
(Studia philologica)
(Реферат)**

Ключевые слова: диалектология; русские говоры за рубежом; переселенческие говоры; материнские говоры; словари диалектные; старообрядцы.

Монография состоит из введения и четырех разделов (раздел I «Язык старообрядцев Южной Америки», раздел II «“Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева” как явление литературы и языка», раздел III «Одиссея продолжается», раздел IV «Материалы к “Словарю говора старообрядцев Южной Америки”»).

В монографии представлены некоторые результаты изучения истории, культуры и русского диалектного языка старообрядцев-часовенных, проживающих в Аргентине, Боливии, Бразилии, Уругвае. Полевые исследования были начаты в 2006 г. Центральное место занимают очерки, посвященные разным аспектам русского диалектного языка старообрядцев. В работу также включен фрагмент будущего «Словаря говора старообрядцев Южной Америки».

Автор указывает на тот факт, что русский язык существует за пределами России не только в литературной, но и в диалектной разновидности. Носителями и хранителями русского диалектного языка в разных станах мира являются старообрядцы – приверженцы древнейшей ветви русского православия, предки которых отказались принимать церковную реформу 1653–1656 гг., проводимую патриархом Никоном. Результатом реформы, поддерживаемой царской властью, стал трагический раскол русской церкви на две

параллельно существующие традиции – старообрядческую и новообрядческую.

Российское государство жестоко преследовало сторонников древлеправославия, и с конца 1660-х гг. они, опасаясь гонений и стремясь сохранить привычный церковный и бытовой уклад, бежали из центральных районов в глухие места окраинной России, а также за ее пределы. Миграционная история старообрядцев, выходцев из разных регионов России и, следовательно, носителей разных диалектов или говоров, привела к образованию старообрядческой диаспоры в разных странах. В настоящее время благодаря ей русские диалекты существуют в Эстонии, Литве, Латвии, Польше, Беларуси, Казахстане, Узбекистане, на Украине, в Молдове, Румынии, Болгарии, Аргентине, Бразилии, Боливии, Уругвае, Австралии, США, Канаде и некоторых других странах; до возвращения в 1962 г. в Россию, в Ставропольский край, казаков-«некрасовцев» русская речь звучала в Турции.

В современной диалектологии говоры старообрядцев зарубежья называют «переселенческими», «островными», «вторичными», в отличие от «материнских», «материковых», «первичных» говоров Центральной России, или «метрополии». Эти говоры представляют большой интерес для диалектологии и истории языка, поскольку в силу конфессиональной замкнутости и традиционализма культуры старообрядцы лучше, чем другие группы населения, сохраняют свои исконные диалекты.

Далее в монографии отмечается, что ученые исследуют говоры старообрядцев в разных направлениях. Диалектологи обнаруживают в старообрядческих говорах зарубежья явления, которые в говорах метрополии утрачены, или встречаются в остаточном виде, или совсем неизвестны, и дают им объяснение. В частности, было установлено, что в языке старообрядцев-«турчан», переехавших в 1963 г. из Турции в штат Орегон США, отсутствует различие свистящих и шипящих согласных. Из-за этого, например, слова *крыса* и *крыша*, *пасла* и *пошла* произносятся «турчанами» одинаково. В их говоре на месте твердых [с]-[ш], [з]-[ж], [ц] и мягких [с'], [з'], [ч] употребляются особые звуки, близкие к свистящим. По мнению исследователей, такое произношение восходит к древнейшим русским диалектным явлениям. В говоре старообрядцев-«харбинцев» (Южная Америка) обнаружена группа дискурсивных

слов (*жеть, дажеть, тожеть, ужеть, чтобыть*), образование которых связано с древнерусскими энклитиками *же* и *ти*.

Диалектологи делают полные описания старообрядческих говоров зарубежья. Лингвогеографический анализ материала с использованием карт Диалектологического атласа русского языка с учетом миграционной истории конфессиональной группы позволяет установить языковую прародину старообрядцев – территорию их материнских говоров. Например, методом лингвистической географии доказано, что для двух крупнейших старообрядческих сел Молдовы – Кунича и Покровка – материнскими являются говоры разных территорий Центральной России. Для с. Кунича это говоры Юго-Западной диалектной зоны, а именно говоры Белгородской области в верхнем течении р. Северский Донец и калужские говоры для с. Покровка – западные среднерусские, а именно южные псковские говоры. Использование данных лингвогеографии позволило уточнить материнские говоры и для старообрядческих поселений в Прибалтике, которые недифференцированно определялись в работах исследователей как «акающие псковские» или «новгородско-псковские» говоры. Обнаружена связь старообрядческих говоров Литвы с говорами юго-восточной части Псковской области и прилежащих к ней территорий Тверской области, а говоров Эстонии – говорами центральной Псковщины. Сопоставление первичных и вторичных говоров, с одной стороны, показывает их диалектное родство, с другой – убеждает в том, что переселенческие говоры старообрядцев значительно превосходят материнские говоры метрополии по степени сохранения диалектной основы.

Старообрядческие говоры изучаются в разных направлениях: лексикографическом, социолингвистическом и этнографическом. Лексикографическое направление связано с созданием диалектных словарей старообрядческих говоров зарубежья. Социолингвистическое направление предполагает исследование языковой ситуации в старообрядческих общинах в связи с меняющимися геополитическими, социальными, экономическими и цивилизационными условиями жизни. Изучаются языковые контакты старообрядцев, влияние литературного русского языка и контактирующих языков на их говоры, степень этого влияния в зависимости от поколения, типы билингвизма, условия и виды перехода с одного языкового

кода на другой. Этнолингвистическое направление заключается в изучении традиционной материальной и духовной культуры старообрядцев и ее отражения в их русском языке. Например, установлено проникновение элементов болгарской народной культуры в родинные, свадебные и погребальные обряды старообрядцев Болгарии и в соответствующую обрядовую лексику, проникновение элементов румынской культуры и языка, календарные и свадебные обряды старообрядцев-«липован» Румынии.

Говоры старообрядцев Южной Америки – синьцзянцев и харбинцев – занимают особое место среди русских говоров за пределами России. В отличие от говоров старообрядцев многих других стран их диалектный язык не испытывал воздействия нормированного литературного русского языка, которое приводит к исчезновению или трансформации диалектных особенностей, а значит, говоры развивались по внутренним законам, свойственным диалектным идиомам. Формирование и современное состояние диалектного языка старообрядцев связано с историей их многочисленных миграций и неизбежно возникающими междиалектными и межъязыковыми контактами. Говоры южноамериканских старообрядцев сохраняют архаичные черты на всех языковых уровнях и в то же время обогащаются лексическими инновациями. Они используются в повседневном общении всеми поколениями, включая самое младшее.

Старообрядцы Южной Америки относятся к беспоповскому часовенному согласию, проживают в Аргентине, Боливии, Бразилии и Уругвае. Их предки являются выходцами из Керженца – одного из ранних старообрядческих центров. Поселения «кержаков» находились в глухих лесах по реке Керженец – левому притоку Волги (Нижегородская губерния). В связи с разгромом правительственными войсками керженского центра в 1710–1729 гг. началось движение этой группы старообрядцев на восток России: на Урал, в Сибирь, Казахский Алтай, на Дальний Восток, – а затем за ее пределы: в Китай и Южную Америку.

Старообрядцы южноамериканских стран связаны тесными родственными и конфессиональными связями друг с другом, а также со старообрядцами Северной Америки (штаты Орегон, Миннесота, Аляска в США; Канада) и Австралии.

В Западное полушарие они «перекочевали» во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов из Китая и называют себя в со-

ответствии с местами «исхода» из Китая «синьцзянцами» и «харбинцами».

Автор отмечает, что дать точный ответ на вопрос о численности старообрядческой диаспоры в Южной Америке весьма затруднительно из-за отсутствия официальной и неофициальной статистики и постоянной миграции старообрядцев. Предположительно здесь в разных странах проживают около четырех тысяч человек, включая детей. В Боливии и Бразилии старообрядческая диаспора является наиболее многочисленной и насчитывает свыше тысячи человек в каждой стране. Синьцзянцев в Южной Америке значительно меньше, чем харбинцев.

В коммуникативном поведении старообрядцы-часовенные и в России, и в Южной Америке являются весьма закрытым сообществом. Правила повседневной жизни предписывают им как можно меньше контактировать (*сообщаться*) с миром чужих. В их коммуникативном поведении сохраняются древние черты: обращение на *ты* независимо от возраста и социального положения человека, обращение без отчества у харбинцев, именование детей до свадьбы *малым именем* с суффиксом *-к-* (*Софонька, Никитка, Вивейка, Евлампейка*). Используется особый речевой этикет: приветствия: *Здорово живешь!* и *Здорово живете!*, формула: *спаси Христос* для выражения благодарности, благопожелание: *Оставайся (оставайтесь) с Богом!* при расставании: *«Здорово живете! – это по-христиански»;* *«Мы “спасибо” не говорим, мы “спаси Христос” говорим. По-русски, по-нашему, по-христиански».*

В результате проведенного исследования в работе делается вывод, что диалектный язык в старообрядческих общинах Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая не только сохраняется во всех поколения, но и развивается. В нем появляются новые слова – созданные по русским словообразовательным моделям и заимствованные из контактирующих языков, развивается лексическая многозначность и синонимия, представлено разнообразное варьирование языковых единиц. А значит, он обладает свойствами, присущими живой диалектной системе.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

СЕМИОТИКА

Голубева Ю.В., Трубаева Е.И., Перелыгина Т.А.

ПРЯМАЯ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА-ФРЕЙМА «КИНЕСИКА» АНГЛИЙСКИМИ ГЛАГОЛАМИ И ГЛАГОЛЬНЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ //

Гуманитарные и социальные науки. Филология –

ResearchGate [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL:

<https://www.researchgate.net/publication/358592110>

(дата обращения : 12.09.2022).

(Реферат)

Ключевые слова: метафорические концепты; кинесика и кинемы; фразовые глаголы; английский язык.

В работе исследуется строение концепта «кинесика» в современном английском языке. Исследование проводится в русле когнитивного направления в лингвистике, в рамках которого понятие «концепт» является основной оперативной единицей. Концепт – ментальная единица, имеющая языковое воплощение в слове или устойчивом словосочетании и связанная с организацией, обработкой, хранением и применением в языке и речи имеющегося знания.

Кинесика, или совокупность кинем, – это система значимых пантомимических и мимических жестов в ситуации вербального общения коммуникантов. Кинемы – жесты, используемые в коммуникации намеренно для передачи собеседнику определенной информации. В статье анализируются языковые номинации кинем, которые выражаются глаголами и глагольными сочетаниями. Кинемы подобно другим концептам образуют фреймы – структуры знаний, обязательные компоненты которого отражают пропозициональное устройство высказывания.

Авторы статьи рассматривают каждую кинему как отдельный фрейм, структура которого моделируется на основании данных концептуального и контекстуального анализа, словарных дефиниций, анализируемых лексем, а также данных из области паралингвистики. Авторы полагают, что для коммуникации с использованием жестов и мимики облигаторными являются следующие компоненты: 1) форма кинемы; 2) семиотическое значение; 3) объект (человек, воспринимающий передаваемую жестами или мимикой информацию). К факультативным компонентам фрейма «кинема» относятся следующие компоненты: стимул (причина, вызвавшая тот или иной жест); адаптор (материальный объект, привлекаемый при исполнении жеста, как в выражении *touch the wood*); предмет указания (для указательных кинем).

Фреймы кинем составляют основу семантики обозначающих их лексических единиц и словосочетаний. В английском языке примерами лексем, обозначающих кинемы, являются глаголы *to gesticulate* – «сделать жест», *to wave* – «помахать», *to frown* – «нахмуриться»; примерами глагольных словосочетаний *to take off one's hat* – «снять шляпу», *to cross fingers / to keep one's fingers crossed* – «скрестить пальцы» (имеется в виду надежда на лучшее).

Авторы подробно рассматривают главные облигаторные компоненты – форму кинем и их семиотическое значение. Ключевая роль этих компонентов обусловлена тем, что они соотносятся с основными сторонами кинемы как двусторонней материально-идеальной единицы. Форма кинемы – это соответствующее телодвижение; семиотическое значение – абстрактная идея, которая намеренно передается через этот жест в коммуникации. Наличие семиотического (символического) значения отличает кинему от «самодостаточного» движения тела или мимического движения, а контекст, как правило, позволяет разграничить два явления. Например: “*Raise your head and shoulders. Hug in both knees to your chest*” – «Поднимите голову и плечи. Прижмите оба колена к груди» (здесь и далее перевод мой. – Е. О.). В данном фрагменте текста глагольное сочетание относится к самодостаточным движениям, не имеющим семиотической нагрузки. Тот же глагол в следующем предложении обозначает кинему, т.е. намеренное движение: “*I wish I had a girlfriend who'd hug and kiss me when I was going to catch a train*” – «Мне хотелось бы, чтобы моя девушка обняла и поцеловала меня,

когда я собрался садиться в поезд». Важная грань в исследовании и словарной репрезентации кинем – их многозначность, обусловленная наличием в семантике нескольких символических сем. Так, глагол *nod* – «кивать» выражает не только согласие и приветствие, но и указательный жест, который обычно не отмечается в словарях: “*He nodded towards the couple who were cooking his food for him*” – «Он кивком показал на пару, которая готовила для него еду».

Важный для лингвистической разработки тематики вопрос – отграничение кинем от возникающих на их основе фразеологизмов, которые не могут считаться наименованиями кинем, так как они не обозначают физические движения. Например, глагол *bow* – «кланяться» в роли наименования кинемы относится к жесту, выражающему приветствие, учтивость или подчинение: “*Now the bride and groom will bow to the guests*” – «Сейчас невеста и жених поклонятся гостям». В фразеологизмах, возникающих на основе метафорического переосмысления глаголов, буквальный план переходит во внутреннюю форму, при этом реального движения глагол не обозначает: “*We can never bow the neck to these cruel invaders*” – «Мы никогда не склоним головы (букв. «не склоним шеи») перед этими жестокими завоевателями». Подобных примеров много: *to stand shoulder to shoulder* – «стоять плечом к плечу»; *to have one’s back to / against the wall* – «быть припертым к стенке»; *to touch the wood / knock on the wood* – «постучать по дереву, чтобы не сглазить»: “*Our sales are improving, knock on wood!*” – «Наши продажи идут вверх, постучи по дереву!».

Методика фреймовой семантики позволяет как бы восстановить ситуацию, в которой использовалась та или иная кинема, представить ее в развернутом состоянии, включая ее участников и их отношения. В ряде случаев фразеологизмы – бывшие кинемы – отсылают к историческим реалиям и требуют фоновых знаний. К таким фразеологизмам относится, например, *to throw down the gauntlet* и *to pick up / take up the gauntlet* – «бросить перчатку» и «поднять перчатку», внутренняя форма которых восходит к традиции Средневековья – ритуалу вызова соперника на рыцарский поединок.

Е.О. Опарина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК: 81

DOI: 10.31249/ling/2023.01.04

Яковлева Э.Б.

БИЛИНГВИЗМ: РАЗНОУРОВНЕВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ. (Обзор)¹

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. Обозреваемые работы посвящены исследованию феномена интерференции как закономерного сопровождения билингвизма и полилингвизма. Девиации, появляющиеся в результате интерференции, существуют на разных уровнях языка и требуют кропотливой работы по их преодолению.

Ключевые слова: глобализация; миграционные процессы; билингвизм; полилингвизм; девиации; уровни языка; преподавание языка в условиях искусственного билингвизма.

В эпоху глобализации в новых геополитических условиях билингвизм и полилингвизм становятся весьма актуальными феноменами при изучении всех сторон межкультурной коммуникации. Интенсивные миграционные процессы обуславливают развитие данных явлений как их обязательных сопроводительных атрибутов.

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/napravleniia-nauchnykh-issledovaniy/temyir/lingvokulturnye-aspekty-tsvivilizatsionnykh-protivorechii/>

Билингвизм понимается как владение двумя лингвокультурными кодами, а полилингвизм – несколькими кодами, усвоенными как в естественной, так и в искусственной среде.

Закономерным сопровождением билингвизма и полилингвизма является интерференция, т.е. контактное влияние лингвокультурных кодов друг на друга. А закономерным следствием интерференции считаются девиантные явления в речи иностранцев, овладевающих новым инокультурным кодом, т.е. многочисленные нарушения в неродной речи, проявляющиеся на разных уровнях языка, обусловленные интерференцией родного языка или другого ранее усвоенного иностранного. Вопросам билингвизма и интерференции посвящено большое количество работ (Г.М. Вишневская, Э.Б. Яковлева, А.А. Абызов, Г.В. Дружинина, О.А. Егорова, Н.Г. Лаврентьева, М.В. Лисник, И.Ю. Павловская, О.А. Переващенко, Е.К. Черничкина, В.Е. Абрамов, И.Е. Абрамова, Н.А. Котлярова, Н.Г. Валеева и многие др.).

Девиации имеют место на разных уровнях языка. Отклонения прослеживаются во всех звеньях системы, начиная от артикуляторного и просодического уровня и кончая графикой.

Рассмотрению интерференции на разных уровнях языка посвящены исследования Н.Н. Рогозной [Рогозная, 2001], Н.Г. Коршуновой, Е.Н. Луговцевой [Коршунова, Луговцева, 2017] и др. В работе Н.Н. Рогозной [Рогозная, 2001] предпринята попытка систематизировать и описать частотные нарушения нормы в русской речи иностранцев, носителей типологически разных языков (японцев, турок, монголов, французов, немцев), на разных ярусах языка и дать адекватное объяснение причин нарушений качества порождаемой речи. Н.Г. Коршунова, Е.Н. Луговцева [Коршунова, Луговцева, 2017] анализируют отклонения от нормы у русских учащихся, изучающих немецкий язык, на орфографическом, грамматическом (морфологическом, синтаксическом, пунктуационном) и лексическом уровнях языка.

Из всех уровневых проявлений интерференции наиболее сильной является фонетическая. Артикуляторные и просодические девиации надолго запечатлеваются в эстетической памяти иностранца, воспринимающего свою родную речь, порождаемую инокультурным представителем.

Изучение звуковой стороны иностранного языка предполагает учет двух психолингвистических факторов: специфики функционирования фонетической системы изучаемого и родного языков и пагубной интерференции родного языка.

Фонетические девиации, возникающие при усвоении неродного языка, трудноизживаемы даже при кропотливой обоюдной работе как преподавателя, так и учащегося в условиях искусственного билингвизма. В естественных условиях усвоения языка акцент также может сохраняться в течение всей жизни.

Кажущиеся на первый взгляд одинаковыми звуки в двух языках имеют разные качественные характеристики. Это становится очевидным при изучении другого языка, когда фонетические системы изучаемого и родного языков накладываются друг на друга. В потоке речи данный процесс перекрещивания создает картину типичного иностранного акцента.

Сопоставительный анализ фонетических систем это прежде всего фонологический анализ, который помогает увидеть и сравнить закономерности их функционирования и понять причины несоответствия.

Особенность сопоставительного анализа в целях обучения иноязычному произношению составляет необходимость дополнения его данных анализом фонетических ошибок учащихся. В результате такого анализа четко вырисовывается «лингвистическая модель акцента» [Рогозная, 2001, с. 73] в дискурсивной практике иностранца.

Просодическая система любого языка состоит из описания слога, слова, фразы. Просодическая организация тесно пересекается и с сегментной организацией гласных, и с местом ударения, и с тоновыми характеристиками. Ударение и ритмико-интонационные модели представляют более высокий уровень функционирования языка, трудность усвоения которого хорошо известна иностранцам.

Н.Н. Рогозная в своем исследовании просодических нарушений в речи иностранцев, изучающих русский язык [Рогозная, 2001], делит их на два вида: нарушения в ритмике и нарушения в интонации.

Типичными ритмическими ошибками являются:

1. Отклонения от нормы произношения сегментных единиц, которые могут привести к неправильному воспроизведению просодических единиц, что влечет за собой нарушение ритмической организации фразы:

а) синкопа

например, гост/инц/а – гостиница;

б) явление диэремы: *аду/тор/и/и – аудитория;*

в) стяжение гласных:

/за/леть – заалеть, /па/бедасть – пообедать.

2. Нарушения, кроющиеся в изохронности безударных, т.е. стремление к равномерности, одинаковой длительности слова, к выравниванию слогов без акцентирования приводят к характерной монотонности воспроизведения слова.

3. Ошибки в недостаточном контрасте по длительности между ударными и безударными слогами.

4. Перераспределение слоговых длительностей ритмических тактов или нарушение временной структуры ритмотактов (растянутость нередуцированных безударных слогов):

а) чрезмерное затягивание ударных слогов;

б) слабая количественная редукция безударных слогов или ее отсутствие.

5. Отсутствие качественной редукции.

6. Нарушение акцентно-слоговой структуры ритмотактов (ударение).

7. Контраст по интенсивности между ударными и безударными слогами.

Типы ошибок, связанные с интонационными нарушениями

Данные ошибки исследователь классифицирует как ошибки синтагматического ряда, т.е. их распределение в линейном соотношении. Некоторые из них являются причиной для возникновения затем ошибок парадигматического ряда.

Ошибки парадигматического ряда ведут к нарушению коммуникативного типа высказывания, их учет в практике преподавания так же важен, как и синтагматического ряда [Рогозная, 2001, с. 278–279].

1. Ритмические нарушения могут формировать тоновые отклонения, проявляющиеся в искажении ритма.

2. Некоторые нарушения норм временной и последовательной организации фонемного уровня могут проявляться и как отклонение ритмической организации фразы.

3. Замедление темпа речи, проявляющееся в затрудненности, неестественности звучания фразы.

4. Сверхвыделенность ударных слогов.

5. Тенденция к выравниванию слоговой длительности во фразе, унификация качественных характеристик, т.е. приведение к единой системе, форме, единообразию.

Вопросам билингвизма и фонетической интерференции посвящено немало количество работ.

Фонетическому аспекту англо-французского языкового контакта на территории Канады посвящено исследование А.А. Абызова [Современный билингвизм, 2008].

В Канаде в ситуации билингвизма создались уникальные условия для взаимовлияния вариантов двух национальных языков с целым рядом заимствований на различных уровнях языковой системы. Исследование замеченных тенденций более чем трехвекового сосуществования французского и английского языков в Канаде проясняет специфику самого процесса становления особенностей как канадского английского (КА) под воздействием французского языка, так и канадского французского (КФ) под влиянием английского языка.

Указывается, что влияние КА на КФ в наибольшей степени сказалось на фонетическом уровне, поскольку именно здесь прежде всего происходят изменения. Отмечается *назализация* французских звуков, *недостаточность напряженности*, даже неотчетливый характер их звучания, *тяготение смычных к фрикативным*, превращение их в щелевые вплоть до элизии чаще в интервокальной позиции, особенно в быстрой речи. Меньшая напряженность артикуляции особенно сказывается на произношении переднеязычных *t* и *d*, которым свойственна палатализация. В Канаде эти звуки превратились в аффрикаты *ts* и *dz*. Иногда английским словам придается французская форма и произношение.

Встречаются также случаи явной гибридизации, когда в результате заимствования получается лексическая единица смешан-

ного характера, не имеющая аналога ни в английском, ни во французском языках, например: *adidou* (how do you do); *aneouie* (anyway).

Автор отмечает, что английский язык Канады оказывает определенное влияние на французский на фонетическом уровне, приобретающее со временем системный характер.

В работе О.А. Егоровой [Современный билингвизм, 2008] описываются особенности языковой ситуации в Австралии. Здесь существует несколько диалектов, которые традиционно связывают с наличием трех типов произношения. Cultivated AusE, или «акролект» – культивированное произношение, наиболее характерное для телерадиовещания; Broad AusE, или «базилект» – просторечное произношение, австралийский акцент; General AusE, или «мезолект» – общий австралийский, средний между просторечным произношением и нормативным; не имеет резко выраженных черт.

General AusE и Broad AusE возникли в результате массовых миграций, перемещений и демографических влияний, где интерференция играла ведущую роль. Cultivated AusE развивался в результате распространения образования, в основном в городах.

Исследование Н.Г. Лаврентьевой [Современный билингвизм, 2008] посвящено особенностям русско-английской интерференции применительно к акцентно-ритмической организации английской речи. Отмечается целый ряд ненормативных фонетических реализаций английских высказываний в речи русских билингвов, причиной которых являются различия в характере речевого ритма в английском и русском языках. Русский акцент появляется вследствие интерференции в двух разных акцентно-ритмических языковых системах.

Работы Э.Б. Яковлевой, М.В. Лисник, Л.А. Овсянниковой, И.Ю. Павловской, Е.К. Тимофеевой и др. [Современный билингвизм, 2008] посвящены описанию явлений интерференции, артикуляторных и просодических девиаций, вызванных ею при работе с русскими учащимися, изучающими немецкий, английский, французский и китайский языки.

Явления интерференции затрагивают и грамматический уровень языка. Как отмечает Н.Н. Рогозная, системы сличения родного языка происходят на уровне автоматизма, а у изучающего иностранный язык она долгое время остается несовершенной и реализуется не автоматически, а путем постоянного соотнесения

высказывания с грамматической нормой изучаемого языка. Выбор нормы часто определяется психолингвистическими факторами, которые дают «сбой» при формировании автоматизированных навыков. Грамматическая нормативность речи нарушается и становится объектом «ущербного» воспроизведения высказывания. Естественно, недостаток знания изучаемого языка начинает компенсироваться либо из грамматической системы родного языка (или ранее изученного иностранного), что приводит к межъязыковой интерференции, либо из ранее изученных грамматических форм, что приводит к внутриязыковой интерференции, но результатом все равно будет ошибка, нарушающая нормативность. Грамматическая нормативность речи обеспечивается тогда, когда система эталонов упрочена в постоянной памяти [Рогозная, 2001, с. 151].

В процессе реализации речевых действий сбой речевого механизма могут проявляться на всех уровнях языковой системы, а поскольку существуют связь и взаимодействие между компонентами языковых уровней, то можно предположить, что между ошибками, допускаемыми на разных уровнях языковой системы, есть некая связь, закономерность. Например, грамматические ошибки и ошибки лексические часто настолько тесно связаны между собой, так плавно переходят одна в другую, что становится возможным говорить о лексико-грамматических нарушениях в целом [там же, с. 152].

С лингвистической точки зрения грамматические ошибки – это языковые нарушения в грамматических формах слов, проявляющиеся в отклонении от нормы и узуса изучаемого языка.

С психолингвистической точки зрения под термином «грамматическая ошибка» понимается ошибка в действиях и операциях с грамматическим материалом в речевых процессах и умственной деятельности.

Причина лингвистических ошибок – межъязыковая и внутриязыковая интерференции.

Н.Н. Рогозная [Рогозная, 2001, с. 157–159] выделяет следующие распространенные типы грамматических отклонений в речи иностранцев, изучающих русский язык.

1. Аналогию – при выражении категории числа (*В одной деревне жил мать и сын. Я пожал ему руки и ушел*).

2. Заимствование форм отрицания из родного языка – лексики и способов грамматического построения (*На доске написаны ни слова, ни вопросы*).

3. Калькирование – при переводе некоторых грамматических форм (*Я усердно занимаюсь хоккеем. Она упражняется изо всех сил*).

4. Упрощение – отсутствие согласования (*Он съел всю рыба*).

4.1. Инфинитизацию (*Он чувствовать себя хорошо. Она любить гольф*).

4.2. Рассогласованность в роде (*В одном/одна деревне жил мать и сын*).

4.3. Нарушение видовых отношений (*Мы осмотрели музей очень долго*).

4.4. Супплетивные нарушения (Мне 22 лет. Ей 18 год).

4.5. Замену сложных форм простыми (*Я чувствуюсь хорошо. Завтра ты работаете*).

4.6. Смещение форм будущего времени (*Я буду поступить. Я буду стать врачом*).

4.7. Замену безличной конструкции личной (*Мальчик был веселый, и он пел. – Мальчику было весело / и он пел.*)

5. Сверхгенерализацию:

5.1. При отсутствии учета отклонений и исключений (ненормативность) (*Я иду из работы (по аналогии: из магазина)*).

5.2. Склонение несклоняемых существительных (*Он был с пальтом*).

5.3. Предложно-падежное несоответствие (*Он был врач – врачом*).

5.4. Регулярность – смешение мягкой и твердой основ прилагательных и, как следствие, – выравнивание окончаний прилагательных (*По просторному, красивому синому небу летит самолет*).

Синтаксические ошибки в русской речи иностранцев – это чаще всего неправильные связи между словами (словосочетаниями, синтагмами), которые проявляются как во флексии, так и в использовании средств связи между словами. Частотными являются два типа нарушений:

1. Ошибки в построении словосочетаний.

2. Ошибки в построении предложений.

Внутри типов наблюдаются как межъязыковая интерференция, так и внутриязыковая, приводящие к различным нарушениям: отсутствию главных членов предложения, временным несоответствиям, неправильному выбору соединительных элементов: нарушению словопорядка и др.

Лексические ошибки оказывают на семантику информации существенное влияние, часто затрудняют коммуникацию и приводят к деструкции дискурса.

Н.Н. Рогозная [Рогозная, 2001, с. 200–203] выделяет следующие виды отклонений вследствие межъязыковой интерференции на лексическом уровне:

1. Лексико-семантические ошибки, искажающие значение слова, возникающие как результат установления однослойных соответствий между фактами родного и изучаемого языков, которые в свою очередь приводят к неразличению:

а) синонимов (например, двум русским синонимам «свет» и «освещение» соответствует одно монгольское слово – *гэрэл*);

б) паронимов («знак» и «значок» соответствуют одному эквиваленту – *тэмтэт* (монг.);

в) глаголов, дифференцирующихся по способу передвижения (например: словам «прийти» – «приехать» соответствует одно слово – *ирэх* (монг.).

2. Явление межъязыковой полисемии связано с несовпадением семантического объема лексических единиц языков. Необоснованное расширение объема лексического значения русского слова проявляется в расширении сферы его употребления, например: *Русский поэт Пушкин обозначал (называл) Ломоносова первым русским университетом.*

3. Нарушение правил лексической сочетаемости слова:

а) калькирование (*На экзамене студенты докладывают знания*);

б) субстантивационные ошибки – отсутствие одних лексико-стилистических единиц в родном языке и замена их другими в изучаемом. Например, в монгольском языке отсутствует категория относительных прилагательных, их заменяют существительные в родительном падеже – *багийн этгуут* – журнал учителя, учительский журнал.

Типичной ошибкой является отсутствие дифференциации словосочетаний типа: *класный руководитель – руководитель класса*.

Смешанный тип ошибок (внутриязыковые и межъязыковые):

1. Переосмысление:

1.1. При опоре на изолированное значение сложного слова без учета иных морфологических составляющих, например: *В 1941 году кончилась всемирная жизнь*.

1.2. Игнорирование возвратной частицы -ся в глаголах, например: *Я кончилась читать текст*.

1.3. Префиксальные нарушения: *Во время сессии Александр заполнял контрольную работу (выполнял)*.

1.4. Префиксальные нарушения в глаголах движения вызваны отсутствием приставок с использованием разнокорневых лексем (например, в монгольском языке *входить – орох, выходит – гарах*).

2. Семантические ошибки, искажающие морфологическую структуру слова:

2.1. Ложная неологизация – ошибки, возникающие при конструировании новых слов, выражающих те понятия, которые уже есть в языке: *Цюлковский познакомился с Королевым, который был будущим претворителем его идеи*.

2.2. Нарушение словообразовательной модели (ложная этимология): *кранист – крановщик, индустриализм – индустриализация*. Ошибка объясняется иным способом образования слов в родном языке.

3. Лингвокультурологические нарушения:

Рабочие колхоза – колхозники,

Каштанка – женщина с каштановыми волосами (по типу «блондинка»).

Внутриязыковые (прагматические):

1. Синонимические несоответствия – *Его самое видное качество – трус и нетерпеливый человек – «видный» и «главный»* восприняты как синонимы.

2. Изменение границ внутри семантических полей в результате объединения двух или нескольких лексических значений – *В 9 лет он стал чистым отличником*.

3. В неразличении противоположных экспрессивных оценок – *Андрей был самым выдающимся двоечником в классе.*

4. В непонимании характера экспрессии лексической единицы, что приводит к необоснованному употреблению эмоционально-оценочного слова вместо нейтрального и наоборот: *Пионерский вождь нашего отряда пользовался большим уважением.*

5. В незнании эмоционально-оценочной лексики, что ведет к лексическим ошибкам: *Мой дедушка был революционером. Он хорошо боролся во время войны.*

Графическая интерференция представляет несомненный интерес при описании интерферентных явлений. Как указывает Н.Н. Рогозная, графико-моторная база представляет совокупность графическо-двигательных тенденций, определяющих характер моторных операций, выполненных при записи какого-либо текста при помощи определенной графической системы.

Непосредственным источником графической интерференции являются проблемы, связанные с написанием букв, соответствующих звуков изучаемого языка – условно выделяет звукопроизносительные проблемы и буквопроизносительные. Это означает, что при обучении произношению необходимо учитывать не только речевую интерференцию, но и интерференцию графических систем двух языков [Виноградов, 1972]. Разделяя эту точку зрения, Н.Н. Рогозная указывает, что графическая интерференция оказывается существенным тормозом не только при идентичных системах письма и алфавита. Эта проблема, как правило, чаще всего возникает на первом этапе обучения иностранному языку. На продвинутом этапе обучения в практике преподавания возникают буквопроизносительные проблемы другого рода, тесно связанные со звукопроизносительными проблемами, например, влияние турецкой, японской, корейской графики на русское произношение изучающих русский язык [Рогозная, 2001].

В случае совпадения алфавитов двух языков буквопроизносительные и буквописательные проблемы могут вызываться либо различным в языках звуковым содержанием одного и того же графического знака, либо непоследовательностью звукообозначения, свойственной графическому знаку второго языка.

Таким образом, в условиях двуязычия интерференция – закономерное явление контактирования языков. Следы интерферен-

ции родного языка глубоко проникают в «ткань» усваиваемого иностранного и существуют на всех языковых уровнях.

Список литературы

- Абрамов В.Е.* Моно-и билингвальные механизмы восприятия звучащей речи : автореф. дисс. докт. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 38 с.
- Абрамова И.Е.* Фонетическая вариативность в условиях искусственного билингвизма : автореф. дисс. докт. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2013. – 47 с.
- Валеева Н.Г.* Билингвизм и интерференция при опосредованной коммуникации // Вестник РУДН. – Москва, 2008. – Вып. 5 : Вопросы образования : языки и специальность. – С. 17–23.
- Виноградов В.А.* Лингвистические аспекты обучения языку. – Москва : МГУ, 1972. – 57 с.
- Корицунова Н.Г., Луговцева Е.Н.* Интерференция и ее влияние на иноязычную коммуникативную компетенцию // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2017. – № 13. – С. 74–79.
- Котлярова Н.А.* К вопросу о разграничении понятий «кодовое переключение» и «интерференция» в лингвистике // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : материалы III международной научно-практической конференции 25–26 марта 2013 года. – Волгоград, 2013. – С. 19–21.
- Рогозная Н.Н.* Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 332 с.
- Современный билингвизм: теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. – Иваново : ИГУ, 2008. – 148 с.
- Черничкина Е.К.* Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики : автореф. дисс... докт. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 29 с.

ЯЗЫК ПАНДЕМИИ

УДК: 81

DOI: 10.31249/ling/2023.01.05

Бушев А.Б.¹

ЯЗЫК И ПАНДЕМИЯ. (Обзор)

Тверской государственный университет

Аннотация. В обзор вошли статьи первого тома «Человек и его язык: гуманитарная ретроспектива» монографии «Пандемия-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков» (Т. 1 : монография / Козловцева Н.А. [и др.] ; под ред. И.И. Климовой, М.Э. Козловцевой, Н.А. Козловцевой. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – 372 с.). Монография была издана научно-педагогическим сообществом как реакция на пандемию COVID-19 и ее последствия. В статьях лингвисты, филологи, преподаватели иностранных языков раскрывают потенциал языковых форм в новых границах употребления. Внимание исследователей сосредоточено на новом пространстве коммуникации, новых формах дискурса периода пандемии и трансформации языка как зеркала культуры общества.

В анализируемых статьях рассматриваются лексические, дискурсивные, коммуникативные изменения, связанные с коронавирусной пандемией.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; дискурс; коронавирусная инфекция; лингвистические изменения; трансформация языка; термин; аббревиатура; неологизм; метафо-

¹ © Бушев Александр Борисович, 2023

ра; коммуникативные изменения; глобализация; цифровизация; социолект; социальные сети.

А.П. Миньяр-Белоручева, П.И. Сергиенко в исследовании «Лингвистические изменения в мире новой реальности» [Миньяр-Белоручева, Сергиенко, 2022, с. 25–31] отмечают, что пандемия коронавирусной инфекции очертила переходный период от информационного мира к цифровому обществу. При этом обращают внимание на то, что на предыдущем этапе развития человечества переход от индустриального общества к информационному миру был практически безболезненным. Настоящее время, как и каждый переходный период, знаменуется формированием нового языка посредством введения неологизмов или изменения содержания уже существующих в языке лексических единиц. COVID-19 можно рассматривать как переход к новой реальности – «новой нормальности» (*new normal*) [Schwab, Malleret, 2020], во время которого зарождаются новые смыслы и отношение к миру в целом.

Стремление к краткости и емкости, по мнению А.П. Миньяр-Белоручевой и П.И. Сергиенко, отражает современную реальность, в которой все еще есть надежда вернуться к прежней жизни, несмотря на трудно предсказуемые события, происходящие во всем мире. Язык чутко реагирует на все изменения, происходящие в жизнедеятельности человека. В англоязычном глобальном политическом дискурсе COVID-19 метафорически воспринимается как невидимый враг – *'hidden enemy'*, *'invisible enemy'*, *'deadly enemy'*, *'invisible mugger'* – грабитель, которого, согласно общественному мнению, несмотря на его смертельную опасность, можно сокрушить. Победу над коронавирусом большинство связывают с надеждой, воплощенной в лексической единице *'vaccination'*, ставшей словом 2021 г., сжатым до аббревиатуры *'vax'*. Данная аббревиатура, новая в корпусе английского языка и отмеченная как наиболее яркий термин, к сентябрю 2021 г. была употреблена в 72 раза чаще, чем в 2020 г.

Как следует из исследования А.П. Миньяр-Белоручевой и П.И. Сергиенко, лексический состав дискурса COVID-19 представлен терминами, аббревиатурами, акронимами из дискурсов разных областей знания. Это свидетельствует о разрушении существующих терминологических границ и создании новых концептуальных полей. Беспрецедентный вызов, брошенный человечеству,

был настолько неожиданным и угрожающим, что для осмысления и вербализации происходящего потребовалось чрезвычайно мало времени. Акроним *COVID-19* был образован от словосочетания ‘COronaVirus, Disease 2019’ в первые месяцы 2020 года. В ноябре 2021 г. новый более контагиозный штамм получил название пятнадцатой буквы греческого алфавита – ‘*Omicron*’ и свое воплощение в английском языке: *Omicron infections, Omicron cases, Omicron surge, Omicron symptoms, fast Omicron spread*.

Впервые в новом тысячелетии человечество столкнулось с проблемой, которая продемонстрировала хрупкость глобального мира, когда в результате распространения коронавирусной инфекции, связанной с опасностью массовой гибели людей, практически все страны мира объявили о режиме самоизоляции (*lockdown*) как одной из наиболее действенных мер в борьбе с коронавирусной инфекцией. Лексическая единица ‘*lockdown*’, существующая в английском языке с конца XIX в., создана посредством слияния глагола *lock* и наречия *down* в значении разных механических действий. В 1975 г. данное слово стало означать добровольное нахождение в изолированном замкнутом пространстве для сохранения собственной жизни. В 2020 г. слово ‘*lockdown*’ приобрело новое значение, перейдя в разряд социально-политических терминов. Термин ‘*lockdown*’ в значении «пребывание дома» или «укрытие на месте» часто используется для обозначения изоляции. Данная лексическая единица получила широкое распространение во время объявленной пандемии, уточнив время и причину изоляции словосочетанием ‘*COVID-19 lockdowns*’. Мечта о прекращении пандемии и выходе из сложившейся ситуации выражена акронимами ‘*Loxit*’, сочетающим усеченные слова ‘*lo*’ (от ‘*lockdown*’) и ‘*xit*’ (от ‘*exit*’), а также ‘*Covexit*’ от аббревиатуры ‘*covid*’ и полнозначного слова ‘*exit*’, созданными по аналогии с *Brexit*, *Grexit*, *Frexit*, *Megxit*, в котором проявляется креативная неологизация английского языка.

Авторы исследования подчеркивают, что количество аббревиатур увеличивается в геометрической прогрессии во времена кризиса или чрезвычайной ситуации, когда в короткие сроки в сжатом виде требуется передача большого объема информации [Миньяр-Белоручева, 2020]. Возникновение аббревиатур обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими факто-

рами, которые функционируют в естественном языке согласно установленным нормам. Более того, находясь на самоизоляции, пользователи соцсетей в условиях карантина начали создавать отражающий новую жизнь язык, сводящийся в основном к большому количеству неологических [Заботкина, 1989] аббревиатур.

А.П. Миньяр-Белоручева и П.И. Сергиенко отмечают, что в условиях самоизоляции разговоры на разных платформах соцсетей велись на социолекте *Coronaspeak*, название которого образовано по аналогии с лексической единицей Newspeak. Социолект Coronaspeak явился продуктом коллективного творчества людей, которые, стремясь осмыслить особенность своего нового существования, пытались отразить новую реальность в общеупотребительном языке. Такая разновидность языка, как показывают более ранние исследования зарубежных ученых, традиционно находится на периферии лингвистического исследования [Carter, 2015]. '*Coronaspeak*', отражает жизнь людей в самоизоляции – '*Quarantine*', ограниченной конкретными жилыми метрами, но безграничной в виртуальном пространстве соцсетей. Исходя из желания жить полной жизнью, пользователи соцсетей общались между собой на созданном ими социолекте, переходящем в *COVIDigie* в основном на тему COVID. Употребление вновь созданных аббревиатур и акронимов помогало осмыслить происходящее, поскольку *Coronacation* (*карантикулы*) – вынужденный запрет на работу, вызванный пандемией и объявленный миллионам людей – *ConVicDion*, превратился в *Drivecation* – отпуск в припаркованном доме на колесах вместе с *Corona Bae* – соратником по карантину, во время которого нельзя похвастаться *Isobar* и *Hamsterkaufing* – большим запасом хороших напитков и продуктов питания, при потреблении которых происходил *COVID-19 (lbs)* – набор лишнего веса. Когда преодолевается *COVIDamination* – страх заболеть коронавирусом, существование которого отрицают *Flu bros u covidiot*s, отражается в *COVIDiosity* – стремлении узнать, каким же станет мир после того, как вирус смогут победить – *post-COVID world*, и как изменяется демократия во время пандемии – *COVIDiocracy*. Несомненно, *Caremongering* – благотворительные акции и распространение добрых вестей волонтерами помогают людям преодолеть *Coronacoaster* – сменяющие друг друга чувства надежды и отчаяния. Итак, многочисленные приме-

ры показывают, что новый социолект фиксирует возможности людей заниматься разными делами в самоизоляции.

Таким образом, в новой цифровой реальности полнзначные слова, свернувшиеся до аббревиатур и акронимов, создали упрощенный язык, возведенный практически до формул. Словари, созданные интернет-пользователями, подразделены на рубрики, включающие работу в дистанционном формате, отдых, праздники, конференции, рабочее место, одежду, проблемы демографии, лексические единицы, не рекомендованные к употреблению. Один из составленных словарей аббревиатур и акронимов, созданный во время первого *lockdown* 2020 г., по данным А.П. Миньяр-Белоручевой и П.И. Сергиенко, насчитывающий 468 словарных статей (на момент января 2022 г.), дает полное представление о жизни современного общества с 2020 г. [Abbreviations of COVID-19], что находит свое отражение в корпусах разных языков.

Как отмечают исследователи, особенностью развития современной медицинской терминологии является разрушение границ терминологического поля и выхода терминов за рамки собственно медицинского дискурса. Слово '*vaccination*' и его дериваты '*vac*', '*vax*', а также фразы, образованные от означенных лексикализованных единиц: '*vax sites*', '*vax cards*', '*getting vaxxed*', '*being fully vaxxed*', стали краеугольными элементами в процессе информирования масс и общественно-коммуникативных процессах. Аббревиатура '*vax*' лучше всего передает атмосферу, в которой находился мир два последние года, надеясь на победу над коронавирусом и жизни в *postcovid world* или *post-covid era*.

А.П. Миньяр-Белоручева и П.И. Сергиенко отмечают, что все представления о жизни в постковидном мире отражены в лексических единицах, рисующих картину будущего, нового мира, в котором планируется, что большую часть времени человечество будет проводить в виртуальном мире. Подводя итог, авторы подчеркивают, что словарь аббревиатур и акронимов, созданный во время первой изоляции, отражает образ жизни человечества, постоянно пополняясь и расширяясь по мере борьбы с распространением коронавирусной инфекции и развития ситуации. В результате изменений появляется совершенно новая реальность – '*new normal*', которая служит источником новых лексических единиц и фиксируется в языке. По мнению А.П. Миньяр-Белоручевой и

П.И. Сергиенко, описанный в исследовании процесс требует дальнейшего изучения с учетом достижений ученых в различных областях человеческого знания.

Н.А. Козловцева, А.И. Авдеева, Я.С. Успенская, Т.В. Гурьева и Н.А. Попова в исследовании «Язык как зеркало общественной трансформации в меняющемся мире» намечают основные тенденции трансформации языка в современном обществе на фоне распространения коронавирусной инфекции и борьбе с ней [Язык как зеркало, 2022, с. 31–58].

Авторы работы отмечают, что с момента активного распространения по всему миру коронавируса нового типа SARS-CoV-2 процессы цифровизации и глобализации начали активно входить в жизнь даже тех стран, которые до введения ограничительных мер и закрытия межгосударственных границ не уделяли данному явлению должного внимания. Распространение инфекции COVID-19 стало доминирующим глобальным дискурсом. Стимулом для обсуждения стала необходимость донести как можно больше информации до всех людей, а не только до экспертного сообщества [Haddad, 2020]. Следовательно, по мнению Н.А. Козловцевой, А.И. Авдеевой, Я.С. Успенской, Т.В. Гурьевой и Н.А. Поповой, отражающее ситуацию терминообразование должно быть направлено на концептуальное понимание и коммуникативную адекватность. Из-за всплеска COVID-19, который Всемирная организация здравоохранения изначально называла *пневмонией неизвестной этиологии*, а также быстрого распространения инфекции по всему миру возникла острая необходимость восполнить языковой пробел, создав соответствующий неологизм. Иными словами, возникла необходимость нормализовать терминологическое обозначение этого нового понятия однозначным и монореферентным термином, т.е. термином, обозначающим только одно понятие [Haddad, 2020], а также во избежание использования терминологических вариантов. Термином, предложенным и одобренным ВОЗ, стал термин «*COVID-19*», который является аббревиатурой лексической единицы *Коронавирусная болезнь 2019*.

Н.А. Козловцева, А.И. Авдеева, Я.С. Успенская, Т.В. Гурьева и Н.А. Попова отмечают, что именно социальные сети и блоги сыграли жизненно важную роль в освоении общественностью новых слов и выражений. Благодаря социальным сетям всемирное

распространение получили такие понятия, как *локдаун, эпидемия, пандемия, суперраспространитель, самоизоляция, самокарантин*, а также словосочетания *социальное дистанцирование, коронные места* (*места, где больше всего существует вероятность заболеть вирусом*), *санитарный кордон, заражение воздушно-капельным путем, волна коронавируса, цунами 35 COVID-19, вспышки коронавируса, самоизоляция, инкубационный период* и т.д. [Asif, 2021]. Обозначенные форс-мажорные обстоятельства, происходящие в мире, начали активно способствовать модернизации форм «онлайн-коммуникации», в том числе разработке и эффективизации интеграционного набора методов дистанционного общения, что впоследствии привело к определенным, вполне закономерным трансформациям в языке.

Появление новых слов и фраз, сопровождающих внезапную вспышку COVID-19, привело к новым лексическим и социолингвистическим изменениям, которые стали частью обыденной жизни современного человека [Al-Salman, 2021, p. 24–42]. Источниками возникновения ряда понятий, коррелирующих со стремительным распространением SARS-CoV-2, стали преимущественно медицинская, техническая (статистические данные о проценте заболевших, выздоровевших и умерших от SARS-CoV-2 людях по всему миру и в каждом регионе в отдельности) и телекоммуникационная сферы.

Часть населения, пренебрегавшая до начала описываемой эпидемиологической обстановки инновационными процессами, происходящими, в том числе в сфере коммуникации, была вынуждена в экстренном порядке осваивать технологии (работу компьютеров, мобильных устройств и других гаджетов, а также мобильных приложений и виртуальных инструментов), способствующих обмену информации. В противном случае существовал риск остаться без работы/обучения, средств к существованию, связи, способов онлайн-оплаты и оформления документов, без возможности привлечения курьерской службы доставки продуктов питания, лекарств и других жизненно важных товаров, а также других значимых ресурсов и услуг, которые были недоступны в период локдауна или из-за ограничительных мер. Данные преобразования отразились на языке, сформировав новый пласт активной лексики.

Н.А. Козловцева, А.И. Авдеева, Я.С. Успенская, Т.В. Гурьева и Н.А. Попова отмечают, что ряд ученых в процессе проведенных исследований определили, что глобальная коммуникация в области общественного здравоохранения охарактеризовалась широкомасштабным лишением языковых меньшинств доступа к своевременной высококачественной информации [Piller, 2020], что также наблюдалось применительно к лицам, не владеющим компьютерными технологиями, способами обмена информацией посредством сети Интернет и компьютерной грамотностью. Также ученые подчеркнули, что серьезные ограничения многоязычной кризисной коммуникации, выявленные в процессе распространения COVID-19, стали результатом доминирования англоориентированной глобальной массовой коммуникации; обесцениванием языков «меньшинств»; неспособностью принимать во внимание важность многоязычия при укреплении доверия и жизнестойкости общества. В совокупности эти различия привели к потенциально неравному доступу к медицинской информации и рекомендациям, связанным с COVID-19 (более подробно см.: [Piller, 2020]).

В то же время, как отмечают Н.А. Козловцева, А.И. Авдеева, Я.С. Успенская, Т.В. Гурьева и Н.А. Попова, тенденции современного общества, обладающего стремлением к медийной и медицинской грамотности, а именно изучать все, что связано с исследованием, лечением и профилактикой коронавирусной инфекции нового типа SARS-CoV-2, статистическими данными ее распространения по странам и мерам предотвращения инфицирования детерминировали возникновение в публичном дискурсе многих терминов и выражений, которые ранее были в пассивном лексическом запасе или использовались только в узкоспециальном контексте (в кругу медиков, работающих в сфере инфекций), либо их употребление в СМИ сводилось к минимуму ввиду неактуальности.

Основной пласт нового активного словаря, который сегодня существенно отличает публичный дискурс от допандемического, составили медицинские термины и пр. дефиниции, которые в 2022 г. уже известны каждому человеку и активно используются в обыденной лексике. Например, *пандемия* – массовое заражение по всему миру; *коронавирус* – возбудитель острого респираторного вирусного заболевания; *COVID-19* – новый тип коронавируса;

штаммы – виды вирусов со схожими свойствами, например, «омикрон», «дельта» или **индийский штамм коронавируса** и т.д.; **антитела** – молекулы иммунной системы 37; **иммуноглобулины** – антитела, вырабатываемые в ответ на инфицирование; **сатурация** – концентрация кислорода в крови; **пульсоксиметр** – прибор для измерения сатурации; **средства индивидуальной защиты** – медицинская маска, резиновые перчатки. Последняя дефиниция коррелирует с появлением в активном словаре публичного дискурса понятий **масочно-перчаточный режим**; **санитайзер** или **антисептик** (средство для дезинфицирования поверхностей); **компьютерная томография** (КТ) – исследование, позволяющие определить наличие повреждений в легких, вызванных COVID-19 (уровень осведомленности населения достиг такой планки, что данную процедуру люди могут делать и делают даже без специального назначения врача, по собственной инициативе).

Н.А. Козловцева, А.И. Авдеева, Я.С. Успенская, Т.В. Гурьева и Н.А. Попова отмечают, что экстренный перевод большинства профессий и видов обучения на онлайн-платформы в условиях пандемии ускорил цифровую трансформацию организаций по всему миру и определил превалирование одного вида общения над другим – резкое снижение возможностей контактно коммуницировать спровоцировало рост дистантного общения посредством мессенджеров и социальных сетей. Дистантное общение стало вариативным. В дискурс вошли онлайн и офлайн-формы коммуникации, осуществляемые посредством таких инструментов виртуальной коммуникации, как: *'Zoom'*, *'Webinar'*, *'Microsoft Teams'*, *'Skype'*, *'Cisco Webex'* и др. Короткие текстовые сообщения (SMS), эмодзи, мемы [Латипова, 2020, с. 68], фото- и видеофайлы, голосовые и видео-сообщения, а также звонки, осуществляемые с помощью специальных приложений и мессенджеров (*'WeChat'*, *'QQ'*, *'Snapchat'*, *'Viber'*, *'Line'* и т.д.), сделали язык лаконичным, а коммуникантов – склонными к экономии речевых средств, сокращениям и замене слов или даже целых предложений символами или GIF (интерактивными картинками).

Исследователи подчеркивают, что COVID-19 изменил форматы, а также правила и рамки коммуникации. Период пандемии стал решающим фактором для языковых преобразований и эффективизации дистанционных средств общения, соответственно сего-

дня он определяется понятиями, связанными с организацией коммуникации, осуществляемой посредством цифровых технологий. К ним относятся: 1) *дистант* – проведение преподавателями и учителями коллективного или индивидуального онлайн-обучения, вебинаров, консультирования студентов и школьников, не покидающих пределы постоянного места жительства, с помощью компьютера и Интернета; 2) *зум (или 'Zoom')* – специальное приложение для видеоконференций, которое начали активно использовать среди народонаселения страны для обучения в школах и университетах, а также для проведения встреч и совещаний, позже, для свиданий, вечеринок, общения друзей и пр. Как следствие, онлайн для участников интернет-коммуникации стал в первую очередь «одной из форм устного общения, воплощенной в письменном виде» [Латипова, 2020, с. 98], а также в виде коротких голосовых (аудио) сообщений; 3) *зумить* – общаться в *'Zoom'* и т.д.

Особого внимания заслуживает получившая широкое распространение лексическая единица *инфодемия (infodemia)* – информационный фон СМИ, перенасыщенный новостным контентом о коронавирусе преимущественно из недостоверных или неавторитетных источников. Ряд исследователей настаивают на том, что именно вспышка COVID-19 привела к взрыву фейковых новостей в социальных сетях и на других Интернет-сайтах в ущерб усилиям правительств и медицинских организаций по сдерживанию распространения вируса (см., например: [Bangani, 2021]). Данный феномен спровоцировал такое явление, как «инфодемия». Указанный термин был введен в речевой оборот еще в 2003 г. специально для обсуждения ситуации, произошедшей вследствие распространения атипичной пневмонии; далее он начал успешно использоваться при описании специфики распространения и борьбы с COVID-19 [Asif, 2021].

К наиболее любопытным лексическим единицам, появлению которых человечество обязано пандемии, по мнению Н.А. Козловцевой, А.И. Авдеевой, Я.С. Успенской, Т.В. Гурьевой и Н.А. Поповой, также относятся: 1) *зубомбинг* – вторжение пранкеров в незащищенное или плохо защищенное онлайн-пространство конференций образовательного или рабочего содержания, в процессе которых вместо обучающего или профессионально ориентирован-

ного контентов демонстрируются порнография или насилие; 2) **карантикулы**, или «пандемические каникулы», – нерабочие дни с сохранением заработной платы, объявляемые среди населения с целью предотвращения распространения коронавируса посредством мер самоизоляции; 3) **удаленка** – дистанционный формат работы из дома; 4) **ковидиот** – это сочетание слов «коронавирус» и «идиот»; понятие относится к человеку, который не следует таким директивам и приказам, как «социальное дистанцирование», ведет себя как идиот. Данная дефиниция также интерпретирует человека, амбициозно воспринимающего ситуацию с распространением коронавирусной инфекции, отличающегося неадекватным поведением: либо характерной гиперзащитой и гипермерами, способствующими, на взгляд «ковидиота», сохранению здоровья, либо, напротив, пренебрежительным и безответственным отношением к мерам предосторожности; – **корониалы** – дети, зачатые во время «карантикул», а также рожденные в период пандемии и/или сразу после ее окончания; 5) **ковидоразвод, или ковидиворс, – от англ. ‘covidivorce’**, т.е. развод, спровоцированный необходимостью продолжительное время находиться супругам в замкнутом пространстве, из-за чего многие люди проявляли в отношении друг друга нетерпимость или даже насилие, чего до пандемии они не делали вследствие того, что редко виделись, проводя большую часть времени по отдельности вне стен дома, и т.д.

Как показывают многочисленные исследования, дискурс о коронавирусе стал единственным разговором в мире в разных областях, включая здравоохранение, экономику, туризм, торговлю, промышленность, транспорт, психологию и т.д. (см., например: [Аль-Салман, 2021, с. 24–42]). Одним из способов использования технологий, оказывающих определенное влияние на трансформации, происходящие в «пандемическом» языке, стало создание групп коммуникантов по интересам в социальных сетях и мессенджерах на таких онлайн-платформах, как ‘WhatsApp’, ‘Telegram’, vk.com, ‘Facebook’ и т.д. Целью данных чатов является моральная и психологическая поддержка участников дискуссии, в процессе которой коммуниканты делятся идеями, как легче и эффективнее работать/учиться из дома и/или бороться с постковидным стрессом и пр.

Например, как отмечает один из зарубежных исследователей, музыкальные концерты начали проводить виртуально, где поклонники музыкантов также могут общаться в чате. В то же самое время проведение интеллектуальных викторин является альтернативным вариантом получения удовольствия от массовых мероприятий, проводимых до 2020 г. в местах массового скопления. Хотя данные события на первый взгляд кажутся тривиальными, они оказывают большое положительное влияние на способность людей взаимодействовать с другими лицами за пределами своей непосредственной группы общения благодаря «сквозному» характеру разных интересов (музыки и прочих досуговых мероприятий, способствующих психоэмоциональной разгрузке общества). Без технических средств коммуникации и других форм нефизического контакта паника способна усиливаться [Frost, 2020], что также отражается на современных языковых трансформациях. Например, публичный дискурс о коронавирусе в настоящий момент пропитан психическим напряжением, эмоциональным выгоранием и тревогой, соответственно в языке активно репрезентуются социальные страхи, связанные с коронавирусом в СМИ, которые охватывают основное число коммуникантов ввиду неспособности медиков победить вирус уже на протяжении двух лет и из-за тщетности вводимых правительством ограничительных мероприятий, отмечают Н.А. Козловцева, А.И. Авдеева, Я.С. Успенская, Т.В. Гурьева и Н.А. Попова.

Ряд исследователей подчеркивают, что скорость языковых изменений, которые наблюдаются в связи с распространением COVID-19, беспрецедентна, что объясняется несколькими факторами: 1) оперативностью распространения вируса; 2) доминированием тематики о SARSCoV-2 в СМИ; 3) глобальностью эпидемиологической обстановки [Ro Ch., 2020]. Более того, многие из новых популярных «пандемических» терминов в русском, английском и других языках относятся к социальному дистанцированию, которое характеризует специфику человеческих контактов в наши дни. Например, *'virtual happy hour'* («виртуальный счастливый час»), *'covideo party'* («ковидео пати» – вечеринка, организованная по видеоконференцсвязи) или *'quarantine and chill'* (более подробно см.: [Ro Ch.]) (*чилить и карантинить*, т.е. отдыхать во время карантина). Ссылаясь на исследования зарубежных со-

циолингвистов, Н.А. Козловцева, А.И. Авдеева, Я.С. Успенская, Т.В. Гурьева и Н.А. Попова подчеркивают, что многие коммуниканты используют слово «корона» в качестве префикса независимо от того, преобразуют ли говорящие на польском языке **корона-вирус** в глагол, или англоговорящие задаются вопросом о том, как будут жить **корониалы** (дети, рожденные или зачатые во время пандемии) в постпандемическое время [Ro Ch., 2020]. Например: **короноик** («коронавирус» + «параноик»), **карантинка** («коронавирус» + «картинка» / фотография); **коронадиссиденты** (люди, полагающие, что коронавируса не существует, как и вытекающих из-за его распространения проблем) и пр. Исследователи отмечают, что современный языковой процесс характеризуется тем, что старые и ранее малознакомые в публичном дискурсе аббревиатуры стали частью словаря [Asif, 2021], во многих языках появились различные аббревиатуры, например: **ИВЛ** (русс.), **КТ** (русс.), **'WFH'** (англ.) ('Working From Home' – «работа на дому»), **'PPE'** (англ.) ('personal protective equipment', в переводе – «средства индивидуальной защиты» – **СИЗ** (рус.)) и т.д. [Ro, 2020].

К.В. Бобылева и А.В. Галигулова в исследовании «Сознательное создание угрозы или объективное отражение реальности: пандемия COVID-19 в речах лидеров России, США и Великобритании» обсуждают метафорические модели пандемии в речах политических лидеров [Бобылева, Галигулова, 2022, с. 58–68].

К.В. Бобылева и А.В. Галигулова поясняют, что теоретически и методологически данная работа основывается на теории метафорического моделирования, в частности на трудах А.П. Чудинова [Чудинов, 2001] и А.Н. Баранова [Баранов, 2014]. Материалом исследования послужили стенограммы обращений Президента Российской Федерации Владимира Путина к гражданам России и тексты пресс-конференций Дональда Трампа и Бориса Джонсона, посвященных борьбе с пандемией, за период с февраля 2020 г. по январь 2021 г. Объектом исследования послужили использованные в вышеуказанных текстах метафоры, отобранные методом сплошной выборки. Построенная на основе фреймово-слотовой классификации данная метафорическая модель, по мнению К.В. Бобылевой и А.В. Галигуловой, позволяет говорить о следующих фреймах в речах политических лидеров: 1) военные события, 2) военные

действия, 3) военные объекты (место военных действий и вооружение) и 4) участники военных действий.

Авторы отмечают, что исследованные им фреймы являются сложными, развернутыми, состоящими из большого количества слотов. Так, подводя итоги исследованию, К.В. Бобылева и А.В. Галигулова выделили четыре фрейма.

Фрейм 1 «СОБЫТИЯ ВОЙНЫ» представлен следующими слотами: ВОЙНА (war), БИТВА (battle), БОЙ (fight), ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ (military campaign), ПОБЕДА (victory). Политики не просто описывают борьбу с вирусом как войну, но и приравнивают ее к мировым войнам человечества. **Фрейм 2 «БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ»** содержит слоты: ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ (to wage war), НАНЕСЕНИЕ УДАРА (hitting), НАПАДЕНИЕ (to invade), ПРИНЯТИЕ ВЫЗОВА (rising to a challenge / to the occasion), ЗАЩИТА (to shield, to protect, to defend), БОРЬБА (struggle), АТАКА (attack), ПОРАЖЕНИЕ (defeating), УХОД ДОБРОВОЛЬЦЕМ НА ВОЙНУ (to volunteer to fight), ПРИНЕСЕНИЕ В ЖЕРТВУ (to sacrifice), ВЫПОЛНЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДОЛГА (to fulfill one's patriotic duty), ВЗРЫВЫ (explosions), ОСАДА (siege), ВЫБОР МИШЕНИ (target), МОБИЛИЗАЦИЯ (mobilization), СТРЕЛЬБА (shooting). Лексическое наполнение данного фрейма строится на глаголах борьбы (to struggle, to combat, to confront, to beat, to vanquish, to knock out, to crush) и успешного противостояния, например у Д. Трампа: We pull together, we persevere and we overcome and we win; и у Б. Джонсона: That is why we will defeat this coronavirus and defeat it together. **Фрейм 3 «ВОЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ (МЕСТО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ВООРУЖЕНИЕ)»** включает слоты: ФРОНТ (front), ПЕРЕДОВАЯ (front line), РАЙОН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ (ground), ГОРЯЧАЯ ТОЧКА (hotspot, hotbed), ГРАНИЦА (frontier) и ОРУЖИЕ (weapons, arms). Д. Трамп говорит о передовой, на которой работают медицинские работники (...nurses on the front lines of the battle against the virus) и сотрудники лабораторий по разработке вакцины ([Those] on the scientific frontier of the medical war). У Б. Джонсона тоже довольно часто «передовая» является местом борьбы с вирусом со стороны медицинского персонала и фармацевтических компаний: Pharmacies and chemists are in the front line of our healthcare. **Фрейм 4 «УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ»** содержит слоты: СОЮЗНИКИ

(allies), ГЕРОИ (heroes), ВРАГ (enemy), ВОИНЫ (warriors), ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ (service members), СОЛДАТЫ (soldiers). Наиболее часто оба политика называют вирус невидимым врагом (invisible / hidden / unseen enemy).

Статья Н.В. Бхатти, Е.П. Савченко и Е.Ю. Харитоновна «Проявление лингвокреативности в эпоху коронавируса (на материале английского, русского и немецкого языков)» [Бхатти, Савченко, Харитоновна, 2022, с. 68–89] исследует феномен лингвокреативности и коррелирует с исследованием Л.А. Нефедовой «Новая нормальность» или конец света: лингвокультурные особенности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого и русского языков) [Нефедова, 2022, с. 102–118] и материалами, изложенными в статье С.Н. Халевина «Динамика языковых трансформаций в эпоху пандемии COVID-19 (на материале немецкого языка)» [Халевина, 2022, с. 118–127].

Подчеркивается, что некоторые лексические единицы уже занесены в словари и закрепляются на официальном уровне. Лингвисты из Мангеймского института немецкого языка (IDS Mannheim) с марта 2020 г. обновляют онлайн-перечень коронанеологизмов. На 16 января 2022 г. данный список содержал 2093 единицы. Исследователи отмечают, что COVID-19 так расширил словарный запас немцев, как ни один другой кризис в обозримом прошлом [Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie, 2021]. Институтом лингвистических исследований Российской академии наук в Санкт-Петербурге был выпущен «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», который является логическим продолжением и дополнением коллективной монографии, опубликованной группой отечественных и зарубежных ученых, «Русский язык коронавирусной эпохи» (2021). В монографии системно и аспектно анализируется разнообразная пандемийная неология, яркое словотворчество, интенсивная языковая игра, происходящая на просторах Интернета и в современных массмедиа. В словаре представлено около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг. Для 1000 наиболее актуальных и значимых для текущей языковой ситуации слов дано лексикографическое описание, около 2500 слов приводится без словарной обработки [Словарь русского языка коронавирусной эпохи, 2021]. За основу исследования неологизмов была взята классификация неологизмов

по виду языковой единицы, предложенная Н.З. Котеловой. Согласно данной классификации, все новообразования делятся на: 1) **неосемемы** (новые значения старых слов или устойчивых словосочетаний); 2) **неофраземы** (новые фразеологизмы или устойчивые словосочетания, которые имеют формирующуюся семантику, а также аналитические сочетания); 3) **неолексемы** (новообразования, которые появились в языке в результате заимствования или словообразования).

Наибольшей частью новообразований во всех исследуемых языках являются неолексемы. Такое большое их количество среди новых лексических единиц можно объяснить возникновением одного нового термина – **ковид** (*covid*), **коронавирус** (*coronavirus*), а также большой популярностью слова карантин (*quarantine*). Исходя из того, что все коронанеологизмы появились именно благодаря этим двум явлениям, логично, что большое количество неологизмов было образовано именно с помощью данных терминов. Так, в английском языке, например, существует целый ряд слов, образованных с помощью **ковид** / **коронавирус** (*covid* / *coronavirus*): 1) **Coronacation** – такое слово возникло в результате слияния двух слов: *coronavirus* и *vacation*. Такое новообразование приобрело значение неожиданных каникул, которые начались у школьников, студентов и работников по всему миру в связи с самоизоляцией и удаленной учебой или работой; 2) **Coronapocalypse** (*coronavirus* – *apocalypse*). Когда вирус, а вместе с ним и бесконтрольная паника коснулись буквально каждого уголка планеты, все действительно стало похоже на апокалипсис. Например, статья с заголовком «Coronapocalypse: Scenes from stores, businesses and streets as coronavirus spreads» повествует о том, как в Соединенных Штатах с приходом пандемии люди были так напуганы, что начали закупать продукты будто перед апокалипсисом.

В русском языке по тому же принципу возник ряд похожих слов. Например, образование такого неологизма, как **ковидиома** (**ковид** + **идиома**) – новообразование, появление которого связано с теми или иными явлениями эпохи коронавируса, самоизоляции и т.д. – привлекло внимание лингвистов к вопросу изучения влияния коронавируса на язык и появление такого рода новообразований. Например, такие неологизмы, как: 1) **Ковидарий** / **ковид-больница** / **ковид-госпиталь** / **ковид-клиника** / **ковидник** / **ковид-**

ница / ковид-стационар / ковид-центр / коронагоспиталь – стационар, специализирующийся на лечении больных коронавирусной инфекцией COVID-19; 2) альфа-коронавирус, бета-коронавирус, гамма-коронавирус, дельта-коронавирус – разновидности коронавируса.

В немецком языке корнеобразующий элемент «Corona» также послужил основанием для образования множества составных слов и словосочетаний, например: 1) *Coronaticker* – формат новостей, который регулярно информирует о последних новостях, связанных с пандемией COVID-19; 2) *Corona-Skepsis* – сомнения в целесообразности правил поведения для сдерживания пандемии коронавируса); 3) *Corona-Hysterie / Corona-Panik / Corona-Stress* – истерия, паника, стресс, вызванные коронавирусом); 4) *Corona-Fußgruß* – специфическое приветствие во время пандемии COVID-19, обусловленное избеганием рукопожатия. • *Corona-Sünder* – человек, нарушающий правила поведения во время пандемии COVID-19, и др.

Также во всех исследуемых языках фиксируется большое количество неолексем с составным элементом *vaccination /vax / вакцина (прививка) / Impfung*.

Авторы приходят к выводу, что многочисленность языковых новообразований, а также актуализация и возрождение давно забытых единиц свидетельствуют о социальной значимости происходящих процессов, а сами неологизмы необходимы людям для ориентации в современных реалиях, служат для регулирования взаимоотношений в социуме и необходимы для адаптации к резко изменившимся условиям и жизненным обстоятельствам. На данный момент нельзя точно сказать, какие неологизмы войдут в пласт общеупотребительной лексики, а какие вовсе перестанут использоваться.

М.М. Оганян и Н.А. Гаспарян в исследовании «Значение метафорического неологизма в дискурсе COVID» [Оганян, Гаспарян, 2022, с. 127–138] рассматривают метафорический неологизм в дискурсе ковид.

Различные типы текстов, написанных разным стилем, отличающиеся по структуре и своему словарному запасу, появляются в разные времена и приобретают устойчивую практику. Это может определить эффективность и пронципальность дискурса, опреде-

ляемого четырьмя традиционными модусами: повествованием, описанием, экспозицией и аргументацией, и может использоваться для обозначения конкретных контекстов функционирования языка. М.М. Оганян и Н.А. Гаспарян отмечают, что построенный на упомянутых четырех модусах дискурс COVID характеризуется определенным набором глобальной лексики, необходимой для обсуждения кризиса: *COVID crisis as a national disaster, the pandemic and lockdown as a new threat to social order, disruptions in social life, healthcare, global economy as well as education, and how to fight against the worldwide enemy*. The Economic Times пишет: “*COVID-19 has infected global vocabulary*” – одним лишь предложением показывая, как радикальное распространение болезни обогатило словарный запас за этот короткий промежуток времени.

М.М. Оганян и Н.А. Гаспарян подчеркивают, что иногда дискурс может показаться оценочным и агрессивным, поскольку может включать в себя много военных и политических терминов. Например, Борис Джонсон на своем брифинге в Лондоне, обсуждая тяжелое течение коронавируса, заявляет: “*This enemy can be deadly, but it is also beatable*”. COVID-речь часто ориентирована на широкие массы, а, следовательно, метафорический язык, лежащий в основе COVID-речи, является мощным средством, побуждающим пользователя к определенным действиям, которые необходимы для поддержки эмоционального состояния как отправителя, так и получателя. В выступлениях официальных лиц, в материалах средств массовой информации, в социальных сетях метафорические рассуждения постоянно используются в речи COVID как способ изменить убеждения адресата. М.М. Оганян и Н.А. Гаспарян обращают внимание на то, что на первом этапе аргументации метафора позволяет получить доступ к общим знаниям коммуниканта, что помогает создать своего рода платформу, на которой можно легко построить свою речь, внушить свое мнение. Для многих людей рассуждение с помощью метафор является более эффективным. В других случаях метафорические аргументы служат важным дополнением к рациональным или эмоциональным аргументам. Метафора часто используется для воздействия на эмоциональное состояние реципиента и создания соответствующих отношений, основанных на убеждении и воздействии. Метафора, появившаяся в языке текстов в сфере здравоохранения во время

пандемии, оказалась лучшим из языковых средств для обсуждения жизненного опыта, разного рода эмоциональных и психологических состояний, с которыми сталкивались люди в этот период.

В заключение следует подчеркнуть, что все авторы статей сходятся во мнении – пандемия оказала существенное влияние как на языки, так и на процесс коммуникации. В языках отмечаются характерные лексические и семантические инновации (прежде всего неолексемы, неосемемы, аббревиатуры), в дискурсе – типичные метафорические модели, лингвокреативность и актуализация узкоспециальных терминов, вызванные беспрецедентной экстралингвистической ситуацией. Все это развивается на фоне процессов цифровизации и глобализации, характеризующих языковую ситуацию XXI века.

Список литературы

- Аль-Салман С., Хайдер А.С.* COVID-19 как причина возникновения неологизмов и словообразовательных процессов в английском языке // *Russian Journal of Linguistics*. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 24–42.
- Баранов А.Н.* Дескрипторная теория метафоры. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
- Бобылева К.В., Галигулова А.В.* Сознательное создание угрозы или объективное отражение реальности : пандемия COVID-19 в речах лидеров России, США и Великобритании // *Пандемия-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков*. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – Т. 1 : Кол. монография / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. – С. 58–68.
- Бхатти Н.В., Савченко Е.П., Харитонова Е.Ю.* Проявление лингвокреативности в эпоху коронавируса (на материале английского, русского и немецкого языков) // *Пандемия-22 : преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков*. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – Т. 1 : Кол. монография / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. – С. 68–89.
- Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка. – Москва : Высшая школа, 1989. – 129 с.
- Латинова А.Л.* Лингвистическая специфика интернет-дискурса в разносистемных языках: на материале английского, русского и турецкого языков : дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.19 [Место защиты: ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»]. – Нальчик, 2020. – 172 с.
- Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.* Лингвистические изменения в мире новой реальности // *Пандемия-22 : преподавание, анализ, дискурс в есте-*

- ственном многообразии иностранных языков. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – Т. 1 : Кол. монография / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. – С. 25–31.
- Миньяр-Белоручева А.П.* Языковая реальность как средство формирования картины мира современности // Язык. Коммуникация. Перевод. Серия Лингвистика. – Москва : Наука, 2020. – Т. 1. – С. 11–20.
- Нефедова Л.А.* «Новая нормальность» или конец света: лингвокультурные особенности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого и русского языков) // Пандемия-22 : преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – Т. 1 : Кол. монография / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. – С. 102–118.
- Оганян М.М., Гаспарян Н.А.* Значение метафорического неологизма в дискурсе COVID // Пандемия-22 : преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – Т. 1 : Кол. монография / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. – С. 127–138.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приемышева ; ред. колл. Е.С. Громенко, А.С. Павлова, Ю.С. Ридецкая. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 234 с.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокленко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая ; ред. коллегия: Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf> (дата обращения : 20.08.2022).
- Халевина С.Н.* Динамика языковых трансформаций в эпоху пандемии COVID-19 (на материале немецкого языка) // Пандемия-22 : преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – Т. 1 : Кол. монография / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. – С. 118–127.
- Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
- Язык как зеркало общественной трансформации в меняющемся мире // Пандемия-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – Т. 1 : монография / Козловцева Н.А., Авдеева А.И., Успенская Я.С., Гурьева Т.В., Попова Н.А. – С. 31–58.
- Abbreviations of Covid-19. – Haddad, 2020. – URL: <https://www.allacronyms.com/covid/abbreviations/> (дата обращения : 20.08.2022).
- Al-Salman S.* COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – N 25(1). – P. 24–42.

- Asif M.* Linguistic analysis of neologism related to coronavirus (COVID-19) / M. Azif, D. Zhiyong, A. Iram, M. Nisar // *Social Sciences & Humanities Open*. – 2021. – N 4(4). – P. 100–201.
- Bangani S.* The fake news wave: Academic libraries' battle against misinformation during COVID-19 // *The Journal of Academic Librarianship*. – 2021. – N 47(1). – P. 102–390.
- Carter R.* *Language Creativity: The Art of Common Talk*. – London : Routledge, 2015. – 288 p.
- Frost S.* The difference between social distancing and physical distancing. – URL: <https://www.counselling-directory.org.uk/blog/2020/04/14/the-difference-between-social-distancing-and-physical-distancing> (дата обращения : 20.08.2022).
- Haddad A., Montero-Martinez S.* COVID-19: a metaphor-based neologism and its translation into Arabic // *JCom Journal of Science Communication*. – 2020. – N 19 (05). – P. 1–8. – URL: https://jcom.sissa.it/sites/default/files/documents/JCOM_1905_2020_A01.pdf. ; <https://doi.org/10.22323/2.19050201> (дата обращения : 20.08.2022).
- Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie, 2021 Neuer = Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. – URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения : 20.08.2022)
- Piller I., Zhang J., Li Jia.* Linguistic diversity in a time of crisis: Language challenges of the COVID-19 pandemic // *Multilingua. Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*. – 2020. – N 39(5). – P. 503–515. – URL: <https://researchers.mq.edu.au/en/publications/linguistic-diversity-in-a-time-of-crisis-language-challenges-of-t> (дата обращения : 20.08.2022).
- Ro Ch.* Why we've created new language for coronavirus. *WorkLife*. – URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20200522-why-weve-created-new-language-for-coronavirus> (дата обращения : 10.10.2022).
- Schwab K., Malleret T.* *Covid-19: the Great Reset* // *Forum Publishing*. – Geneva, 2020. – 110 p. – URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (дата обращения : 20.08.2022).

ГРАФОЛИНГВИСТИКА

Мелетис Д., Дуршид К.

СИСТЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ: ОБЗОР ГРАФОЛИНГВИСТИКИ

Meletis D., Dürscheid C.

**Writing Systems and Their Use: An Overview of
Grapholinguistics. – 2022. – 328 p. – URL: [https://
www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110757835/html](https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110757835/html).**
(Реферат)

Ключевые слова: графолингвистика; графемика; графетика; графематика; орфография; социолингвистика; психолингвистика; системы письменности.

Авторы реферируемого издания ставят перед собой цель ознакомить международного читателя с ключевыми понятиями графолингвистики на примере нескольких различных алфавитных систем. Книга состоит из семи глав. В главе 1 рассказывается об истории графолингвистики и объясняется необходимость исследований в данной области. В главе 2 дается определение понятия «письмо», а также проводится связь между письмом, речью и жестовыми языками. Главы с третьей по пятую посвящены основным субдисциплинам структурной графолингвистики. Глава 3 окусируется на графетике – изучении физических свойств форм, используемых при письме. В главе 4 авторы делают попытку объяснить, как вышеописанные графетические единицы передают языковое значение. Здесь же вводятся другие важные понятия графолингвистики: графема, графематический слог, графематическое слово, аллография, графематическая вариация и графотактика. Также отдельно уделяется внимание знакам препинания. Глава 5 целиком посвящена орфографии, которая определяется авторами как стан-

дартизация письма. Здесь затрагиваются вопросы регулирования систем письма извне, кодификации письменности, создания словарей и справочников. Глава 6 представляет читателям различные типы письменности. Последняя глава подводит итог всей книги и кратко пересказывает ключевые моменты работы.

Письменность – это культурная технология, сформировавшая наш способ мышления и общения и тем самым изменившая ход развития истории человечества. Ее роль в современном обществе невозможно переоценить. Письменность фундаментально отличается от устной речи и выполняет множество функций, значительная часть которых получила развитие только в недавнем прошлом. Это привело к появлению множества новых социальных и культурных контекстов, где применяется письменность. Например, вследствие масштабной цифровизации она стала удобным способом коммуникации. Так, она оказывается удивительно гибкой относительно регистра и степени формальности, что делает ее неотъемлемой частью коммуникации в мессенджерах и социальных сетях. Как отдельные люди, так и целые культуры используют письменность для передачи своей идентичности: употребление определенного шрифта (например, латиницы), выбор стиля при оформлении документа, решение подчиняться или не подчиняться принятым орфографическим нормам, желание писать рукописные письма друзьям и близким. Практически каждый выбор, как сознательный, так и неосознанный, который мы делаем в процессе письма, является формой социального действия.

Многие люди воспринимают навык письма как нечто неотделимое от них самих, а в большинстве обществ он воспринимается как всеобщее благо. Такое отношение ведет к огромному количеству обсуждений и конфликтов: орфографические реформы, отказ от рукописного шрифта, необходимость и сроки обучения детей письму. Письменность больше не принадлежит элитам и определенным группам людей. Она окружает нас повсюду, становится предметом исследования и нуждается в отдельной научной области, посвященной ей.

В связи с этим в последние десятилетия лингвисты заговорили о возникновении новой междисциплинарной области исследования, получившей название графолингвистика (англ. grapholinguistics). Данный термин является калькой с немецкого термина

Schriftlinguistik, впервые появившегося в работах Д. Нериуса и Г. Аугста в 1988 г., давших начало активному изучению вопросов, связанных с письменностью. В популярном немецком лингвистическом словаре под редакцией Х. Глюка и М. Роделя графолингвистика определена как «название для попыток описать и проанализировать письменную форму языка и создания на их основе общей теории письма как составной части общей теории языкознания»¹. Необходимо отметить, что названные попытки носят междисциплинарный характер. Принимая во внимание комплексность изучаемого явления, невозможно описать его только с позиции лингвистики. В связи с этим графолингвистика сочетает в себе теории, модели и методы из психологии, когнитивистики, истории, педагогики, социологии и информационного дизайна.

Исследования в области графолингвистики, еще до появления этого термина, возникли в Германии в середине XX в. С тех пор и до нашего времени эта тема является наиболее разработанной именно у немецких ученых, которые в отличие от своих англо-американских коллег не сухо описывают существующие системы письменности, а ищут способы описывать любую существующую письменность. Тем не менее, несмотря на общую разработанность темы и обилие интересных выводов, немецкие исследования по графолингвистике оказались малодоступны международному сообществу, так как проводились в большей степени на материале немецкого языка, на котором печатались и полученные результаты.

Исходя из всего вышесказанного, авторы книги приняли решение собрать все основные идеи и понятия графолингвистики на английском языке под одной обложкой и проиллюстрировать их примерами из различных известных человечеству письменных систем.

Любой анализ письма и письменной речи должен начинаться с определения: что есть письмо? Долгое время в истории языкознания письмо отодвигалось на второй план, так как воспринималось как производная от звучащей речи. В своей работе авторы принимают два определения письма: Ф. Коулмаса (1996) и М. Нифа (2015). Оба этих определения предлагают основные

¹ Цит. по: Glück H., Rödel M. Artikel von A–Z // Metzler Lexikon Sprache. – Stuttgart : JB Metzler, 2016. – S. 596.

пункты, с помощью которых можно проследить, как письмо и речь соотносятся друг с другом. Четыре из этих пунктов являются наиболее важными для понимания идей, изложенных в работе далее:

- 1) письмо представляет язык, а не идеи;
- 2) язык и речь – это разные явления;
- 3) речь и письмо – это две модальности одной языковой системы;
- 4) письмо носит не только визуальный, но и тактильный характер (например, шрифт Брайля хотя по сути своей тактильный, но он также виден зрячим людям – вне зависимости от того, понимают они его или нет).

Также необходимо помнить о главных различиях между письмом и речью, которые в основном касаются их продуктивной составляющей. Так, устная коммуникация ограничена одним временем и пространством. В письменной же пишущему и читающему не обязательно находиться в одном месте и времени. Из этого же вытекает и другая различающая их характеристика: звучащая речь синхронна, письменная – асинхронна, т.е. при письменной коммуникации читающий не может напрямую вмешаться в процесс написания текста второй стороной. Стоит однако отметить, что в настоящее время в связи с появлением новых способов общения (аудиосообщения, видеозвонки, чаты и прочее) оба вышеназванных аспекта верны только при определенных обстоятельствах.

Другим отличием является зависимость письменной коммуникации от инструментов: поверхности для письма и каких-либо письменных принадлежностей. Считается, что именно поэтому устная коммуникация гораздо быстрее письменной. Так, средняя скорость английской речи 180 слов в минуту, в то время как написание подобного текста занимает в десять раз больше времени. Кроме того, устную речь принято считать диалогичной, транзистентной (т.е. преходящей, быстро исчезающей), мультимодальной и протяженной во времени; а письмо – монологичным, постоянным (например, зафиксированным на бумаге), мономодальным и протяженным в пространстве.

Основную трудность представляет вопрос определения отношений между письмом и звучащей речью. В данной работе представлены две противоположные гипотезы, подкрепленные

аргументами из разных научных дисциплин. Гипотеза о зависимости данных двух модальностей друг от друга подтверждается аргументом лингвистов, считающих, что письмо – это только визуализация звучащей речи. С позиции психологии развития письмо как навык обретается человеком уже после того, как он овладевает речью (или в случае определенных нарушений обучается жестовому языку). Кроме того, существуют языки, не имеющие письменности, да и вообще письмо используется значительно реже говорения.

Сторонники гипотезы автономии в свою очередь утверждают, что письмо следует рассматривать как самостоятельный объект исследования, тем самым отстаивая четкое теоретическое и методологическое разделение речи и письма. Эту гипотезу подтверждает аргумент из психологии. Люди, владеющие навыком чтения на высоком уровне, понимают содержание текста, «выхватывая» из текста отдельные слова, – им не обязательно произносить текст целиком. Кроме того, письменность обладает «документирующей функцией», позволяя сохранять целые культуры. Отдельные характеристики письма влияют как на речь, так и на язык (например, появляются слова, называющие предметы, внешне похожие на буквы: V-песк «в-образный вырез», T-shirt). Наконец, письменная речь дискретна (состоит из отдельных элементов), а звучащая речь представляет собой континуум, и их невозможно анализировать, применяя одинаковые методы.

Важным понятием в графолингвистике является графетика. Для того чтобы быть видимым, а в случае с письмом, чтобы существовать, объект должен обладать материальностью. Именно эта материальность письма является фокусом графетики. Следует концептуально различать два возможных прочтения данного термина. С одной стороны, это материальная подсистема системы письма, состоящая из всех ее графических ресурсов. С другой – это одноименная графолингвистическая область, которая описывает и изучает указанную подсистему. Графетические аспекты, вероятно, являются одними из самых игнорируемых в языкознании. На протяжении долгого времени считалось, что внешний вид записанных высказываний никак не влияет на их языковую функцию, на смысл. Такое отношение можно описать при помощи одной интересной аналогии: это как смотреть в окно, чтобы увидеть, что за

ним, не замечая при этом самого окна. По-настоящему этой темой заинтересовались только в Германии в середине XX в. Немецкий лингвист Ганс Петер Альтхаус выделил графетику как отдельную дисциплину графолингвистики, посвятив ей отдельную статью в справочнике 1973 г.

Графетика имеет дело исключительно с этической формой письма, т.е. с конкретной его реализацией, в то время как графематика посвящена эмическому уровню письма и эмическим единицам, определяемым как «инвариантные формы, полученные в результате сокращения класса вариантных форм до ограниченного числа абстрактных единиц» (с. 57). Другими словами, графетика и графематика связаны друг с другом образом, похожим на то, как связаны фонетика и фонология. Таким образом, ключевая задача графетики – анализ формы применяемых графических знаков как написанных от руки, так и напечатанных при помощи других инструментов. Графетика изучает разницу между рукописным и печатным текстами, различия почерка, разнообразие шрифтов и многие другие аспекты.

Так как письмо и восприятие письменного текста опираются в основном на его визуальное восприятие, применение различных шрифтов или текстовых эффектов может оказывать влияние на смыслы, заложенные в тексте (например, курсив во фразах «*she did not tell me*» и «*she did not tell me*» – «она *не* сказала мне» и «она не сказала *мне*»). Можно сказать, что графетические исследования подчеркивают визуальный аспект семиотического подхода к письму. Таким образом, графетика это не просто дополнение или вспомогательная дисциплина по отношению к графематике, а скорее полноценная самостоятельная графолингвистическая субдисциплина. Это подтверждается тем фактом, что в ней изучаются аспекты, выходящие за рамки графематики. Например, Шредер перечисляет социальные, политические и религиозные вопросы, относящиеся к графетике, и приводит в качестве примера политически мотивированный запрет арабской письменности и переход на латиницу в Турции в 1928 г. Подобные вопросы лежат за пределами того, что изучается графематикой, но являются центральными для графетики и графолингвистики в целом. И наконец, следует отметить, что графетика изучает визуальную составляющую письма вне рамок определенного языка: так, например, результаты

анализа латиницы будут верны для множества языков в странах, где применяется данный шрифт.

Графетика имеет собственные субдисциплины: продуктивную графетику (*productional graphetics*), дескриптивную графетику (*descriptive graphetics*) и перцептивную графетику (*perceptual graphetics*). Продуктивная графетика занимается собственно процессом написания текста, перцептивная – процессом восприятия. Уже написанный текст анализируется с позиции дескриптивной графетики.

Любое письмо (записанное высказывание) состоит из последовательности графов. Граф – это конкретная реализация графемы и основной материал для исследования в графетике. Каждый граф уникален, даже если выглядит похоже или идентично другому графу. Так, в слове *even* существуют два разных графа, реализующих графему <e>. Человеческий глаз не может уловить между ними никакой разницы, так как они оба напечатаны одним и тем же шрифтом, кеглем и стилем на одном и том же компьютере. Их разница была бы более очевидна, если бы данное слово было написано от руки. Но даже в случае очевидных различий в написании читающий бы понял, скорее неосознанно, что оба графа представляют одну и ту же графему (являются аллографами) благодаря базовым формам (*basic shapes*) – шаблонам, которые мы используем для категоризации графов. Базовые формы являются центральными единицами графетики. Ключевой вопрос графетических исследований – визуальная вариативность: как объяснить ту легкость и скорость, с которыми человек распознает и категоризирует графы во всем существующем многообразии шрифтов, стилей написания и индивидуальных особенностей почерка.

Письмо реализуется в двух основных формах: рукописной и типографской, т.е. набранной при помощи компьютера или другого устройства. Часто две эти формы пытаются противопоставлять друг другу. Действительно, существуют вполне очевидные аспекты, по которым они кардинально отличаются друг от друга. Во-первых, создание рукописного и типографского текстов задействует разные психологические и когнитивные процессы. То же утверждение будет верным и для восприятия написанного. Во-вторых, типографский и рукописный тексты свойственны совершенно разным коммуникативным ситуациям и используются для

достижения различных коммуникативных целей. В настоящее время типографский текст используется значительно чаще. Тем не менее стоит понимать, что типографский и рукописный текст являются двумя границами общего континуума. Другими словами, если не принимать во внимание их «способ производства», можно увидеть, как граница между ними размывается. Это проявляется в шрифтах, имитирующих внешний вид рукописного ввода, которые становятся все более популярными, а также в леттеринге (или рукописных надписях), имитирующих типографику.

Исследование рукописи все еще остается одной из самых игнорируемых областей как в лингвистике вообще, так и в графолингвистике в частности. И все же почти во всех обществах, обладающих грамотностью, она является неотъемлемой частью жизни людей. Это отражается в огромном количестве дискуссий среди обывателей о вероятной «утере навыка писать» и необходимости обучать детей писать от руки в школе. Швейцарский лингвист И. Гредиг выделяет четыре тематические области в немецкоязычных дискурсах о почерке, многие из них также можно найти в дискурсах других грамотных сообществ: (а) «цифровой» почерк (например, рукописный ввод на экране с использованием пальцев или технологических инструментов, таких, как специальные ручки; (б) обучение письму в школах; (в) сентиментальная «ценность» почерка и выражение через него человеческой индивидуальности; (г) почерк как показатель аутентичности личности.

С одной стороны, с цифровизацией типографика прочно вошла в обиход и набранный на компьютере текст практически вытеснил рукописный. В обществе появились опасения, что индивидуальность почерка находится на грани исчезновения, а будущие поколения и вовсе не застанут письмо от руки. В противовес этому новые технологии стали развиваться «навстречу» рукописному тексту. Появилась возможность писать от руки на телефонах, планшетах и компьютерах – как при помощи специальных инструментов (стилусов, умных ручек), так и просто касанием пальца. Исследователи заговорили о появлении «цифрового почерка» как еще одного объекта исследования графетики и графолингвистики. В то же время появилась определенная «мода» на рукописный текст как отражение индивидуальности пишущего. Этим заинтересовались специалисты из области развития искусственного

интеллекта: они предоставили компьютеру десятки тысяч образцов почерка, тем самым научив его сначала распознавать, а затем и самостоятельно воспроизводить текст, написанный якобы «от руки».

Другой важный аспект рукописного текста связан с его влиянием на развитие мелкой моторики и когнитивных способностей человека. В типографике графы, реализующие одну и ту же графему, выглядят идентично. Даже в случае применения различных шрифтов они все еще остаются легко узнаваемыми. Отсутствие ярко выраженной вариативности привело к возникновению такого явления, как знаковая амнезия (*character amnesia*), особенно распространенного в языках с монографической системой письма как японском или китайском. Данное явление заключается в том, что человек распознает знаки и символы при чтении, но не может написать их самостоятельно от руки. Другое интересное исследование касалось того, в каких случаях студенты лучше запоминают материал лекций: когда они пишут конспект от руки или набирают на клавиатуре. В результате было выявлено, что рукописный текст запоминался в разы лучше. В итоге письмо от руки оказывает невероятно сильный эффект на работу мозга, память и когнитивные способности. За рамки вышесказанного выходит тот факт, что в современном обществе, где превалирует печатный текст, само решение написать что-то от руки является социо семиотически важным, т.е. несет определенный социальный смысл.

В свою очередь типографика предстает не менее интересным объектом исследования. Говоря об анализе печатного текста, предлагается выделять микротипологию (*microtypography*) и макротипологию (*macrotypography*). К микротипологии относятся вопросы, касающиеся мелких деталей печатного текста, такие, как расстояние между буквами и словами (в системах, где они используются), межстрочный интервал, знаки препинания и другие, в то время как в фокусе макротипологии оказываются вопросы размещения текста на страницы, сочетания шрифтов текста и заголовков, расположение иллюстраций и примечаний. Третим аспектом, впрочем, часто приписываемым к микротипологии, является проблема разработки и создания новых шрифтов. Некоторые исследователи предлагают выделять также мезотипологию (*mesotypography*), фокусирующуюся на конфигурации отдельных

текстовых блоков и строк (выравнивание по краю, смещение стилей шрифта) и паратипографию (paratypography), связанную с инструментами и материалами для печати.

Также определены функции типографических ресурсов (шрифтов, стилей, отступов и т.д.):

- 1) эстетическая функция – создание «красивого» текста;
- 2) эпистемическая функция – создание определенной иерархии внутри текста;
- 3) мотивационная функция – привлечение и удержание внимания читателя;
- 4) синоптическая функция – объединение текста с дополнительными элементами (например, рисунками) на одной странице;
- 5) функция реконтекстуализации, которая позволяет встраивать такие элементы, как цитаты из стихотворений или других видов текстов (включая фильмы и т.д.), в совершенно разных контекстах, например, на наклейках на бампер, футболках или бутылке шампуня.

К этим пяти функциям некоторые исследователи предлагают добавить еще четыре:

- 6) коннотативную функцию – способность шрифтов вызывать у читателя различные ассоциации (например, современный и устаревший шрифт);
- 7) экспрессивную функцию – когда шрифт явно демонстрирует, к какой социальной группе принадлежит автор написанного;
- 8) индикативную функцию, позволяющую определить, когда и в каком жанре написан текст;
- 9) эмулятивную функцию, которую принимают на себя типографские элементы, «имитирующие» не только определенные явления, встречающиеся в других модальностях, (например, крик, который может быть выражен большими размерами шрифта, жирным шрифтом и заглавными буквами), но и другие типы письма, такие, как рукопись.

К типографике также относятся понятия читабельности (readability) и разборчивости (legibility) текста. Читабельность является более широким понятием, так как включает в себя общее восприятие текста.

Еще одним важным разделом графолингвистики является графематика или графемика. Необходимо отличать графематику

от графетики и орфографии. Ее основная цель – исследовать, как визуальные единицы письма выполняют лингвистические функции (например, различают значение слов) и как они соотносятся с такими языковыми единицами, как фонемы и морфемы. Например, в английском языке существует ряд слов с одинаковым произношением /'raɪt/: <right>, <rite>, <write>, <wright>. Каждое из этих написаний будет орфографически верным, однако каждое имеет свое значение.

Базовой единицей графематики является графема. Хотя данный термин был предложен еще в начале XX в. по аналогии с фонемой и морфемой, в настоящий момент для него не существует единого определения. Более крупными единицами графематики являются графематические слоги и графематические слова. Графематический слог не зависит от фонологического слога. Графематическое слово в свою очередь – это все то, что находится между двумя пробелами.

Самая большая проблема в этом отношении возникает из-за систем письма, где отсутствуют пробелы между тем, что мы определяем как «слова» (например, китайский, японский и тайский языки). Китайский язык по-прежнему часто называют «логографической» системой письма, что намекает на то, что его графемы (которые на самом деле соответствуют морфемам, делая китайский морфографическим) всегда представляют собой полноценные независимые слова. На самом деле большинство слов в китайском языке являются двусложными или многосложными. Учитывая, что китайские морфемы являются односложными, в настоящее время большинство китайских письменных слов на самом деле состоит из нескольких морфографических графем. Поскольку пробелы остаются одинаковыми между всеми графемами (независимо от того, принадлежат ли они одному и тому же слову или отдельным словам), пробелы делают видимыми не китайские «слова», а морфемы. Таким образом, с чисто структурной точки зрения в китайском языке нет «графематического слова».

Наибольшую трудность представляет тайский язык, обладающий сегментарной системой фонографического письма, в которой отсутствуют пробелы между словами и которая не может предложить никаких других подсказок, где могут быть располо-

жены границы слов. Таким образом, сам читатель должен идентифицировать слова в процессе чтения.

Пунктуационные знаки, которые также являются одним из объектов исследования графематики, изначально возникли в системах с алфавитным письмом, а затем распространились и в другие языки. Иногда пунктуационные знаки выделяют в отдельную группу, иногда рассматривают как отдельный тип графем.

Графематические единицы сами по себе не являются единственным объектом анализа графематики. Все вышеназванные единицы имеют свою сочетаемость. Такая сочетаемость единиц носит название «графотактика». К сожалению, научных работ по графотактике совсем немного, большинство из них посвящено конкретным графотактическим явлениям.

Другой лингвистической дисциплиной, также связанной с написанием слов и сочетаемостью графем, является орфография. Орфография отличается от дескриптивной графематики своим прескриптивным характером. Иными словами, орфография связана с жесткой кодификацией и правилами правописания. В некоторых работах термины «орфография», «графемика» и «система письма» используются в качестве синонимов друг друга, однако это неправильно. Орфография – это внешнее регулирование системы письма. В сводах правил и словарях орфографические правила кодифицируют те варианты написания, которые считаются правильными. Не каждая система письма имеет такой свод правил. Существующие типы систем письма могут быть стандартизированы по-разному. Так, существуют 1) нестандартизированные системы письма. Это системы без официальной орфографии. Во многих случаях системы письма, принадлежащие к этому типу, относительно молоды, поскольку были созданы совсем недавно, часто в ходе внедрения алфавита в ранее существовавшую устную культуру. Часто такие системы в конечном итоге – также снабжаются орфографией, и в этот момент они становятся 2) системами письма с искусственной орфографией. Третий тип, который в настоящее время охватывает большинство систем письма, 3) системы письма с естественно развитой орфографией. Эти три типа не являются взаимоисключающими. Они скорее представляют разные диахронические этапы развития системы письма: в начале большинство систем письма обычно нестандартизированы (если

только они не созданы в контролируемых условиях развития грамотности и, таким образом, с самого начала не разработаны и не кодифицированы). С течением времени пользователи языка будут адаптировать существующую систему под себя и дискутировать по поводу спорных моментов. Если к моменту кодификации все спорные вопросы будут решены, эта система будет обладать естественно развитой орфографией. Однако если этого не произойдет и жесткие правила будут установлены извне, такая система будет обладать искусственной орфографией. Тем не менее естественные орфографии могут в любой момент времени все еще быть заменены «искусственными» в процессе реформирования. В этом случае результирующие измененные правила могут не ориентироваться на фактическое использование, а вместо этого быть вызванными другими соображениями.

Орфографии обладают различными характеристиками, общими для любых систем письменности:

1) кодифицированы внешне, т.е. решение принимается органами лингвистической политики (советами, комиссиями, языковыми академиями, издателями словарей);

2) социально обязательны, т.е. пользователи обычно придерживаются орфографических норм и одновременно воспринимают их как обязательные, приписывая им свойство быть обязательными. Это также приводит к социальным санкциям за отклонение от нормы;

3) характеризуются ограниченной вариативностью, т.е. в большинстве случаев будет один однозначно правильный способ написания чего-либо;

4) статичны или, другими словами, изменяемы только в ходе реформ орфографии.

Необходимо отметить существующую вариативность орфографии. Так, например, в немецком языке существует вариативность при написании заимствованных слов. Особенно часто такое явление встречается, когда заимствованные слова принадлежат к другой системе письменности и были транскрибированы.

Говоря об орфографических правилах, следует выделять общие и частные правила (*general rules and particular rules*). Общие правила приводятся в справочниках: их применение не зависит от

ситуации. Частные правила представляют собой статьи в словарях и описывают случаи, не подпадающие под общие правила.

Как следует из всего вышесказанного, письмо тесно связано с различными социальными явлениями и в связи с этим оно, помимо всего прочего, является важным объектом исследования социолингвистики. Не так давно возникло новое направление – социолингвистика письма. Социолингвистика письма описывает системы письменности с трех сторон: 1) с позиции этнографии; 2) с позиции образования и 3) с позиции цифровых медиа.

Письменность это интересный и важный объект исследования, настолько обширный и многослойный, что его невозможно всесторонне изучить только с помощью лингвистических методов и теорий. Реферируемая книга публикуется в серии «Тренды в лингвистике» и полностью оправдывает название данной серии. Несмотря на то что показать все текущие исследования в области графолингвистики в рамках одной книги не представляется возможным, она позволяет увидеть новые возможности для анализа предмета.

Письмо, служащее основой для различных коммуникативных ситуаций и задач, превратилось в неотъемлемую часть нашей повседневной жизни и в настоящее время, возможно, используется более широко, чем когда-либо прежде. На этом фоне важно подчеркнуть, что, поскольку графолингвистика изучает все аспекты письма, она занимается не только теоретической обработкой систем письма, но и тем, как письмо и грамотность выполняют важные функции в нашей жизни.

Е.В. Майорова

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальн.: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Отдел языкознания; отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А. – Москва, 2022. – 280 с.

Рассматриваются инновационные процессы, происходящие в Интернете и иных электронных средствах массовой коммуникации, которые привели к возникновению нового подхода к пониманию общественной жизни как существующей в условиях глобального информационного пространства. Анализируются причины обращения к интернет-коммуникации, ее особенности и отличия от традиционного прямого общения. Особое внимание уделяется исследованию методов общения в сетевых структурах, при которых передача информации происходит с использованием различных форм ее обмена и представления.

Сборник адресован лингвистам, специалистам по теории коммуникации и медиалингвистике.

URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/rechevaia-kommunikaciia-v-setevykh-strukturakh-mezhdu-global-nym-i-lokalnym/>

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор С.Е. Шелимова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 22.11.2022

Формат 60×84/16
Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,25
Тираж 300 экз.
(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1
Цена свободная
Уч.-изд. л. 7,9
Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У